

Александр Александрович Семенов

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРА-
ФИИ им. А. ДОНИША

ФРАНЦУЗСКИЙ ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (IFEAS)

**ВКЛАД АКАДЕМИКА
А.А. СЕМЕНОВА В ИЗУЧЕНИЕ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ТАДЖИКСКОГО НАРОДА**

**Материалы Международной
научно-теоретической конференции,
посвященной 140-летию
академика А.А. Семенова
(Душанбе, 13 декабря 2013 г.)**

Душанбе - 2014

ББК 63.3(2) Точик 7-4

*Под общей редакцией
академика Р.Масова*

Редактор-составитель
кандидат исторических наук Н.Д. Ходжаева

Вклад академика А.А. Семенова в изучение истории и культуры таджикского народа. *Материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 140-летию академика А.А.Семенова (Душанбе, 13 декабря 2014г.). – Душанбе, «Дониш», 2014, 280 стр.*

В настоящий сборник материалов научно-практической международной конференции «Вклад академика А.А. Семенова в изучение истории и культуры таджикского народа», состоявшейся 13 декабря 2013 г., в Российском центре науки и культуры г. Душанбе, включены доклады ученых из Таджикистана, России, Узбекистана, Казахстана, Украины, Франции и Великобритании.

Тематика большей части статей охватывает все основные сферы деятельности А.А. Семенова – от научно-административной до его вклада в изучение истории культуры народов Центральной Азии, источниковедческое и эпистолярное наследие ученого и т.д.

Сборник предназначен для специалистов, студентов в области востоковедения, а также для всех интересующихся историей и культурой народов Центральной Азии.

ISBN 978-99975-0-?????

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
Х. Пирумшоев. Семенов – востоковед и организатор исторической науки в Таджикистане	
Д. Худоназаров. Академик А. А. Семенов, первое прикосновение к земле таджиков	
В. Германов. Научно-административная деятельность академика А.А. Семенова в Средней Азии (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан)	
С. Эркаев, А. Эркаев. Труды А.А. Семенова как исторический источник	
Х. Камол. Роль А.А. Семенова в изучении истории Мавераннахра и Хорасана XVIв.	
А. Саидов. О культурно-политических связях Бухары с «великими моголами» Индии в XV – XVII вв. в исследованиях А.А. Семенова	
Лола Додхудоева. Суфийская поэзия в коллекции рукописей А.А. Семенова	
Ф. Ришар. А.А. Semenov: the discovery and cataloguing of Persian and Tajik manuscripts in Central Asia	
К. Эльчибеков. Вклад А.А. Семенова в изучение исмаилизма	
А. Джумаев. Трактаты о музыке и история музыкальной культуры средневекового Востока в исследованиях А.А. Семенова	
Н. Убайдуллаев. А.А. Семенов о духовенстве и их отношении к гражданскому образованию в Бухарском эмирате	
Лариса Додхудоева. Письма Александра Семенова к	

- Михаилу Андрееву (1899 г., 1912 г.).....
- Ш. Шарипов. Из эпистолярного наследия двух востоковедов: переписка А.А.Семенова с Б.Г.Гафуровым.....
- В. Радзиевский. Академик А.А. Семенов: субкультуры и актуальные вопросы современности.....
- М. Пирумшоев. А.А. Семенов – исследователь этнографии таджиков Каратегина и Дарваза.....
- Н. Закиров. Саҳми академик Семенов А.А. дар рушди Синошиносӣ.....
- М. Баттис. Размышления об А.А.Семенове.....
- А. Худойдодов. Муҳаққиқи таърихи забон ва адабиёти форсии тоҷик.....
- А. Ҳочиев. Бойғониилмии академик А.А. Семёнов ва вазъи кунунии он.....
- С. Раздыков. Проблемы истории Казахстана: стереотипы прошлого или новое видение.....
- Г. Ризвоншоева. Маросими тӯй ва унсурҳои он дар афсонаҳои сеҳромези Бадахшон.....
- Д. Аминов, М. Джалилов, Ф. Наботов. Вклад трудящихся Российской Федерации в восстановление оросительных систем и развитие ирригационного строительства в Хатлонской области (1924-1930 гг.).....

CONTENT

Preface.....
H. Pirumshoev A.A. Semenov – orientalist and organizer of historical science in Tajikistan.
D. Khudonazarov Academician A.A. Semenov, the first contact with the Tajiks’ land.....
V. Germanov Scientific and administrative activity of academician A.A. Semenov in Central Asia (Turkmenistan Uzbekistan, Tajikistan).
S. Erkaev, A. Erkaev Scientific works of A.A. Semenov as a historical source.
H. Kamol Role of A.A. Semenov in the study of Mawarannahr and Khorasan in the 16 th century.
A. Saidov Cultural and political relations of Bukhara with India’s great Moguls in the 15 th – 17 th centuries in A.A. Semenov’s research.
Lola Dodkhudoeva Sufi poetry in A.A. Semenov’s manuscript collection.....
F. Richard A.A. Semenov: the discovery and cataloguing of Persian and Tajik manuscripts in Central Asia.....
K. Elchubekov A.A. Semenov’s contribution to the study of Ismailia.
A. Dzhumaev Treatises on music and history of music culture of medieval East in the study of A.A. Semenov.....
N. Ubaidullaev A.A. Semenov about clergy and its attitude to secular education in Bukhara Emirate.
Larisa Dodkhudoeva Letters of Alexander Semenov to Mikhail Andreev (1899 and 1912).....
Sh. Sharipov From epistolary heritage of two orientalists:	

correspondence of A.A. Semenov with B.G. Gafurov.....	
V. Radzievsky Academician A.A. Semenov: subcultures and actual issues of modernity	
M. Pirumshoev A.A. Semenov – researcher of ethnography of the Tajiks in Karategin and Darwaz.	
N. Zakirov A.A. Semenov’s contribution to development of Avicenna’s study.	
M. Battis Thinking about A.A. Semenov.....	
A. Khudoidodov A.A. Semenov –researcher of history of the Persian-Tajik language and literature	
A. Khojiev Scientific archive of academician A.A. Semenov’s at present.	
S. Razdykov Problems of history of Kazakhstan: stereotypes of the past or new vision.....	
G. Rizvonshoeva Wedding ceremonies and their elements in magic stories of Badakhshan	
D. Aminov, M. Jalilov, F. Nabotov Contribution of working people of Russian Federation to reconstruction of irrigation system and development of irrigation construction in Khatlon region (1924-1930).	

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2013 г. исполнилось 140 лет со дня рождения Александра Александровича Семенова (13.10.1873 – 16. 11. 1958) – выдающегося русского, советского ученого, одного из основоположников исторической науки в Таджикистане и необыкновенно талантливого человека, оставившего яркий след в академической науке республик Центральной Азии.

Свой путь в науку А. А. Семенов начал в Московском Лазаревском институте восточных языков, который окончил в 1900 г. Научная экспедиция в Самарканд, Зеравшанские горы и Дарваз под руководством известного этнографа А.А. Бобринского в 1898 г., определила горизонты научных интересов молодого А. А. Семенова и его дальнейший творческий путь. Получив глубокое и широкое востоковедческое образование, А.А. Семенов отправился в Среднюю Азию, где остался на всю жизнь.

А.А. Семенов – один из крупнейших востоковедов XX столетия, известный во всем мире специалист по средневековым письменным источникам (персидско-таджикских и арабских). По словам академика И.Ю. Крачковского: «Его труды, связанные с разработкой среднеазиатских рукописей, в частности, арабских, занимают у нас совершенно исключительное место».

Одним из ведущих направлений в научной деятельности А.А. Семенова занимают труды по истории ислама Центральной Азии, в особенности, исмаилитов.

Научные интересы ученого этим не ограничились. Его по праву можно считать пионером среднеазиатской археологии и исторического краеведения. Большое место в его деятельности занимают труды по изучению эпиграфических памятников, творчества средневековых поэтов и мыслителей Центральной Азии. А.А. Семенов является автором многочисленных научных публикаций по истории средних веков и нового времени Центральной Азии.

Много сделано ученым в изучении этногенеза народов

Центральной Азии. Исследователь неоднократно обращался к вопросу о происхождении Саманидов и Шейбанидов. Особо следует подчеркнуть, что, начиная со студенческих лет и на протяжении всей своей исследовательской жизни, А.А. Семенов изучал историю и культуру таджикского народа.

В своих трудах А. А. Семенов использовал всю совокупность письменных источников и научной литературы на европейских языках. Скрупулезность анализа источников – это характерная черта исследователя. Ученым опубликовано более трехсот научных работ, оставивших огромный след в мировом востоковедении.

Наряду с огромными научными достижениями, А.А. Семенов проявил себя и как выдающийся организатор науки. Являясь одним из основателей Ташкентского государственного университета, он также стал первым директором Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан (1951-1958 гг.). Именно А.А. Семенов способствовал становлению и развитию археологии, этнографии, нумизматики, а также изучению культуры и искусства таджикского народа. Им создана научная школа, ему многим обязаны ученики и коллеги, которые продолжили его дело.

Авторитет А.А. Семенова высоко оценен в научном мире. Он – академик Академии наук Таджикской ССР (1951), член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР (1943), член редакционных советов ряда научных журналов.

Сборник «Вклад академика А.А. Семенова в изучение истории и культуры таджикского народа» составлен преимущественно из статей, представленных авторами в качестве докладов на международной научно-теоретической конференции, посвященной 140-летию выдающегося ученого. Конференция была организована Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан совместно с Французским институтом исследований Центральной Азии (IFEAS) и проходила в 13 декабря 2013 г. в Российском центре науки

и культуры г. Душанбе. С приветственной речью выступили: Владислав Олегович Курнушко, руководитель Российского центра науки и культуры г. Душанбе, Дидье Леруа, Чрезвычайный и Полномочный Посол Французской Республики в Республике Таджикистан, Рахим Масович Масов, директор Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, Оливье Феррандо, директор Французского Института исследований Центральной Азии.

Основная цель конференции заключалась в привлечении внимания ученых и общественности к научному наследию А.А. Семенова, который оставил после себя известную во всех востоковедческих центрах мира не только богатую библиотеку, где также хранится уникальная коллекция восточных рукописей, но и личный научный архив, где сохранились копии его опубликованных работ и целый ряд не увидевших свет ценнейших трудов по истории и культуре народов Центральной Азии.

К конференции была приурочена презентация книги: «А.А. Семенов. Избранные сочинения», куда вошли неопубликованные работы ученого, хранящиеся в архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, а также ряд статей по истории таджикского народа и историографии Таджикистана, ставшие библиографической редкостью.

В сборник включены статьи исследователей из Таджикистана, России, Узбекистана, Казахстана, Украины, Франции и Великобритании.

Тематика большей части статей весьма обширна – от научно-административной деятельности А.А. Семенова до его вклада в изучение истории культуры народов Центральной Азии, источниковедческое и эпистолярное наследие ученого и т.д.

Р. МАСОВ
академик Академии наук
Республики Таджикистан

PREFACE

Alexander Alexanderovich Semenov (13.10.1873 – 16. 11. 1958), an eminent Russian and Soviet scholar, one of the founders of historical science in Tajikistan and extraordinary talent person left appreciable trace in the science of the republics of Central Asia. He was 140 years old in 2013.

His way to science began in 1900 when he graduated from the Moscow Lazarevsky Institute of Oriental Languages. The scientific expedition to Samarkand, Zarafshon Mountains and Darwaz in 1898 under the leadership of the famous ethnographer A.A. Bobrinsky, detected the horizons of scientific interests of young scholar and his further creative life. Having received an excellent Oriental education, A.A. Semenov has departed to Central Asia where he stayed for life. A.A. Semenov – one of the eminent orientalist of the 20th century. He is worldwide known specialist on medieval written sources (Persian-Tajik, Arabic). Academician I.Yu. Krachkovsky said: «His written research proceedings on interpretation of medieval manuscripts, particularly Arabic, has quite exceptional position».

One of the leading directions of A.A. Semenov's research is the history of Islam, especially the Ismailia.

The scientific interests of scholar have not limited in it. He is one of the pioneers of Central Asian archaeology and ethnography. The scientific works concerning the study of epigraphic monuments, creativity of medieval poets and thinkers of Central Asia are important in research activity of A.A. Semenov. He is the author of numerous publications on the history of the Middle Ages and Modern period of Central Asia.

The scholar made a major contribution to study of the ethno genesis of the peoples of Central Asia. He many times applied to the problem of origin of Samanids and Sheibanids. It is necessary to mention that beginning from the student's time and over a period of his scientific life, A.A. Semenov has studied the history and culture of Tajik people.

The scholar has used the complex of written sources and scientific literature in European languages. The scrupulosity of interpretation of the manuscripts is the feature of scholar. A.A. Semenov has published more than 300 publications left appreciable trace in world Oriental studies and historical science.

Equally, with scientific achievements A.A. Semenov has shown his worth as a talent organizer of science. Having been one of the founders of the Tashkent State University, he has also become the first director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography named after A. Donish of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (1951-1958). Exactly A.A. Semenov has promoted the foundation and development of archaeology, ethnography, numismatics and study of the culture and art of the Tajik people.

The authority of A.A. Semenov is appreciated in scientific world. He is an academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (1951), corresponding member of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (1943) and member of the editorial council of a number of scientific magazines.

Proceedings of the conference «Contribution of academician A.A. Semenov to study of history and culture of Tajik people» composed from the articles presented by authors as papers to international scientific-theoretical conference dedicated to 140th anniversary of eminent scholar. The conference was arranged by A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, Academy of Sciences together with the French Institute for Central Asian Studies. It took place in December 13, 2013 in Russian Center of Science and Culture in Dushanbe city. Vladislav Kurnushko, head of Russian Center of Science and Culture in Dushanbe city; Didier Leroy, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary; Rahim Masov, director of A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, Olivier Ferrando, director of the French Institute for Central Asian Studies spoke a welcoming speech.

The main aim of the conference was to draw attention of the academician community to scientific heritage of A.A. Semenov. The scholar left the library, it is known in world centers for oriental studies where there is also unique collection of manuscripts and private scientific archive having not only the copies of his publications and quite a number unpublished works on history and culture of the peoples of Central Asia.

The presentation of the book «A.A. Semenov Selected works» took place during the conference. His unpublished articles keeping in the archive of A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography and a number of articles on the history of Tajik people, historiography of Tajikistan which became rare are included in this publication.

The articles of the scholars from Tajikistan, Russia, Uzbekistan, Kazakhstan, Ukraine, France and Great Britain presented in this book.

The themes of the most articles is comprehensive – from scientific and administrative activity of A.A. Semenov to his contribution to the study of history and culture of the people of Central Asia, the source study and epistolary heritage of scholar, etc.

R. MASOV
Academician of the Academy
of Science Republic of Tajikistan

**А.А. СЕМЕНОВ – ВОСТОКОВЕД И ОРГАНИЗАТОР
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ТАДЖИКИСТАНЕ**

Александр Александрович Семенов принадлежит к той плеяде выдающихся востоковедов, которых в полном смысле слова называют незаурядными специалистами широкого профиля. Невозможно переоценить заслуги ученого в развитии региональной истории, археологии, этнографии, источниковедения, литературоведения, нумизматики, каллиграфии, фольклористики, истории религии, культуры и ряда других научных направлений. Бесспорно одно, во всех этих направлениях он оставался преимущественно исследователем таджикского народа.

А.А. Семенов родился в 1873 г., в семье крестьянина, бывшего разорившегося купца в селе Конобеево Шацкого уезда Тамбовской губернии России¹. Рано лишившись отца (ему было 40 дней, когда умер отец), он рос на полном обеспечении матери в доме деда. Семилетний Александр был определен в Конобеевское училище. Через год после окончания училища поступил в Тамбовский учительский институт. В 1892 г., в свои не полные 20 лет, окончив институт он поступает на работу в Конобеевское двухклассное образцовое училище на должность заведующего. Пристальный интерес молодого учителя к истории Востока привел его в 1895 г. в специальные классы Московского Лазаревского института восточных языков, которые приравнивались к высшему учебному заведению. Специальные курсы данного института в отличие от восточного факультета Петербургского университета, в котором наряду со знанием языков и навыков исследовательской работы по отдельным направлениям вос-

¹ Архив А.А. Семенова. – Оп. 2. – Д.1. – Л. 21.

токоведения, готовили студентов для практической работы в странах Востока. Следует отметить, что в плане профессиональной подготовки студенту А.А. Семенову повезло. Ему было суждено получить прекрасные языковые знания у замечательных ученых педагогов. Арабский язык преподавал профессор Г.А. Муркос, сириец, окончивший Петербургский университет, персидскую словесность вели академик Ф.Е. Корш, барон Р.Р. Штакельберг и Мирза Джаффар – турецкий профессор, С.А. Саков и С.Г. Дзеруньян.

А.А. Семенов впоследствии с благодарностью вспоминал, что определяющее влияние на его формирование, как востоковеда, оказали академики В.В. Миллер, (читавший курс сравнительного языкознания и побудивший его особый интерес к изучению таджико-персидской словесности и среднеазиатских памятников), А. Веселовский (по всемирной истории) и профессор этнографии Н.Н. Харузина.

В Лазаревском институте особое значение предавалось приобщению студентов к получению практических навыков непосредственно в той языковой среде, по которой специализировались студенты. Используя предоставленную возможность, в 1896 году студент А.А. Семенов совершил первую поездку в Азербайджан. Проживая некоторое время в персидской семье в Дербенде, ему удалось приобщиться к живому, обыденному, персидскому языку. Свои впечатления об этой поездке он изложил в одной из своих первых публикаций¹.

В 1897 г. студент А.А. Семенов был отправлен в Среднюю Азию². Посетив Самарканд, Бухару, которые он считал тюркоязычными, с удивлением для себя обнаружил несравнимый перевестаджикского языка. «Именно в это время, – пишут Б.А. Литвинский и Н.М. Акрамов, – он впервые по-

¹ См.: Семенов А.А. Дербент. Из путевых заметок. – М., 1896.

² Впечатление А.А. Семенова об этой поездке изложено: В священной Бухаре. (Путевые очерки) // Русские ведомости. – СПб., 1897. – № 332 и 351.

чувствовал музыку разговорного таджикского языка, познакомился с обычаями горожан – таджиков, увидел замечательные памятники средневековой архитектуры»¹.

На следующий год (1898), по рекомендации своего наставника В.Ф. Миллера, А.А. Семенов участвовал в научной экспедиции, организованной «Обществом естествознания, антропологии и этнографии» при Московском университете, которой руководил известный этнограф А.А. Бобринской. Цель экспедиции заключалась в собирании зоологических, этнографических коллекций и изучении народонаселения долины Верхнего Зеравшана и Припамирья. Согласно распределению обязанностей сам А.А. Бобринской должен был заниматься изучением быта населения, преимущественно его орнамента, ассистент Н.В. Богоявленский проводил антропологические, зоологические и метрологические исследования, а А.А. Семенову был поручен сбор материала по этнографии, языку и фольклору².

А.А. Семенов, получивший необходимые навыки исследовательской работы по рекомендации Н.Н. Харузина, результаты своей поездки в составе указанной экспедиции обобщил в небольшой книге «Средняя Азия»³. О том, как эта книжка была оценена специалистами, свидетельствует факт избрания его автора действительным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

В отличие от университетов Лазаревский институт не присваивал ученые звания, но, как отмечено в документах, А.А. Семенов окончил его в 1900 г. с «отличными успехами в следующих науках: арабская словесность, персидская словесность, турецко-татарский язык, история Востока, русская

¹ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов (Научно-биографический очерк). – М.: «Наука», 1971. – С.24.

² См.: Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов. (Научно-биографический очерк). – М.: «Наука», 1971. – С.25.

³ Семенов А.А. Средняя Азия. Очерк. – М., 1899. – 104 с.; Второе изд. – М., 1910. – 96 с.

словесность и высокие практические показатели по турецкому языку, персидскому языку, арабскому языку и восточной каллиграфии»¹. Определивший еще в студенческие годы дальнейшие перспективы своей профессиональной деятельности, А.А. Семенов после успешного окончания Лазаревского института (хотя предложили остаться на кафедре турецкой словесности института), связал всю свою жизнь со Средней Азией.

Трудовую деятельность А.А. Семенов начал техническим работником в различных учреждениях, в частности исполняющим обязанности помощника делопроизводителя, заведующим статистическим отделом канцелярии начальника Закаспийской области. За пять лет своего пребывания в Ашхабаде он показал себя вполне состоявшимся ученым востоковедом. Была опубликована серия его работ по этнографии, важнейшей среди которых была книга «Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза»². Данная работа и ранее опубликованные «Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии»³ были удостоены в 1903 г. золотой медали «Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» при Московском университете. В Ашхабаде он пристально изучал этнографию туркмен, историю среднеазиатского суфизма и исмаилизма, занимался изучением археологических памятников, по результатам которых опубликован ряд важных статей⁴.

¹ См.: См.: Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов. (Научно-биографический очерк). – М.: «Наука», 1971. – С. 27-28.

² Семенов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – 3+112 с. с илл. + 11 табл. и карт.

³ Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. – Ч.1. Грамматический очерк и памятники народного творчества. – М., 1900. – 56 с. с илл.; Ч. 2. Памятники народного творчества и словарь. – М., 1901 – 74 с. с илл.

⁴ См.: Библиография работ А.А. Семенова. Приложение к кн.: Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов. – С.

В 1906 г. А.А. Семенов был переведен в Ташкент на должность делопроизводителя канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Тогда и позже, он занимал довольно высокие по тому времени такие должности, как помощник управляющего канцелярией (1908-1911 гг.), дипломатический чиновник; временами исполнял должность начальника канцелярии генерал-губернатора (1911-1916), в годы войны был исполняющим обязанности помощника военного губернатора Самаркандской области, а накануне Октябрьской революции при Временном правительстве – заведующим продовольствием в Самаркандской области, а затем заведующим туземной канцелярией при Российским резидентстве в Бухаре. Несмотря на перегруженность административными делами, в центре своей деятельности он ставил служение науке.

С 1907 по 1917 гг. А.А. Семенов опубликовал свыше 40 работ по различным проблемам истории, культуры, этнографии, археологии и другим направлениям науки, что является свидетельством окончательного выбора его жизненного кредо. Среди его исследований особое место занимают «Очерки истории присоединения вольной Туркмении»¹, «Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов»², «Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов»³, перевод «Истории Шугнана»¹ и др.

153-154.

¹ Семенов А.А. Очерки по истории присоединения вольной Туркмении (1881-1885 гг.) (по архивным данным) // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1909. – № 83, 86, 88, 90, 93, 96, 99, 102, 104, 106, 108, 110, 112, 114, 116, 118, 132, 139, 145, 149, 160, 168, 173, 177, 179, 182, 183, 184 (всего 28 номеров); Отд. изд. – Ташкент, 1909. – 122 с..

² Семенов А.А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I. – № 3. – С. 293-321.

³ Семенов А.А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I. – № 4. – С. 523-561.; Отд. отт. – СПб., 1912. – С. 523-561.

После победы Октябрьской революции ученый полностью посвятил себя служению науки. В связи с принятием 9 марта 1918 г. Совнаркомом Туркестанской Автономной Республики постановления об учреждении в Ташкенте университета, для организационных вопросов в Москву была отправлена делегация, в состав которой был включен и А.А. Семенов. Но в связи со стечением обстоятельств (гражданская война и закрытие движения в Среднюю Азию), его командировка продлилась почти три года. За это время в Петрограде и Москве он провел большую работу по подготовке переезда профессоров и преподавателей в Ташкент, а также разработке соответствующих учебных программ и научных изысканий. В 1919 году А.А. Семенов был избран профессором Восточного факультета Петроградского университета в 1919 г. по кафедре персидской словесности историко-филологического факультета Туркестанского университета. В январе 1920 г. ученый выехал с первым эшелоном Туркестанского государственного университета в Ташкент и всецело окупился в решение организационных проблем по открытию университета. 7 сентября 1920 г. был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении в Ташкенте Государственного университета.

На восточном факультете Ташкентского университета и Восточном институте, функционировавшем с 1918 г. (в 1924 г. в качестве восточного факультета был включен в состав Среднеазиатского государственного университета) А.А. Семенов читал курсы по введению в иранскую филологию, персидской словесности, персидской литературе, персидскому языку, истории исследования Туркестана, и археологии Туркестана. Он активно занимался археологией Средней

¹ История Шугнана. перевод с персидского и примеч. А.А. Семенова. // Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока.. – Т. XXI. – Ташкент, 111+ 23 с.

Азии, принимая непосредственное участие в деятельности организованного в Ташкенте, Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис, а в последствии – Средазкомстарис), Среднеазиатского отдела «Русского географического общества», «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», организованное в 1925 г. в Ташкенте, с филиалом в Душанбе.

В 1925-1926 гг. «Обществом для изучения Таджикистана и иранских народностей» были организованы этнографические экспедиции под руководством М.С. Андреева. Результаты экспедиций были изданы в журнале, издаваемом Обществом. Там же были опубликованы в переводе с примечаниями А.А. Семенова рукопись «Каттаган и Бадахшан» Бурхан уд-Дина Кушкеки¹ и богословное произведение «Ваджих-и дин» (Рўй-и дин») Носир-и Хосрова², пользовавшееся большой популярностью среди памирских исмаилитов. По просьбе правительства Туркменистана в 1926-1929 гг. А.А. Семенов принимал участие в ряде экспедиции в Южную Туркмению, целью которых было исследование архитектурных памятников на развалинах Нисы, мавзолея шейха Абу-Саида Мейхенейского, памятников древнего Мерва и других памятников истории и культуры

В 30-40-е годы А.А. Семенов продолжает активную научную деятельность по многим проблемам истории и культуры народов Средней Азии. В особенности, это проявляется в его исследованиях по истории таджикского народа. В 1930 году он дважды приезжает в Сталинабад для участия в совещаниях по вопросам, связанным с алфавитом и орфографией таджикского языка. Ученый согласился взять на себя

¹ Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – Пер. с перс. П.П. Введенского, Б.И. Долгополова и Е.В. Левкиевского, под редакцией, с примечаниями А.А. Семенова. – Ташкент, 1926. – 248 с.

² К догматике памирского исмаилизма (XI глава «Лица Веры» Насыр-и Хосрова). – Ташкент, 1926. – XIV+52 с. +2 л. портрета.

руководство работой по составлению таджикско-русского словаря рассчитанного на 25-30 тыс. слов. В годы существования Государственного научно-исследовательского института ТаджССР (1930-1933) А.А. Семенов заведовал отделом языка и литературы данного института, и вплотную продолжал работать над картотекой таджикско-русского словаря.

Следует заметить, что напряженная политическая обстановка начала 30-х годов, когда были ликвидированы некоторые институты повлияла на развитие среднеазиатской востоковедческой науки. Так, в 1930-1931 был ликвидирован восточный факультет САГУ (Восстановлен в 1944 г.), А.А. Семенов в 1931-1934 гг. временно жил и работал в Казани, затем вернувшись в Ташкент, всецело окупился в преподавательскую и исследовательскую работу. Только во второй половине 30-х годов им опубликовано около 30 работ, среди которых: «Абу-Али-ибн-Сина (Авиценна)», «Ал-Бируни – величайший ученый средневекового Востока», «Великий азербайджанский поэт Низами», «Два великих поэта X века (Рудаки и Дакики)», «Новелла о Мир Алишере Навои» (пер. с перс), «Художник Камаледдин Бехзод». «Гератское искусство в эпоху Алишера Навои», «Омар Хайям», «Хафиз (К 550-летию со дня его смерти)» и другие статьи посвященные жизни и деятельности выдающихся представителей науки и культуры, считаются классическими образцами исследования.

Напряженная научная деятельность А.А.Семенова протекала и в суровые годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Кроме кафедры истории Средней Азии САГУ, где протекала его трудовая деятельность, ученый читал курсы лекции по истории Средней Азии XVI-середины XIX вв., источниковедению, арабской палеографии, средневековой среднеазиатской метрологии и хронологии Востока, одновременно работал в качестве старшего научного сотрудника эвакуированного в Ташкент Института востоковедения АН

СССР.

Важной вехой официального признания высокого научно-профессионализма А.А. Семенова стало присвоение ему в 1942 г. по представлению в качестве диссертационной работы (по уговору друзей и соратников) «Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени» степени доктора наук, которую он давно и по праву заслужил. В 1943 г. была организована Академия наук Узбекской ССР и А.А. Семенова избрали член-корреспондентом первой академии наук в Средней Азии. Он также был назначен директором Института по изучению восточных рукописей. На плечах опытного наставника лежала вся тяжесть комплектования штата и создания соответствующей базы института. 1 марта 1948 г., уйдя с этой должности по собственному желанию, ученый сосредоточил все внимание на исследовательской работе. Из наиболее крупных его работ данного периода являются разделы по истории узбекских ханств с конца XV до середины XIX вв., которые были включены в «Истории народов Узбекистана»¹

Все эти годы на какой бы должности А.А. Семенов не работал, он всегда держал тесную связь с научными учреждениями Таджикистана. По просьбе руководства Республики, ученый работал старшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР. В Сталинабаде публикуются его работы «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии»,² «Абу-Али-ибн Сино»³ и «Ал-Бируни»⁴. В 1949 г. по просьбе Президиума Таджикского филиала АН СССР А.А.

¹ История народов Узбекистана. – Т. 2. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской Социалистической Революции. – Ташкент, 1947 (А.А. Семенову принадлежить стр. 21-173).

² Семенов А.А. Материальные памятники иранской культуры в средней Азии. – Сталинабад, 1944. – 46 с.

³ Семенов А.А. Абу-Али-ибн Сино (Авиценна). – Сталинабад, 1945. – 69 с.

⁴ Семенов А.А. Ал-Бируни – величайший ученый средневекового Востока и Запада. – Сталинабад, 1948. – 47 с.

Семенов дает согласие быть научным руководителем аспирантов Института истории, языка и литературы Таджикского филиала, а также читает курс лекций по историографии и истории Средней Азии. В связи с этим он дважды в год по месяцу проживал в Сталинабаде. В 1946 г. А.А. Семенову было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Таджикской ССР», в 1949 г. награжден орденом «Знак почета».

Говоря о научной продукции ученого во второй половине 40-х годов, следует отметить, что за этот период им было опубликовано 25 работ, среди которых особо выделяются вышеупомянутые главы в «Истории народов Узбекистана», «Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре», «Рисолэйи мусики» («Трактат о музыке») Дарвеш Али¹ и др.

В 1951 г. на базе Таджикского филиала АН СССР была учреждена Академия наук Таджикской ССР, А.А. Семенов был избран действительным членом вновь образованной академии. Учитывая заслуги ученого в становлении развития исторической науки, руководство Республики и Президиум АН ТаджССР, просили ученого переехать в Сталинабад и взять на себя нелегкую задачу возглавить Институт истории, археологии и этнографии. С первых дней своего вступления на путь научных изысканий ученый испытывал особое увлечение историей древних аборигенов края – таджиков, и поэтому он охотно согласился, взявшись за выполнение трудной задачи по созданию мощного центра исторической науки в Республике. Несмотря на то, что исследования проводились на Таджикской базе, а затем с 1940 г. в Таджикском филиале АН СССР, тем не менее, основную тяжесть исследований брали на себя ученые центральных и региональных научных учреждений, и с крайне слабым потенциалом местных специалистов, поднять историческую

¹ Семенов А.А. Среднеазиатский трактат по музыке Дервиша Али (XVII века). Сокращенное изложение таджикского текста с введением, примечаниями и указателем. – Ташкент, 1946 – 87 с.

науку на должный уровень, было практически невозможно. Но, опираясь на свой жизненный опыт, высокий профессионализм и целенаправленное упорство А.А. Семенов с полной решимостью взялся за серьезные исследования главных научных направлений института: а) истории таджикского народа с древнейших времен до середины XX столетия; б) археологии; в) этнографии и в перспективе, – г) истории искусства.

При поддержке руководства республики А.А. Семенову пришлось пригласить молодых специалистов из других республик. Для подготовки местных специалистов, он потратил много времени для организации защиты диссертаций аспирантами – таджиками в Ташкенте и в центральных научных учреждениях. Чтобы выявить способных и тяготеющих к науке молодых студентов, он преподавал в Таджикском государственном университете¹ и Душанбинском государственном педагогическом институте², читая курсы «Палеография Востока», «Хронология Востока», «Источниковедение истории Средней Азии» и другие предметы.

Неимоверный труд выдающегося организатора науки начал приносить свои плоды. Вскоре его ученики А. Маджлисов, Н. Латыпов, А. Мухтаров, С. А. Стеценко и другие, защитив диссертации, взялись за решение серьезных проблем средневековой и новой истории таджикского народа. В секторе этнографии под руководством М.С. Андреева, А.К. Писарчик, Н.Н. Ершов, Б.Х. Кармышева, Н. Нурджанов и М. Рахимов плодотворно занимались проблемами этнографии. Важнейшим достижением этнографии этого периода стал выход двухтомного труда «Таджики долины Хуф». То же самое, можно сказать и о секторе археологии, который возглавил молодой и перспективный ученый Б.А.

¹ В настоящее время – Таджикский национальный университет.

² В настоящее время – Таджикский государственный педагогический университет им. Садрриддина Айни

Литвинский.

Кроме многочисленных научных работ по разным направлениям науки в институте также запланировано капитальное исследование по «Истории таджикского народа», конечным результатом которого стал выход в свет в Москве в 1963-1965 «Истории таджикского народа» в трех томах, состоящих из пяти книг. Что касается самого А.А.Семенова, то до конца дней своей жизни (16 ноября 1958 г.) он продолжал интенсивную исследовательскую работу. Ученый подготовил и выпустил ряд серьезных работ, которые вошли в золотой фонд нашей отечественной историографии. Среди них: «Абу-Али ибн-Сина», «К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбанихана», «Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени», «Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр», а также издание ряда средневековых исторических сочинений «Мухаммед Юсуф Мунши «Муким-ханская история» Мир мухаммед Амини Бухари «Убайдулла-наме», Гийасаддин Али «Дневник похода Тимура в Индию» и др. В этой связи следует заметить, что многие работы А.А. Семенова увидели свет после его смерти.

Разнообразный характер исследований ученого приводит к убеждению, что крайне трудно определить приоритетное направление в его исследовательской деятельности. Он с одинаковой компетентностью и крайней серьезностью показал свою исследовательскую оригинальность и как корифей востоковедения в широком смысле этого слова, был создателем школы среднеазиатской ориенталистики.

Как незаурядный исследователь истории и культуры народов Средней Азии главным образом таджиков, А.А. Семенов получил общепризнанное лидерство в научном мире. Многочисленные публикации по важным проблемам преимущественно средневековой истории Средней Азии: «К вопросу о происхождении Саманидов», «К вопросу о происхождении состава узбеков Шейбани-хана», «Шейбани-

хан и завоевание им империи Тимуридов (XV – XVI вв.)», Отдельные главы сводного труда «История народов Узбекистана» и многие другие ставят А.А. Семенова в один ряд с академиком В.В. Бартольдом – известного специалиста по истории Средней Азии. Разница заключается лишь в том, что многие исследования В.В. Бартольда по охвату событий являются более обширными, А.А. Семенов же не стремился создать, большие, фундаментальные исследования, а преимущественно довольствовался небольшими актуальными статьями по неисследованным темам. Следует отметить, что научная ценность каждой статьи А.А. Семенова равнозначна любому крупному исследованию.

Без всякого сомнения, А.А. Семенов является крупнейшим знатоком таджико-персидских рукописных источников. Также можно оценить его заслуги в изучении арабских и тюркских рукописей. В его переводах с комментариями изданы ценнейшие рукописи: «Мукум-ханская история» Мухаммада Юсуфа Мунши, «Убайдулла-наме» Мир Мухаммеда Амин-и Бухары, «Дневник похода Тимура в Индию» Гийасиддина Али и др. Трудно переоценить заслуги А.А. Семенова области исследования истории ислама, главным образом исмаилизма.

А.А. Семенов является одним из зачинателей среднеазиатской археологии. Его археологические исследования памятников старины в Туркмении и Узбекистане являются ярким примером его заслуги в этом направлении.

Как незаурядный библиограф, ученый проявил себя в составлении томов знаменитого «Туркестанского сборника», приняв участие в 1914-1916 гг. в составлении 544-591 томов, а также в каталогизации восточных рукописей частных собраний Бухарской центральной Библиотеки, фундаментальной библиотеки САГУ, Государственной библиотеки им. Алишера Навои и составлении «Указателя персидской литературы по истории узбеков Средней Азии». Он также участвовал в подготовке «Собраний восточных руко-

писей АН УзССР.

Следует также отметить особую заслугу А.А. Семенова в изучении этнографии Средней Азии в целом, и таджикского народа в особенности. Десятки его работ по этнографии получили высокие оценки специалистов, и поощрительные премии различных обществ и научных учреждений.

Следует упомянуть и о заслугах ученого в развитии регионального, главным образом, таджикского литературоведения, а также нумизматики, каллиграфии, фольклористики, и ряда других научных направлений.

В этой связи, уместно высказать свои соображения об А.А.Семенове как об историографе. Следует отметить, что при более тщательном знакомстве с его условно считавшимися сугубо историческими исследованиями нельзя не заметить в них обязательного присутствия историографического подхода к анализу проблемы. Судя по логике содержания его работ, он считал, что вопрос о степени изученности проблемы должен быть обязательным атрибутом любых серьезных исторических исследований. Этот подход вытекало прослеживается почти во всех его сугубо исторических исследованиях. Ученый во всех случаях на передний план выводит историографию проблемы, т.е. он, стремился подчеркнуть уровень изученности вопроса, и на этой основе принимался за его углубленный анализ.

Такой подход автора прослеживается и в его работах, имеющих источниковедческий характер, чаще в предисловиях к переводам источников.

Но настоящий талант и глубокий профессионализм А.А.Семенова в историографическом плане проявились при написании им серии статей для первых трех томов пятитомного фундаментального коллективного труда «Очерки истории исторической науки в СССР», вышедшего в 50-60-х годах прошлого столетия. Эту серию открывает статья «Исторические знания у народов Средней Азии в период становления феодализма (VI-X вв.)». Согласно общему кон-

тексту, указанная статья и другие работы (всего 4), помещенные в первом томе «Очерков»¹, охватывают период вплоть до середины XIX в. Они, по сути, положили начало научному изучению истории исторической науки нашей Республики.

Состояние исторических династий таджикского народа второй половины XIX в. анализируется А.А. Семеновым в соответствующем разделе второго тома «Очерки истории исторической науки в СССР»². Автор увязывает его с присоединением Средней Азии к России, отмечая заслуги Ахмада Дониша, Абул Азима Соми в этом направлении.

Анализ таджикской историографии начала XX в. дается в статье «Историография Таджикистана», написанной А.А.Семеновым в соавторстве с А.Мухтаровым для третьего тома «Очерки истории исторической науки в СССР»³. Особое внимание авторы уделяют заслугам русских исследователей,

Являясь, по сути, одним из основателей важного и определяющего направления в исторической науке – историографии, А.А.Семенов создал надежную школу, через которую прошли и в последствии получили широкую известность в Республике и далеко за ее пределами такие ученые, как Б.И. Искандаров, З.Ш. Раджабов, Б.А. Литвинский, А.М. Мухтаров, В.А. Ранов и ряд других его последователей, которые с гордостью преумножали и преумножают славу таджикской историографии.

Только совокупность изучения всех граней научной деятельности А.А. Семенова позволяет объективно и достойно

¹ Семенов А.А. Исторические знания у народов Средней Азии в период феодализма (VI – X вв.) // Очерки истории исторической науки СССР. – Т. I. – М., 1955. – С. 41-47; Он же. Историография Таджикистана. – Там же. – С. 153-160; 267 – 268; 643-645.

² Очерки исторической науки в СССР. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – Т. 2. – С. 807-808.

³ Очерки исторической науки в СССР. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – Т. 3. – С. 747-751.

определить его место в развитии науки не только в нашей Республике, но и в региональном масштабе.

Общее знакомство с наследием великого ученого приводит к заключению о том, что наше поколение историков остается в долгу перед светлой памятью выдающегося ученого. В нашей Республике, да и в соседних государствах давно назрела необходимость, совместными усилиями подготовить и издать «Полное собрание сочинений» ученого. У нас в этом направлении есть свои планы. Мы знаем, что большая часть его работ как опубликованных, так и неопубликованных хранятся в архиве Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии Академии наук Республики Таджикистан. Но мы также знаем, что часть архива А.А. Семенова находится в Узбекистане и в Туркменистане. Необходимо общими усилиями собрать и объединить неопубликованные работы исследователя, хранящиеся в Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане, систематизировать и издать. Это и есть веление времени, и выполнение долга перед памятью выдающегося ученого.

**АКАДЕМИК А. А. СЕМЕНОВ,
ПЕРВОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЗЕМЛЕ ТАДЖИКОВ**

Данная статья посвящена начальному периоду исследовательской деятельности Александра Александровича Семенова, выдающегося ученого, замечательного исследователя истории и культуры таджиков. В 1898 году он впервые совершил путешествие в Среднюю Азию от Самарканда до Дарваза в составе Второй Памирской экспедиции графа Бобринского.

Граф Алексей Алексеевич Бобринский (1861-1938) организовал на свои средства три экспедиции в Среднюю Азию¹, и каждый раз его конечной целью были высокогорные ущелья Памира. Он издал несколько книг по культуре и истории горных таджиков. Его последняя поездка состоялась летом 1901

¹М.Талалай, Б. Марабини-Цёггелер. Русская колония в Мерано. – Больцано, 1997. – С. 106 – 108

А.М. Решетов. Алексей Алексеевич Бобринский – российский этнограф и искусствовед // Лавровские (Среднеазиатско-кавказские чтения. 1998 – 1999 гг. Краткое содержание докладов). – СПб., 2001. – С. 164-166.

Худоназаров Д. Граф А. А. Бобринский — основоположник изучения духовной культуры таджиков Памира // Религиоведение. – 2008. – № 3. – С. 175-187; Он же. Душа найдет покой... // Родина. – 2008. – № 4. – С. 63—67; Он же. История одной ошибки в каталоге // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2008. – № 3. – С. 73—78; Он же. Справка о фотографиях профессора Н. В. Богдавленского. Директору Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН академику Тишкову В. А. Москва, 4 ноября 2008 года; Он же. В поисках архива графа А. А. Бобринского в Южном Тироле // Вестник архивиста. – 2011. – №№ 2-3. – С. 86—87; Он же. Тихий благотворитель // Родина. – 2011. – № 8. – С. 63-67. М. Талалай, Б. Марабини-Цёггеле. Д. Худоназаров. Граф Алексей Бобринский. От Памира до Доломитовых гор. – Больцано, 2012; Худоназаров Д.Н. Памирские экспедиции графа А.А. Бобринского 1895-1901 годов. Этнографический альбом. Фотографии Н.В. Богдавленского. – М., Наука 2013 г.

года, а первая в 1895 г. В 1896 г. графа его постоянный спутник Н.В. Богоявленский¹ побывали в Персии.

Подготовка к следующей экспедиции графа Бобринского началась практически осенью 1896 г. и продолжалась полтора года. Граф, помня, как он и Н.В. Богоявленский страдали в Тегеране из-за незнания языка, учел негативный опыт прошлого и решил привлечь к участию в экспедиции востоковеда со знанием таджикского и узбекского языков. Он обратился за советом к председателю этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии профессору В.Ф. Миллеру², и тот рекомендовал графу Александра Семенова, студента Лазаревского института восточных языков³. Сам В.Ф. Миллер год как руководил этим институтом и знал Семенова как активного и инициативного студента, который до этого окончил Екатерининский педагогический институт в Тамбове и успел три года поработать в должности заведующего Конобеевским двухклассным образцовым училищем⁴. А.А. Семенов происходил из старинного татарского рода, его предки занимали придворные должности в

¹ Богоявленский Николай Васильевич (1870-1930), ученый-зоолог, участвовал во всех трех памирских экспедициях графа Бобринского, позже профессор Московского университета, подготовил учебник по курсу зоологии и биологии для студентов медицинского и зоотехнического институтов. Подробнее о нем см.: Горячкин Г.В., Кислова М.А. Поездка Н.В. Богоявленского в арабские княжества Персидского залива в 1902. – М.: Издательский центр ИСАА при МГУ, 1999.

² Миллер Всеволод Федорович [1848–1913], русский филолог, фольклорист, языковед, этнограф и археолог, академик Петербургской АН (1911). Окончил Московский университет (1870), профессор университета (с 1884). Председатель этнографического отдела общества ОЛЕАЭ (с 1881), один из основателей журнала «Этнографическое обозрение» (1889–1916), хранитель Дашковского этнографического музея в Москве (1884–1897), директор Лазаревского института восточных языков (1897–1911). Занимался индоиранскими языками

³ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов: (Научно-биографический очерк). – М., 1971. – С. 25.

⁴ Там же. С. 11.

бывшем Касимовском царстве¹. Позже они приняли православие, но свою культуру не забыли. А.А. Семенов в своем автобиографическом очерке вспоминал: «...мусульманский Восток издавна манил меня к себе и казался мне таким таинственным и загадочным; татарский язык, с детства знакомый мне, я знал как практически, так и теоретически, занятия же восточными религиями и этнографией Востока я никогда не прекращал»². А.А. Семенов уже успел воочию познакомиться со Средней Азией – в 1897 г. побывал у кочевых туркмен и месяц прожил в Бухаре³. Во время этой поездки совершенствовал свое знание языков и на практике применил методы сбора этнографической информации.

Цели экспедиции были заблаговременно определены графом Бобринским, ученые определились и с тем, кто, чем будет заниматься. Н.В. Богоявленский свидетельствует: «Разделение труда членов экспедиции было таково: гр. А.А. Бобринской взял на себя изучение внешнего быта, преимущественно его орнамента. А.А. Семенов поставил себе задачей изучение языка и фольклора народонаселения, на мне же лежало изучение горцев в антропологическом отношении, собирание зоологического материала, фотографирование, метеорологические и географические наблюдения»⁴.

Участники экспедиции находились в процессе подготовки, нуждались в советах и рекомендациях высококвалифицированных востоковедов и этнографов. Кроме В.Ф. Миллера, в профессиональной подготовке участников экспедиции приняли участие такие выдающиеся ученые,

¹Касимовское ханство – зависимое от Московского государства образование, существовавшее в 1452–1681 гг. на территории нынешней Рязанской области России.

²Семенов А.А. Мое жизнеописание. Л 9.

³Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии: Грамматический очерк и памятники народного творчества. – М., 1900. – Ч 1. – С. 2.

⁴**Ошибка! Залкадка не определена.** Н.В. В верховьях р. Аму-Дарьи // Землеведение. 1901. № 1–2.

как Д.Н. Анучин, Н.Н. Харузин¹, Ф.Е. Корш² и К.Г. Залеман³. Они помогли графу А.А. Бобринскому и А.А. Семенову своими практическими советами и полезными указаниями по собиранию этнографического и лингвистического материала⁴.

В один из дней середины апреля 1898 г. поезд с участниками экспедиции – графом А.А. Бобринским, Н.В. Богоявленским и А.А. Семеновым – выехал из Москвы на юг России. Наши путешественники из Москвы по железной дороге добрались до Владикавказа, оттуда до Петровска⁵, там пересели на пароход и пересекли Каспийское море, далее двигались от Красноводска по Закаспийской железной дороге до Самарканда. Они были в пути примерно девять дней.

Жители Самарканда были известны своей предприимчивостью, поэтому к 1898 г. там уже сложилась своеобразная инфраструктура, которая обеспечивала русских и зарубежных путешественников всем необходимым в их дальнейших странствиях по областям Русского Туркестана и бекствам Бухарского эмирата. И все же снаряжение экспедиции – процесс достаточно кропотливый, он требует опыта и сноровки. По свидетельству Н.В. Богоявленского, в самой крупной из трех экспедиций, в 1898 г., было 13 участников (вместе с проводниками и грузчиками), а также 15 лошадей⁶. А.А. Семенов в своих путевых заметках

¹Николай Николаевич Харузин (1865–1900) – один из основателей российской этнографии, историк и археолог.

²Федор Евгеньевич Корш (1843–1915) – русский филолог-классик, славист, востоковед, стиховед, поэт-переводчик. Академик Петербургской академии наук (1900).

³Залеман Карл Германович (1849/1850–1916) – русский филолог-иранист, академик Петербургской академии наук (1895), директор Азиатского музея Академии наук (с 1890).

⁴Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. – Ч 1. – С. 3.

⁵Ныне Махачкала

⁶Богоявленский Н.В. В верховьях р. Аму-Дарьи. С. 8.

1898 года изредка упоминает господина Б и господина N. За обеими буквами, как мне представляется, стоит Н.В. Богоявленский. В первом случае о нем говорится как о фотографе, а во втором – за латинской буквой N скрывается первая буква имени Николай: здесь Н.В. Богоявленский представляет главу экспедиции во встречах с официальными чиновниками эмира на местах. Граф Бобринской не любил формальности, и там, где это было возможно, поручал подобные обязанности своему младшему товарищу. На страницах путевых заметок Семенова и Богоявленского чаще попадает имя эмирского чиновника Махрам-Бека, реже – переводчика и проводника Якуба. Участники экспедиции упоминают каратегинца – проводника Ходжу Назара, Мамадбека в связи с его болезнью. «*Старый горец*» Ошур отличился при переходе одного из перевалов, участник экспедиции 1895 г. Соле встретился с графом на Искандеркуле, а Мулла-Нозиль сопровождал Семенова во время его встречи с дервишами в Кулябе. О других ничего не сказано.

В то время как проводник Якуб занимался подготовительными делами, сам А.А. Бобринской вместе с Н.В. Богоявленским и А.А. Семеновым знакомились ближе с Самаркандом, с его памятниками архитектуры, мечетями и медресе, с людской жизнью вокруг них. Граф еще два года назад интересовался фотографиями Самарканда у своего троюродного брата – археолога графа А.А. Бобринского. Группа фотографов и художников под руководством Веселовского в 1895 начала «визуальное фиксирование» архитектурных памятников на фотопластинки и на холсты. Теперь граф и Н.В. Богоявленский так же начали фотографировать достопримечательности древнего города. Очевидно, что в этом им помогал А.А. Семенов, знавший язык.

Они провели несколько дней в Самарканде. Ближе к отъезду к ним присоединился Махрам-бек, чиновник, присланный специально Бухарским эмиром Абдул-Ахадханом для сопровождения их по территории Восточной

Бухары. Махрам-беку важно было знать маршрут экспедиции, когда и где они пересекут границу Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства и войдут в пределы Бухарского Эмирата. Он должен был вести свою подготовительную работу, чтобы там, на территории эмирата они были приняты подобающим образом как личные гости Бухарского эмира, чтобы по ходу экспедиции у гостей эмира не было трудностей, чтобы чиновник эмира вдоль пути их следования координировал встречи гостей старейшинами кишлаков. Махрам-бек обговорил с графом А.А. Бобринским, Н.В. Богоявленским и А.А. Семеновым и Якубом маршрут экспедиции. Позже из-за причин, не зависевших от членов экспедиции, маршрут пришлось скорректировать.

После завершения экспедиции в газетах появились сообщения о ней с указанием проделанного ею пути:

«Поездка с научной целью в верховья Аму-Дарьи совершена минувшим летом графом А.А. Бобринским, Н.В. Богоявленским и А.А. Семеновым, командированными Императорским Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Снарядившись в Самарканде, путешественники отправились, по сообщению «Московских Ведомостей», через Зеравшанские горы, Гиссарский хребет и Гиссарскую долину в Каратегинское бекство, лежащее по р. Сорхобу; затем по р. Хингоу они дошли до самых ее верховьев, переправились через перевал Сытарги в верховьях р. Ванча, по которой спустились до ее впадения в Пяндж, то есть в верхнее течение Аму-Дарьи. Свернув вниз по Пянджу, путешественники посетили столицу бывших дарвазских правителей – Кала-и-Хумб и через перевал Тальбар спустились по р. Яхсу в гор. Куляб, чем и завершили горную часть путешествия. Из гор. Куляба путешественники вышли на Аму-Дарью и, по возможности, держась берега, шли по русским пограничным с Афганистаном постами до Пахта-Гиссара, где, посетив развалины старинных городов Гуль-

гуль и Термеза, сели на пароход и через Чарджуй вернулись в Самарканд.»¹

Теперь у читателя есть общее представление, каким был маршрут, пройденный нашими путешественниками. Нам доступно, однако, и более детальное его описание.

Ранним утром 14 мая, когда в Самарканде снаряжение экспедиция закончилось, караван тронулся по направлению к г. Пенджикенту. Дальнейший путь пролегал через перевал в озеро Исканадер-куль. В равнинной части долины реки Зарафшан они старались не задерживаться. Их интересовали глубинные высокогорные районы. А.А. Семенов писал: «Эта местность, столь чтимая в легендах первобытных индо-иранцев и во все последующие века, столь известная в караванных дорожниках Нагорной Азии, ныне называется на языке местных туземцев просто «кухистон», т.е. горная страна, и разделяется на несколько отдельных областей, именно: Зарафшан (горная часть нынешней Самаркандской области), Каратегин по р.Сурхобу (правый приток р. Аму-Дарьи), Дарваз, лежащий по обеим сторонам р. Пянджа), Шугнан, Рошан и Вахан.»²

В 1895 г. граф Бобринской и Н.В. Богоявленский ведомые капитаном Барщевским, от Пенджикента шли на Качрут – Сарвода, на морену с озерами Курук Дара и Кули Калон. На этот раз путешественники планировали пройти до озера Искандеркуль по наиболее проложенному пути через перевал Фан Агба, однако перевал, совершенно непроходимый в это время года, был закрыт. Три года назад капитан Барщевский указал им другой путь³, и они решили воспользоваться им. Однако и этот путь был возможен только при совершенно ясной погоде, а дождь лил уже три дня, не да-

¹ Туркестанские Ведомости. – 1898. – № 84, 8 (20) ноября. Опубликовано в рубрике «Из области науки».

² Семенов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – С. 1.

³ Богоявленский Н.В. В верховьях р. Аму-Дарьи. С. 7.

вая им ни работать, ни отдыхать. На четвертый день решили вернуться и искать обходной путь, который оказался тяжелым и опасным¹. Наконец, они, изможденные, добрались до долины. В ближайшем кишлаке отдохнули, и караван направился далее к озеру Искандеркуль. Путь туда идет вдоль Искандердарья и «принадлежит к наиболее грандиозным и красивым, что только нам пришлось встречать потом.<...> Река имеет довольно крутое падение и образует массу каскадов. Сочетание желтых громадных отвесных скал с яркою зеленью деревьев и пенящейся водой производит неотразимое впечатление».²

Здесь же на берегу озера Искандеркуль произошла встреча графа Бобринского с Соле, жителем кишлака Якка Хона, старым знакомым «по прежней (в 1895 году) поездке на Памиры». Он поразил А.А. Семенова тем, что за один день прошел пешком 80 верст (примерно 85 км.) по горному пути, по крутым подъемам и спускам. Но этот горец был не единственным ходок, кто своей ходьбой удивил ученого. А.А. Семенов приводит в пример другого таджика-зарафшанца, который шел от озера Искандеркуль по направлению к перевалу Мур. Ученый пишет: «Мы заметили шедшего впереди нас саженьях в 20 таджика с двумя тяжелыми стегаными халатами, перекинутыми через плечо, и с палкой в руке. Несмотря на то, что наши лошади шли обыкновенным хорошим шагом, мы его не могли догнать, так что он дошел первым до самого места нашей стоянки. При этом оказалось, что это был уже немолодой туземец лет пятидесяти»³.

Экспедиция, перевалив Мур, спустилась вдоль истоков речки Каратаг в Гиссарскую⁴ долину, во владения эмира

¹ Худоназаров Д.Н. Памирские экспедиции графа Бобринского. – М., Наука. – 2013 г.

² Богоявленский Н.В. В верховьях р. Аму-Дарья. С. 5.

³ Семенов А.А. Этнографические очерки... С. 28.

⁴ Гиссар – в 1930-е годы принятое на русском языке название административной единицы. Семенов использует Хиссар, что ближе к таджикскому произношению этой долины (Hissor).

Бухарского. Здесь, в Каратагском ущелье, экспедиция задержалась на несколько дней из-за болезни одного из караванщиков, который заболел после ночного перехода через перевал по пути в Искандеркуль. Об этом нам известно из путевых заметок А.А. Семенова. В один из дней к ним в кишлак Хакими приехал переводчик Куш-беги, наместника эмира Бухарского, в качестве его представителя. Переводчик Куш-беги, «передав поклон от своего повелителя, сказал, что Куш-беги очень огорчен нездоровьем заболевшего и прислал его узнать, каково здоровье больного. Это была высшая восточная любезность, какую только мог оказать чужестранцам Хиссарский владыка. Хиссар – одна из главных Бухарских провинций. Здесь живет Хиссарский Куш-беги, второе лицо в государстве после Эмира. Сопровождающий нас бухарский чиновник и местные чалмоносные власти давно уже торопят к отъезду. Лихорадка у Мат-Мурода¹ прошла, поэтому завтра решено выезжать в Каратаг, – в летнюю резиденцию «Отражения Эмира Священной Бухары»»²

Опубликованные путевые заметки А.А. Семенова, к сожалению, не охватывают весь путь экспедиции изо дня в день. Его дневниковые записи и многие другие дореволюционные материалы не сохранились³. Они отрывочны – там, где он был очень занят собиранием полевых материалов по языку и этнографии, ему было не до путевых заметок и не до самой экспедиции. Первая его публикация⁴ опи-

¹ Правильно Мадмурод, сокращенное от Мухаммадмурод.

² Семенов А. На рубеже Афганистана: В благодатном Хиссаре: (Путевые очерки). – М., 1900. – С. 5.

³ Многие архивные документы А.А. Семенова, относящиеся к дореволюционному периоду, были безвозвратно потеряны после его ареста в 1931 г. в Сталинабаде (Душанбе). Месяц он провел там в тюрьме, потом был переведен в Ташкент, где в это время шло следствие по делу арестованных профессоров и преподавателей закрытых факультетов университета. В 1932–1934 гг. А. А. Семенов находился в ссылке в Казани.

⁴ Семенов А.А. На рубеже Афганистана. С. 22.

сывает пребывание экспедиции в Каратаге. Следующая публикация начинается описанием прибытия экспедиции в Куляб, примерно за полмесяца до конца пути, поэтому по понятным причинам они недостаточно отражают само течение экспедиции, мало сказано в них об участниках экспедиции, об их повседневной жизни. Он больше внимания уделяет встречам с должностными лицами, беками в Каратаге, Дарвазе, Кулябе. Очень колоритно передана атмосфера городов, дворов беков, взаимоотношений чиновников разных рангов во дворах этих вельмож, рассказано, как они одеты и как себя ведут по отношению тех, кто ниже стоит на иерархической лестнице и кто выше. Историки советского времени в своих трудах уделяли мало внимания придворной жизни эмирата, это малоизвестная нам сфера, поэтому, думается, не лишним будет фрагмент из путевых заметок А.А. Семенова, где описывается завершающая часть пребывания ученых в Каратаге, летней резиденции наместника эмира, и встречи с ним:

«Проходим через громадный двор, поднимаемся на глинобитную веранду перед передним фасадом дворца и через одну из многочисленных дверей входим в небольшую комнату. Хаджи Мирахор снимает у входа свои туфли, босой подходит к низким резным дверям, ведущим в другую комнату, и тихо растворяет обе половинки, безмолвным жестом приглашая нас проходить вперед. Сам же с нашим чиновником остается в передней; по этикету они не должны входить в приемную залу. Пропустив нас в следующую комнату, Мирахор опускается на колени на пол у дверей и, приняв опять бесстрастный вид, сидит как статуя, терпеливо дожидаясь конца аудиенции.

Переступаем через порог; за нами, мягко шурша по коврам козловыми сапогами, двигается красный халат. Перед глазами громадный зал с очень высоким потолком из мелких ярко-желтых дощечек какого-то дерева; окон нет; в стене, обращенной на двор, ряд дверей, покрытых изящною

резьбою, над каждой из них небольшие решетки для притока воздуха. В зале царит прохлада и мягкий полусвет; стены выштукатурены; пол сплошь устлан дорогими коврами: персидскими, текинскими, кашгарскими и бадахшанскими; посредине – длинный стол с неизбежным дастарханом; с одной стороны его три стула, vis-a-vie седалище в виде трона. Вся мебель задрапирована толстым красным сукном. Подле одной из стен, на полу, на подносах разложены груди разных сластей, несколько голов сахару и ящики с казанским леденцом.

На трonoобразном кресле сидел сам Куш-беги, благообразный старец в роскошном светло-сером шелковом халате, усеянном крупными синими цветами; на левой стороне груди у него был приколот какой-то туземный орден в форме золотой броши с драгоценными камнями; индийская кисея на его тюрбане была усеяна едва заметными золотыми мушками. При нашем появлении «Отражение Амира» встал с места и, любезно поздоровавшись, подал каждому руку, украшенную двумя перстнями с крупными бриллиантами. По приглашению Куш-беги садимся за стол, причем немедленно подается чай по-европейски, в стаканах с серебряными подстаканниками и ложками. Переводчик, утративший здесь всякую важность, положил правую руку на свой топорик, стал подле стола и замер в позе почтительной готовности. При посредстве его идет разговор. Получив на все вопросы обстоятельные ответы, Кушбеги, по-видимому, заинтересовался теми целями, которые преследовала наша поездка, и обещал нам свое содействие и полную готовность помочь всем, что от него зависит. Обменявшись еще несколькими фразами, мы откланиваемся и выходим. Ходжи-Мирахор встает, надевает свои туфли и опять с какою-то торопливостью и сладкою улыбкой провожает нас далеко за дворец.

По возвращении в «Ильчихона» мы нашли в своем помещении все подносы с разными сластями, ящики казанско-

го леденца и головы сахара, которые лежали на полу у стены, в приемной зале, и теперь каким-то чудом, опередив нас, очутились в наших комнатах. Это Куш-беги, по обычаю страны, прислал гостям почетный дастархан»¹.

Ученые посетили наместника бухарского эмира Астанкула-кушбеги в его летней резиденции в Каратаге в самом начале июня 1898 г. Путевые заметки Семенова завершаются описанием этого визита и датируются 4 июня 1898 г. Видимо, на второй день после этого караван направился в сторону селения Душанбе² и далее на восток. После Каратага путешественники далее долго нигде не останавливались: время было ограничено, а расстояния до интересовавших их долин рек Сурхоба, Хингоу и Ванджа было значительным³. Далее путь каравана пролегал от Кафирнигана до Оби Гарм, где они вступили в долину реки Сурхоб (*Красная вода*), вдоль которой они дошли до кишлака Дехи-Гуломон, бегло ознакомились с Каратегинском бекством. Долина этой реки в старину называлась Рашт⁴, что на языке древних обитателей этой земли означает *красная*.

Экспедиция по долине реки Хингоу дошла до слияния с ней ее притока Бохуда. В этом горном узле на высоте свыше 15 тыс. фунтов над уровнем моря лежит перевал Сытарга, через него есть труднодоступный путь в долину реки Ванджа. Экспедиция свернула в ущелье вдоль берегов речки Бохуда по направлению к перевалу Сытарга. Руководители экспедиции остановились в местечке Бырс на несколько дней, чтобы изучить ледники, расположенные в этом «ледниковом» регионе. Условия жизни здесь были плохие, к тому же поэтапная переправа облегчила бы передвижение каравана в целом, поэтому ученые решили переправить не-

¹ Там же. С. 20–22.

² Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов. С. 26.

³ Богдашевский Н.В. В верховьях Аму-Дарьи. С. 8.

⁴ Бобринской А.А., граф. Горцы верховьев Пянджа. – М., 1908. – С. 24, примеч. 44.

нужных лошадей и вьюки через перевал Сытарги, который известен своей трудной проходимостью. Если перевал Яфуч оказался легко преодолимым, то члены экспедиции испытали большие трудности во время преодоления перевала Сытарга, четвертого на их пути. Он расположен намного выше, с громадной ледяной стеной на пути, и более сложен для перехода. Из местных жителей собрали большую группу носильщиков, которые за хорошую награду согласились переправить вес багаж каравана в долину Ванджа. А.А. Семенов, у которого не было интереса к изучению ледников, отправился вместе с носильщиками вперед через перевал. Он решил, переправившись, использовать время для сбора информации по этнографии таджиков долины Ванджа. Нанятые местные люди должны были вернуться и помочь переправить остальных, однако они, за исключением одного, не вернулись – предпочли обходной путь с крюком в 150 верст, чем снова подниматься на Сытаргу за оставшейся частью экспедиции. Один из них принес это малоутешительное известие от А.А. Семенова.

Пока набирали новых людей и готовились к переходу, прошло три дня, погода ухудшилась. Обычно на перевал идут ранним утром, чтобы избежать встречи со снежными лавинами и успеть пройти по подмерзшему снегу. (подробности в статье, и книге)

Караван с огромным трудностями спустился 29 июня в долину Вандж. Теплая, зеленая долина была отрадой для отважных путешественников после их долгого изнурительного подъема и утомительного пребывания в снегах и льдах¹. Конец июня – очень хорошее время года, климат здесь умеренно теплый, созревает черешня. Кишлаки расположены, как и всюду в горах, по обе стороны текущего с гор ручья, они покрыты растительностью, дома окружены пшеничными и ячменными полями.

¹ Семенов А.А. Этнографические очерки... С. 8.

В самом большом кишлаке долины расположена крепость – Калаи Рохарв¹.

«Укрепление в нем до сих пор довольно хорошо сохранилось. Оно стоит на обрывистом берегу реки, стены местами глинобитные, местами сложены из кирпичей и камней. По бокам лицевой стороны крепости – две полуразрушенных зубчатых башни. От крепостных ворот сохранились лишь притолки и соединяющая сверху их балка»².

Вниз за Калаи Рохарв долина заканчивается и упирается в другую долину, там река «Вандж сливается с темными бурными водами древнего Окса, носящего здесь название Пяндж»³. Верстах в пяти от этого места находится распутье двух дорог: направо дорога на Калаи-Хум, главный город Дарваза, налево, по висячему и качающему мостику через реку, пролегает путь по голым, выжженным солнцем холмам на Язгулям и Рушан. Путь туда раньше шел через левый берег, он был более удобен и нетруден, однако афганцы полностью закрыли его для посторонних, после того как, согласно договору 1895 г., получили право на эту территорию. Новый путь по правому берегу реки Пяндж переходит в тропу, которая пролегает высоко над уровнем реки по хрупкому горному карнизу. Карниз этот местами прерывается откосами в скалах, одним словом, по этой висячей тропе пробраться могут лишь местные жители, причем не каждый из них, а только опытный и бывалый. Несмотря на это, граф Бобринской и его спутники решили свернуть вверх по Пянджу и добраться до долины реки Язгулям, жители которой сохранили свой древний язык и самобытную культуру.

Все уговаривали путешественников не ходить по опасному карнизу. Однако, пишет Н.В. Богоявленский, «мы все-таки не решились отступить без попытки: слишком уж ин-

¹ Ныне это поселок Вандж, административный центр одноименного района.

² Семенов А.А. Этнографические очерки... С. 8.

³ Там же. С. 10.

тересовала нас долина Язгуляма. Решили оставить лошадей и весь багаж перенести на людей, распределив на каждого по 10 фунтов. Собрали около 100 человек и подошли к этой дороге. Но прежде решили посмотреть, что это за дорога»¹.

А вот какой ее увидел А.А. Семенов:

«Она вьется над обрывистым и каменистым берегом Пянджа часто на головокружительной высоте; ее ширина не превосходить фута, даже меньше. Местами на ней лежат огромные камни, на которые приходится взбираться, рискуя сломать себе шею, местами пересекаются пропасти. Для переправы через последние, по словам туземцев, существуют особые приспособления – воткнутые в расщелины скал шести, от которых спускаются на расстоянии аршина друг от друга веревки, к их концам внизу прикреплены толстые палки. Желаящий перебраться на ту сторону пропасти хватается обеими руками за палку и, отведя ее руками назад, ногами отталкивается от земли и перелетает на другую сторону. Туземцы называют эту тропу «рои-маймун» т.е. обезьянья дорога. Более же удобная и широкая дорога в Рошане находится на левом берегу Пянджа и отошла к Афганистану опять по тому же «выгодному для России» Памирскому разграничению.»²

Ученые решили не рисковать жизнью участников экспедиции с огромным сожалением повернули караван вдоль правого берега Пянджа к Калаи-Хумбу.

По всей вероятности, граф Бобринской и его спутники изначально планировали добраться вдоль берегов реки Пянджа до ее верховьев. Если бы они смогли пройти по тому опасному для жизни отрезку пути в Язгулям, то совершенно очевидно, что караван продолжил бы свой путь вначале до Язгулямского ущелья и далее до Рушана, Шугнана, а по долине реки Гунда они выбрались бы на Памирское

¹ Богоявленский Н.В. В верховьях Аму-Дарьи. С. 23.

² Семенов А.А. Этнографические очерки... С. 9–10.

плато. Они вернулись бы в Самарканд через Памир, Алай, далее через Ферганскую долину в Зарафшан. Однако, когда проход в Язгулям оказался невозможным, экспедиция по Пянджу вернулась на ванджскую развилку и направилась в сторону Калаи-Хумба. Следует отметить, что такой поворот маршрута, как ни странно, оказал позитивное воздействие на научные результаты экспедиции. Стало ясно, что экспедиция дошла до возможно наиболее дальней точки, теперь же путешественники, повернувшись обратно, находятся на пути возвращения, все дальше удаляясь от региона, где могли сохраниться наиболее древние пласты культуры. Поэтому именно дарвазские кишлаки вдоль правого берега Пянджа, от Ванджской развилки до Калаи-Хумба, стали местом концентрированной исследовательской работы. Члены экспедиции интенсивно вели свою работу, изучая быт, языки и фольклор дарвазских таджиков. Именно в этом районе графом Бобринским была собрана замечательная коллекция дарвазских вышивок, собраны полевые материалы по орнаменту горных таджиков.

На левом берегу реки Пяндж находится Южный Дарваз. Кишлаки на этом берегу расположены вдоль берега реки и в глубь ущелий по берегам левых притоков Пянджа. В 1895 г. по Памирскому пограничному разграничению, согласно договоренности между двумя соперничающими империями, Россией и Британией, левобережные Дарваз, Рушан, Шугнан, Ишкашим, Вахан были отданы Афганистану. С тех пор здесь, теперь уже на афганском берегу, появился «железный занавес», согласно которому никто не пропускали с правого берега, не пустили и наших путешественников пройти в Язгулям.

Еще в Гиссарской долине члены экспедиции по ходу своего пути встретили много беженцев. По их словам, южная часть Дарваза до нашествия афганцев была «весьма населенная и цветущая. Жители с величайшим недовольством сносят тяжелое иго афганцев. Ежедневно чинимые крова-

вые расправы последних над мирным населением, грабежи, насилия над женщинами и прочие ужасы заставляют многих туземцев покидать свою родину и переселяться в Бухару. В 1898 году, именно в то время, когда мы находились в Горной Бухаре, 400 семей бежало из Южного Дарваза в Бухару, вынужденные к этому неистовствами новых хозяев края. И на пути от г. Каратага до р. Сурхоба нам то и дело встречались мужчины, шедшие впереди нагруженных разным скарбом лошадей и ослов, на которых сидели женщины, закутанные с ног до головы. На каждый вопрос, откуда они идут, следовал один ответ: «из Афганистана», причем многие рассказывали возмутительные вещи о водворении афганцев в отнятом от Бухары крае. По словам переводчика Хиссарского Куш-Беги, Рахмат-Уллы, Бухарское правительство охотно отводит этим беглецам места для поселений и, несмотря ни на какие требования афганцев, решило не выдавать их»¹.

Экспедиция продолжала свой путь через дарвазские кишлаки по правому берегу реки Пяндж...

Калаи-Хумб, маленький город, центр всего Дарваза, расположенный вблизи впадения реки Хумбоб в Пяндж, произвел весьма приятное впечатление на участников экспедиции. Здесь даже в зимнее время теплее, чем в соседних кишлаках. Он располагает к себе своим микроклиматом, «разнообразной зеленью своих садов, с мелькающими из-за них белыми домиками и прелестным видом на дальние кишлаки, разбросанные ниже его по реке и выше, по горным склонам»². Путешественников приятно удивила образцовая чистота в городе.

«Эта опрятность тщательно поддерживается: улицы по нескольку раз в день поливаются, мусор и всякие нечистоты

¹ Там же. С. 6. Двадцать лет спустя, в начале 1920-х годов, многие из них под давлением Красной армии вместе с другими жителями бухарского эмирата подались в обратный путь, в Афганистан.

² Семенов А.А. Этнографические очерки... С. 16.

удаляются, деревья, как и везде в Горной Бухаре, заботливо охраняются от различных повреждений и аккуратно поливаются, вследствие чего в городе масса зелени. Громадный сад бывших дарвазских ханов, ныне находящийся в ведении местного мира, наполнен старыми виноградниками, исполинскими чинарами, карагачами и всевозможными фруктовыми деревьями»¹.

Более полвека спустя А.А. Семенов, вспоминая о своей работе в экспедиции графа Бобринского, скажет: «...изю дня в день молодой студент усердно записывает народные рассказы, сказки и басни, неутомимо расспрашивает про особенности быта местного населения, стремясь не упустить никаких деталей, зарисовывает типы и предметы быта»². В эти дни участники экспедиции особенно интенсивно работали, каждый из них был занят своим делом.

Экспедиция из Калаи-Хумба через перевал Тальбар перешла в долину реки Яхсу и направилась к Кулябу.

Ученые в разных кишлаках Дарваза слышали много преданий о долине реки Яхсу, о том, что предки горцев пришли в труднодоступные горные теснины из долины реки Яхсу. Когда же ученые добрались до этой долины и спросили местных людей об их происхождении, то те назвались арабами³. Оказалось, что население здесь в основном состоит из арабов: «Их всего здесь 1000 домов, начиная от кишлака «Тальбар», в верховьях реки, до кишлака «Сары-Пулы» включительно. Они себя считают потомками первых арабов, завоевавших Среднюю Азию. Теперь эти давние выходцы из Арабистана утратили родные обычаи, костюм и язык и говорят по-таджикски»⁴. Но вскоре и язык сменил-

¹ Там же.

² Воспоминания А.А. Семенова, записанные Л.П. Сечкиной. Цит. по: Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов. С. 26.

³ Богоявленский Н.В. В верховьях р. Аму-Дарьи. С. 25.

⁴ Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана: (Путевые очерки 1898 года). Вторая часть // Исторический вестник. – М., 1901. – Т. 88. – С. 98.

ся: «...узбекский говор, как-то неожиданно сменивший доселе наблюдавшиеся иранские типы и таджикский язык, показывали, что мы попали туда, где на смену доселе господствующему таджикскому населению выступали другие народности...» Ученые встретили «до самого конца населенных мест всей речной системы Яхсу смешение национальностей невообразимое. Местные таджики, узбеки и туркмены различных племен, киргизы, афганцы, бадахшанские таджики, тюрки из Афганского Туркестана <...>небольшое количество цыган, индусов и евреев, то, кажется, перечисление национальностей, сгруппированных здесь, будет закончено. Сами туземцы называют эту смесь одним общим термином «аралаш»¹.

Конец июля, очень жаркое время в этих широтах, солнце палит, ветра нет, царит горячий воздух. Дорога ровная и гладкая, впереди ученых ждет город Куляб. По дороге гостей встречает аксакал кишлака Дахана, приглашает их на привальную остановку, путешественники с радостью располагаются в тени под исполинскими чинарами. Здесь же гостеприимные хозяева расстилают перед ними достархан с различной едой и разнообразными фруктами, которых здесь в изобилии в это время года. Путешественники изрядно устали от палящего солнца и от раскаленного воздуха, им совсем не хочется расстаться с этим оазисом, выйти из-под гостеприимной тени, однако впереди их ожидает встреча с наместником эмира в Кулябе².

Лошади стоят наготове, их держат под уздцы. Караван трогается в путь:

«Махрам-бек в дорогом шелковом халате и затейливо вышитых красных кожаных штанах едет далеко впереди вместе с сопровождающим нас до Куляба аксакалом из Дахана. До слуха долетают обрывки их фраз, по которым

¹ Там же.

² Там же.

можно заключить, что наш чиновник толкует своему спутнику о каких-то доблестях едущих сзади урусов. Бухарский этикет имеет слабость увеличивать достоинство и знатность приезжих чужестранцев»¹.

Предместья как-то незаметно сливаются с городом, караван въезжает на городскую площадь с обильной тенистой растительностью. Две длинные шеренги солдат выстроились, чтобы встретить гостей. Солдаты одеты по-русски: в белые рубахи, красные кожаные штаны и высокие сапоги, на головах у них барашковые шапки. За ними многочисленная публика «стоящего и сидящего люда. Эти собрались посмотреть на даровую «тамошу» (зрелище), какую представляется каждому туземному правоверному въезд «урусов» в город. Каждый из нас, «урусов», прикладывает правую руку к своей серой киргизской шляпе, и мы едем»².

Впереди ворота двора бека. Соломенная крыша над домом и окружающими их постройками местами провалилась; глиняные стены растрескались и образовали широкие щели. Приведем отрывок из путевых заметок А.А. Семенова об атмосфере встречи во дворе наместника бухарского эмира в Кулябе. Он может послужить дополнением к ранее приведенному фрагменту о приеме ученых у Куш-Беги в Гиссаре.

«Через раскрытые ворота, подле которых нас встречают несколько десятков разодетых чиновников и слуг, мы въезжаем на громадный двор. Все кругом суетится, кричит. Встретившие нас подле ворот люди и находящиеся на дворе, что называется, сбились с ног: бегают взад и вперед, берут под уздцы лошадей, помогают слезть, прямо на руках стаскивая с седла и почтительно ставя на землю. Среди этой суетни и сутолоки нас, пыльных и измученных, ведут по двору, занятому многочисленными службами, в отведенное нам помещение – длинный флигель среди двора с большим

¹ Там же.

² Там же.

числом резных дверей по фасаду. Пред ним невысокая глинобитная веранда с развесистыми чинарами и исполинскими карагачами; на ней Махрам-бек и толпа людей в пестрых халатах. Они ждут нас, чтобы показать отведенные покои. Богатый костюм Махрама выгодно выделяется из окружающей его толпы. Строго блюдет Махрам-бек предписания фирмана своего повелителя, и везде впереди он, чтобы приезжали гости ко всему готовому и хорошему, и чтобы не чинилось им никаких притеснений и обид. Входим на террасу. Махрам дает знак, – люди раздвигаются. Проходим небольшую переднюю с глинобитным полом и несколькими кувшинами для воды, и чтобы не стукнуться головою о притолоку, нагибаемся и входим чрез низкую дверь в следующую комнату. Махрам-бек делает низкий, ловкий поклон и, безмолвным красивым жестом показывая на обстановку, отходит в угол. Сопровождавшая нас толпа битком набивает переднюю и смотрит оттуда на нас»¹.

В Кулябе, проезжая ко двору бека, на одной из улочек ученые увидели узников, закованных цепями. Н.В. Богоявленский во время встречи с беком получил его согласие на фотографирование этих несчастных. Более колоритной была встреча с дервишами, которых Н.В. Богоявленский также сфотографировал, а Семенов имел с ними продолжительную беседу о теологии и восточной поэзии, обмениваясь с дервишами цветастым восточным красноречием.

Через два дня, ранним утром, караван экспедиции из Куляба направился вниз до впадения реки Яхсу в Пяндж, которая здесь выходит на равнину. Горы, обрамлявшие реку и ее многочисленные притоки на протяжении более тысячи километров, державшие ее в своих жестких рамках, в этом месте отпускают реку и сами остаются позади. На юге Вахшской долины граф Бобринской и его спутники увидели развалины городов, напоминающих о когда-то развитой ци-

¹ Семенов А.А. На рубеже Афганистана. С. 961–992.

визации. Н.В. Богдавленский пишет об этом более подробно:

«На месте бывшей когда-то культуры, с большими городами и сложившейся цивилизацией, теперь, после опустошительных войн и нашествий, только жалкие остатки напоминают здесь о прошлом. В местности, бывшей одной из населённых в целой Азии, теперь расстилается пустыня, и вместо оседлого, жившего веками, населения мы видим то кочевника – туркмена с его легким жильем из юрты с навесом, то кочевала афганца племени катаган в шалашах, сделанных из амударьинского камыша»¹.

А.А. Семенов расспрашивал местных жителей о том, что раньше было на этих пустынях, но от разных кочевых племен он услышал один и тот же ответ: ««Мы здесь люди новые, пришли сюда лет 20–30 тому назад из Афганистана, и что это за развалины, кто тут раньше жил, – ничего не знаем». Равнинная Бухара страшно богата такими памятниками погибшей цивилизации; все они ждут своих археологов и историков и, очевидно, долго еще не дождутся...»². Он был прав: «долго еще не дождутся...». Однако молодому ученому, конечно, и в голову не могла придти мысль, что ему, Александру Александровичу Семенову, на склоне жизни, в возрасте 78 лет, предстоит организовать на таджикской земле Институт истории, археологии и этнографии. Одной из его серьезных забот станет археологическое изучение Вахшской долины³. Но это произойдет спустя более полувека. А

¹ Богдавленский Н.В. В верховьях Аму-Дарьи. С. 25–26.

² Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана. С. 107.

³ В результате будут открыты многочисленные стоянки каменного века (А. Окладников, В. Ранов), памятники вахшской культуры эпохи бронзы (Л. Пьянкова), магистральные каналы длиной до 100 км, которые орошали плодородные земли Вахшской долины (Т. Зеймаль). Археологи не обойдут вниманием и многочисленные памятники античного времени (IV–III вв. до н.э.), кушанского времени (I в. до н.э. – IV в. н.э.). В огромном городище Кафыр-Кала, найдутся остатки настенной росписи. В 1959 г., год спустя после смерти Семенова, будет обнаружен буддийский монастырь Аджина-Теппа. С 1961 г. Аджина-

пока что А.А. Семенов, покачиваясь на лошади, страдая от изнуряющей жары, размышляет о прошлом этих развалин. Ближе к Кабадиану у него состоялся любопытный разговор с Махрам-Бекком. Ученый, залюбовавшись пустынной равниной среди невысоких гор, шутя спросил у ехавшего рядом с ним бухарского чиновника, нельзя ли купить у эмира эту местность.

«— Ах, тюря, — засмеялся Махрам-Бек, — к сожалению, за деньги нельзя.

— А как же?

— У нас пустырей не продают, а отдают даром, но с условием, что вы, взяв участок какой хотите величины, дадите обещание оросить его и засадить растительностью или покрыть посевами в течение трехлетнего срока. Если не выполните этого, участок у вас отбирается, а если арыки проведете и кое-что посадите или посеете, то земля навсегда ваша»¹.

А.А. Бобринской и его спутники хотели остаться дольше, изучить древние и средневековые развалины, однако свирепствовавшая в этих местах малярия не позволила им задержаться. Большинство участников экспедиции страдали от припадков болотной лихорадки.

Далее путешественники от Кабадиана добрались до Пата Хиссара, современного города Термеза, здесь часть экспедиции перегрузилась на пароход до Чарджуя, там они пересели на поезд:

«Выехав из Чарджуя по железной дороге, мы на другой день, 14-го августа, приехали в «жемчужину мира» — Самарканд, откуда ровно три месяца тому назад отправились на лошадях в горы Центральной Азии»²

Теппа становится главным объектом работ Южно-Таджикского археологического отряда (начальник Б.А. Литвинский). Там будет найдена 12-метровая фигура спящего Будды.

¹ Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана. — Ч. 2. — С. 110.

² Там же.

Вторая экспедиция графа А.А. Бобринского и его спутников Н.В. Богоявленского и А.А. Семенова завершилась, ее участникам предстояла не менее кропотливая работа над собранными полевыми материалами и подготовка рукописей к публикации. За спиной членов экспедиции остались сотни километров пройденной тяжелейшей дороги, десятки переправ на хрупких плотках через бурные горные реки. Они преодолели пять горных перевалов, находилась в пути «почти четыре месяца¹; за это время были посещены и исследованы более или менее обстоятельно: Зарафшанские горы, Каратегин, Дарваз и часть равнинной Бухары, пограничной с Афганистаном»². Хотя они и не попали в глубинные районы Памира, однако смогли за это время охватить значительную территорию современного Таджикистана и часть Узбекистана. Примечательно и то, что граф Бобринской до того, как сконцентрироваться на исследовательской работой в Вахане и Ишкашине, стремился получить наиболее полную историко-географическую картину всего горного региона, населенного таджиками и названного ими, по справедливому замечанию Семенова, простым словом «кухистон», т.е. «горная страна».

Научные результаты экспедиции были значительными и впечатляющими. Прав был А.М. Мандельштам, связавший начало второго периода изучения исторического прошлого Памира и припамирских областей с экспедициями графа Бобринского. Он подчеркивал в своем обстоятельном труде, что эти экспедиции стали первыми, «специально ставившими перед собой задачи изучения быта, материальной культуры, нравов и обычаев населения, местных языков, а по-

¹ Видимо четыре месяца считается с учетом пребывания ученых в Самарканде: в мае после прибытия из Москвы и в августе после возвращения участников экспедиции.

² Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии: Грамматический очерк и памятники народного творчества. С. 1.

путно так же и памятников старины»¹. Около 70 лет спустя авторы фундаментального труда по этнографии горных таджиков подчеркнули, что только исследования А.А. Бобринского, А.А. Семенова и М.С. Андреева могут быть отнесены к работам «непосредственного этнографического характера в Каратегине и Дарвазе дореволюционного времени»².

Все трое ученых написали и опубликовали несколько работ. Н.В. Богоявленский опубликовал в 1901 году в журнале «Землеведение» статью «В верховьях реки Аму-Дарьи (Долины реки Хингоу и Ванджа)». К этому следует добавить, что экспедицией под руководством Н.В. Богоявленского был проделан огромный объем работы: «собирались зоологические коллекции, гербарии растений по долинам Хингоу и Ванджа, описывались ледники (на три из них было совершенно восхождение), причем были открыты ранее неизвестные, проводились метеорологические наблюдения, барометрические (измерения), определялись высоты, производились, антропологические измерения (264 измерения), а также осуществлялось фотографирование»³. Конечно, вся это ежедневная работа на 90 процентов ложилась на плечи самого Н.В. Богоявленского. Со временем об этом забыли, поэтому работу Богоявленского можно назвать невидимой частью айсберга экспедиции графа Бобринского, видимая же часть ее была проделана главным образом А.А. Семеновым. Он по результатам экспедиции выпустил серию публикаций – как в виде статей, опубликованных в

¹ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад, 1957. – С. 15.

² Таджики Каратегина и Дарваза / под ред. Н.А. Кислякова и А.К. Писарчик. – Душанбе, 1966. – Вып. 1. – С. 13. Справедливости ради следует добавить, что этнографические исследования И.И. Зарубина в дореволюционное время касались припамирских таджиков.

³ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов. С. 27.

журналах, так и малообъемных книг, изданных графом Бобринским.

Семенову всячески помогали его учителя по Лазаревскому институту восточных языков, доведя тексты до нужной научной кондиции. Среди тех, кого он благодарил за эту помощь: профессор В.Ф. Миллер и академик Ф.Е. Корш, а также академик К.Г. Залеман, М.О. Атай и барон Р.Р. Штакельберг. Выдающийся русский этнограф Николай Николаевич Харузин не дожил до публикации статей своего ученика – он умер в 1901 г. в 35-летнем возрасте.

Принимая во внимание научные труды А.А. Семенова в рамках экспедиции графа Бобринского, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии на своем заседании 10 февраля 1900 г. избрало его действительным членом. А три года спустя Семенов за свои труды «Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза» и «Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии» был удостоен золотой медали ОЛЕАЭ.

Все книги и брошюры, отражавшие работу экспедиции, были изданы на средства графа Бобринского. Каждая работа участников экспедиции 1898 г. интересна по-своему, все вместе они стали значительным вкладом в изучение Средней Азии и нашли должное признание.

А.А. Бобринской в 1900 г. по свежим следам последней среднеазиатской экспедиции, издал свой труд «Орнамент Горных Таджиков Дарваза». Граф считал свой альбом брошюрой, а работу ограничил коллекционированием и ознакомлением публики с собранным материалом.

Однако, совершенно по-другому отнесся к изданной книге графа Бобринского В.В. Стасов¹, выдающийся русский кри-

¹ Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) – художественный и музыкальный критик, историк искусства, археолог, библиограф. Почетный член Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Его книга «Славянский и восточный орнамент по рукописям от IV до XIX века» (СПб., 1887) – результат тридцатилетних исследований в главных библиотеках и музеях Европы.

тик и искусствовед, большой знаток русского орнамента, несколько десятилетий исследовавший эту тему. 78-летний В.В.Стасов высоко оценил труд Бобринского, назвав его книгу *атласом*, и выступил в поддержку награждения графа Бобринского золотой медалью Императорского Археологического общества. Стасов подчеркнул, что самая важная часть из собранной А.А. Бобринским коллекции в Средней Азии – это дарвазские вышивки и вязанье, ранее совершенно неизвестные в Европе и в России и потому имеющие для российской науки чрезвычайно важное значение. Особенно он отметил родство русского орнамента с орнаментом иранских племен, о котором российской науке было известно лишь по архитектурным памятникам.

Орнамент таджикский вместе с русским, по мнению В.В. Стасова, является богатым по характеру и форме, и по своему разнообразию. «Вот этот-то особенный, оригинальный стиль (горных таджиков), имеющий столько сходства и родства со стилем древнейших русских вышивок и вязаний, является теперь,...новым элементом для русской науки, русской этнографии, русского народоведения. Дело идет...о разнообразных элементах и коренных влияниях, действовавших в древнейшие времена на образование состава и физиономии древней культурной Руси». Стасов назвал книгу «превосходным атласом» и высоко оценил ее: «... считаю справедливым со стороны Императорского Археологического Общества присудить графу Бобринскому медаль этого общества».

Графа А.А. Бобринского наградили золотой медалью Императорского Археологического Общества за его книгу «Орнамент Горных Таджиков Дарваза».

Интересно, что в путевых заметках А.А. Семенова и Н.В. Богоявленского лишь в самом начале перечислены имена участников экспедиции, и больше ни слова не сказано об А.А. Бобринском: видимо, это была его просьба. Только в предисловии к одной из своих работ А.А.Семенов написал

«...глубоко благодарен Его Сиятельству, Графу Алексею Алексеевичу Бобринскому и очень тронут тем сердечным отношением, которое он всегда обнаруживал во время путешествия к своим спутникам, заставляя этим в пути забывать все невзгоды подчас тяжелых троп и перевалов».

Последняя поездка А.А. Бобринского и Н.В. Богоявленско-гона Памир состоялась в 1901 г. Они побывали в верховьях реки Пяндж, где познакомились с жизнью обитателей Шугна-на и Рушана, а горцы Вахана и Ишкашима стали предметом специального этнографического исследования графа.

А.А. Семенов не смог участвовать в последней экспеди-ции по семейным обстоятельствам. Он женился в 1900 г., надо было содержать семью, в поисках работы ученый пе-реехал в Асхабад, где в мае 1901 г. получил работу в канце-лярии начальника Закаспийской области¹. Однако при этом он интенсивно продолжил свои исследования по востокове-дению.

В 1901 г. граф А.А. Бобринской, во время своей послед-ней поездки на Памир наряду с этнографическим исследо-ванием Вахана и Ишкашима проявил большой интерес к религии, которую исповедовали таджики этого высокогор-ного края.

В 1902 г. ученый опубликовал статью «Секта Исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии».² Статья од-новременно с публикацией в журнале была издана в виде брошюры³. А.А. Семенов оценил статью А.А. Бобринского как «единственную в своем роде». Роль пиров в среде ис-

¹ А.А. Семенов был назначен исполняющим обязанности помощника делопроизводителя канцелярии начальника Закаспийской области. См.: Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Се-менов. – М., 1971. – С. 32.

² Бобринской А.А., граф. Секта Исмаилья в русских и бухарских преде-лах Средней Азии // Этнографическое обозрение. – 1902. – № 2; Он же. Орнамент горных таджиков Дарваза (нагорная Бухара). – М., 1900.

³ Бобринской А.А., граф. Секта Исмаилья в русских и бухарских преде-лах Средней Азии.

маилитских общин, биографические сведения о них и указания на места распространения этой секты изложены Бобринским, с «большой полнотой, а приведенная им европейская библиография по исмаилизму вообще делает эту статью весьма ценным пособием для изучения среднеазиатского исмаилизма», – писал А.А. Семенов.

В 1912 г. А.А. Семенов сблизился в Ташкенте с трудовыми мигрантами – таджиками из Шугнана и, общаясь с ними, продолжил тему, начатую Бобринским, подготовив статью об исмаилизме, которая была опубликована в журнале «Мир Ислама»¹ под названием «Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов». В предисловие к ней он выразил сожаление, что ему не пришлось побывать на Памире, что он не видел пиров и не имел возможности напрямую беседовать с ними: тогда многое в подготовленной им статье «могло бы получить другое освещение». В этой работе автор расширил географию проживания исмаилитов, указывает, что они живут не только в Афганистане и Индии, но и в Кашгаре и Тибете. «Автор изложил основы вероучения исмаилитов и впервые дал описание некоторых обрядов»².

А.А. Семенов в последующие годы написал более десяти статей об исмаилизме, считался среди историков религии лучшим знатоком этой ветви ислама. При этом подчеркивалось, что тема это сложная, требующая большой и разносторонней подготовки³.

В 1908 г. была издана последняя и главная книга ученого из среднеазиатского цикла, названная им «Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы): Очерки быта по путевым заметкам г-р. А.А. Бобринского».

А.А. Семенов написал рецензию⁴ на книгу А.А. Бобрин-

¹ Семенов А.А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир Ислама. – СПб., 1912. – Т. 1, кн. 4. – С. 525–526.

² Смирнов Н.А. Очерки изучения ислама в СССР. – М.: Изд. АН СССР, 1954. – С. 108.

³ Там же. С. 226

⁴ Этнографическое обозрение. – 1909. – № 1. – С. 99–101.

ского. Он дал высокую оценку книге ученого о малоизвестных народах верховьев Аму-Дарьи, где «еще поныне сохранились обломки тех древнейших иранских и других народностей, след которых теперь безвозвратно исчез из других мест Западной и Средней Азии». Рецензент отмечает, что все 17 глав книги, описывающие страну и жизнь горцев, читаются с большим интересом. Он отмечает наличие в книге значительной информации из разных источников:

«По пути автор, в многочисленных сносках, дает освещение различных нарицательных и собственных имен, относящихся до географии, истории, этнографии и религии страны, на основании многочисленных данных из западноевропейской и русской литератур, что делает книгу еще более ценной не только для чтения вообще, но и для знакомства с написанным на разных европейских языках об интересных горных странах Центральной Азии». Эти заметки «в весьма значительной степени могут служить читателю путеводной нитью в тех или иных его научных выводах... Вдумчивый историк-ориенталист и филолог-иранист найдут, несомненно, немало материалов... для интересных размышлений о древних сторонах быта арийских племен».

А.А. Семенов писал о «Горцах верховьев Пянджа», что книга во многом «выигрывает от того, что проникнута теплым отношением автора к описываемой им народности, горцам-таджикам, волею судьбы и разнообразных исторических перипетий, занесенных в эти суровые страны с заболоченными высями и ослепительным на них сиянием вечных снегов и льдов»¹. Это очень точное замечание – все книги Бобринского пронизаны не только добрым, но и уважительным отношением к народу, живущему в горах Памира. А.А. Семенов завершил свою рецензию на труд графа А.А. Бобринского пожеланием «этой прекрасной книге самого широкого распространения». Другими сведениями о

¹ Там же.

связях двух ученых, А.А. Семенова и графа А.А. Бобринского, мы не располагаем.

Послесловие

В 1955 году я вместе с семьей переехал из Хорога в Душанбе, жили мы на улице Ворошилова. Однажды, видимо, это было весной 1956 года, я играл со сверстниками в футбол во дворе нашего дома, мяч покатился к одному из подъездов соседнего дома, я бежал за ним. Мяч остановился у ног вышедшего из подъезда мужчины. Раздался голос:

– Ты из Памира? – я поднял голову и увидел высокого пожилого мужчину с пышными седыми усами. Спрашивал он меня на таджикском языке, и это в моем воображении никак не связывалось с его вальяжной европейской фигурой. В ответ на его вопрос я робко кивнул головой. Он спросил:

– Хонаат дар кучо? (Где живешь?) – я рукой показал на рядом стоящий дом. На этот раз он в знак согласия кивнул мне головой, посмотрел на небо, словно хотел удостовериться, что дождя нет, поправил шляпу и пошел своей дорогой. После я часто встречал его на нашей улице, когда шел в школу или возвращался домой. Я всегда здоровался с ним, а он отвечал мне, а иногда просто кивал головой. Однажды осенью, я увидел скопление людей у Института истории, на углу улиц Куйбышева и Ворошилова, стояли мужчины и у известного мне подъезда соседнего дома. Утром следующего дня я увидел в газете портрет своего знакомого в траурной рамке. Им оказался академик Александр Александрович Семенов... Он впервые ступил на каменистую землю таджиков в 1898 году вместе с графом Бобринским и ушел из жизни 60 лет спустя директором созданного им на нашей земле Института истории, археологии и этнографии. Его созидательный труд трудно переоценить. Мне вспомнились слова, сказанные ленинградским этнографом Решетовым о нашем герое. «В Тамбовской области в рево-

люционные годы спасал в имениях ценные произведения искусства Александр Александрович Семёнов, он много сделал для спасения дворянского имущества в Моршанске, в различных усадьбах и имениях. Я уверен, что необходимо его имя восстановить в этих центральных районах России и гордиться этим человеком, который много сделал для сохранения подлинной культуры»¹.

Отрадно, что сегодня в Душанбе отдаётся дань уважения памяти выдающегося историка и востоковеда.

Опубликованные труды А.А. Семенова после экспедиции 1898 г.

Отношение к детям у горных таджиков // Этнографическое обозрение. – М., 1899, кн. 42 – № 3.

Из области религиозных верований горных таджиков // Этнографическое обозрение. – М., 1899. – Т. 47. – № 4, VL – VI 6/1 I8/4P1/177

На рубеже Афганистана. В богатом Хисаре (Путевые очерки) // Исторический вестник – М., 1900 –LXXXVII. – С. 961-992.

По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 года). Вторая часть //Исторический вестник.–М., 1901. – LXXXVIII. – С. 98-122.

Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Грамматический очерк и памятники народного творчества. – М., 1900.

Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Памятники народного творчества и словарь.– М., 1901.

Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903.

Валерий ГЕРМАНОВ

¹ Решетов А.М. Стенограмма выступления на Международной научной конференции «Рериховское наследие». Секция «Малые города: неотпитая чаша Культуры будущего». Вышний Волочёк. 14 августа 2002 г.

**НАУЧНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНО-
СТЬ АКАДЕМИКА А.А. СЕМЁНОВА В СРЕДНЕЙ
АЗИИ
(Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан)**

*Хорошо, когда чиновник – учёный.
Плохо, когда учёный – чиновник.
Академик А.А. Семёнов*

В отличие от «крылатых» слов «господа ташкентцы» пущенных в оборот с лёгкой руки писателя – сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина в русскую литературу были в «русских городах» Средней Азии и другие господа «старые закаспийцы», например, или «старые туркестанцы»¹. С иными интересами, тоже из военных или чиновников, основавших Закаспийский кружок любителей археологии, Общество исследователей Закаспия, Общество востоковедения, Городскую библиотеку и Музей. Эти люди преподавали, лечили, строили, изучали, в том числе Туркмению, её язык, фольклор, литературу, искусство, архитектуру и историю древних среднеазиатских народов и даже строили новые ирригационные сооружения и новые города².

Русские старожилы, обосновавшиеся в Туркмении, называли себя «старыми закаспийцами» в отличие от «старых туркестанцев», как именовали себя русские старожилы Ташкента, Самарканда и других городов восточной части Средней Азии. Русские исследователи, особенно представители географических и исторических наук, этнографы, глу-

¹Кстати, писатель-сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин, не жалевший ради красного словца и родного отца никогда в Средней Азии быть не сподобился.

²Ян В.Г. Голубые дали Азии. Записки всадника. «Старые закаспийцы». Собрание сочинений в четырёх томах. Том 4. – Москва: Издательство «Правда», 1989. – С. 488, 489.

боко изучившие местный менталитет, непосредственно общавшиеся с туркменами, коренным населением Закаспия, были настоящими культуртрегерами. Они искренне полюбили Туркмению и Среднюю Азию, жили общими интересами, породнились с населявшими ее народами и проделали незаметную, но великую работу по сближению с русским и другими народами России всех национальностей ее бывших «среднеазиатских владений».

Таких замечательных «старых закаспийцев и туркестанцев» в Средней Азии немало. Один из типичных – Александр Александрович Семенов¹, чья судьба – пример многих его современников, посвятивших свою жизнь сперва русской, а потом советской Средней Азии.

«Мы познакомились с А. А. Семеновым, отмечал известный писатель Василий Григорьевич Ян, когда я только что прибыл в Асхабад, а он служил в канцелярии начальника области секретарем статистической части, и быстро подружились. Будучи незадолго перед тем студентом Лазаревского института восточных языков, Семенов участвовал от Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в экспедиции графа А. А. Бобринского в Восточную Бухару. Из этой экспедиции Семенов вывез большой этнографический и фольклорно-лингвистический материал, обработал его и опубликовал в трех томах, где очень живо описал эту поездку, разговоры, поговорки и сказки горных таджиков. За это сочинение он получил золотую медаль Общества. Об А. А. Семенове я рассказал генералу Суботичу; тот крайне удивился, что ничего о нем не знает, и помог его продвинуть по служебной линии».

¹ Семенов А. А. (1873-1958) – выдающийся исследователь Средней Азии, советский историк, филолог, этнограф, академик АН Таджикской ССР, член-корреспондент АН Узбекской ССР, был директором Института истории, археологии, этнографии АН Таджикской ССР. Умер и похоронен в г. Душанбе.

В марте 1900 г. в закаспийских газетах «Асхабад» и «Закаспийское Обозрение» была опубликована статья «Археологический кружок» (сообщение администрации). Она являлась ответом на обращение Н. П. Остроумова с призывом к совместной работе по изучению прошлого и организации в этих целях в Ашхабаде филиального отделения Туркестанского кружка любителей археологии. Впрочем, в статье говорилось не о филиале, а об организации самостоятельного «Закаспийского кружка любителей археологии и этнографии», лица, желающие принять участие в работе кружка, должны были записываться в канцелярии начальника области. Рядом с призывом администрации в газете «Асхабад» была опубликована анонимная статья «Археология в Закаспийском крае»¹.

13 марта 1901 года 1901 г. под председательством начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта А. А. Боголюбова состоялось Учредительное собрание Кружка. На нём присутствовали С. А. Данилович, В. Д. Дейнеко, П. Н. Карпов, Ф. А. Михайлов, Н. П. Петерсон, К. В. Сидорович и Н. Е. Целовальников. После обсуждения была признана желательность организации самостоятельного Закаспийского кружка любителей археологии. Разработка устава была отложена. Секретарём был избран К. В. Сидорович, председателем стал А. А. Боголюбов².

В мае 1901 г. происходило 2-е заседание кружка (учредительное считалось первым), на котором были обсуждены доклады А. А. Боголюбова о расселении туркменских племен по данным орнамента их ковров, и А. А. Семенова о поездке в припамирские страны. Однако в свя-

¹ // Асхабад. 1900. № 47. 16 февраля; Закаспийское обозрение. 1900. № 37. 28 февраля; Перепечатка в ПТКЛА. Выпуск V. – Ташкент, 1900. – С. 66-68.

² Кси [Сидорович К. В.]. Закаспийский кружок любителей археологии // Асхабад. 1901. № 79. 20 марта.

зи с выездом А. А. Боголюбова из области деятельность этого кружка на некоторое время замирает¹.

3-е заседание Кружка состоялось 7 января 1902 г. в помещении Областной библиотеки². Вставший во главе области-генерал Д. И. Суботич поручил председательствовать на заседании Кружка полковнику С. А. Даниловичу. В составе членов кружка произошли некоторые изменения. Ранее членом кружка стал А. А. Семенов. На заседании были приняты новые члены. Ими стали подполковник Кастаньский, инженер-технолог Елистратов, штабс-капитан Данталь, штабс-капитан Б. Н. Литвинов, заведующий библиотекой и музеем С. И. Билькевич и штабс-капитан В. А. Пальчевский. Особо следует отметить постановление заседания о приобретении недостающей в областной библиотеке специальной литературы, о посылке просьбы в Археологическую комиссию о выдаче открытого листа на право возобновления раскопок и о затребовании указаний, печатных отчетов и устава у Туркестанского кружка любителей археологии³. Особо

¹ Литвинский Б.А. К истории Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока (Страница истории археологического изучения Средней Азии)//Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. 1957. Выпуск 14. С.162.

² Там же.

³ Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895-1917 гг.). – Ташкент: Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1958. – 320 с.; Германов В.А. Туркестанский кружок любителей археологии и домусульманские древности Средней Азии. К 100-летию Туркестанского кружка любителей археологии // Вестник древней истории. – 1996. – №4(219). – С.189-195. (в соавторстве с академиком Г.А. Пугаченковой); Германов В.А. Туркестанский кружок любителей археологии: примат науки или геополитики?//Вестник Каракалпакского Отделения Академии наук Республики Узбекистан. – 1996. – №1. – С.90-97; Германов В.А. Эпоха Туркестанского кружка любителей археологии: примат науки или геополитики? // Россия – Средняя Азия. Политика и Ислам в конце XVIII – начале XX века. Под редакцией академика РАН А.А. Кокошина (главный редактор), доктора исторических наук В.В. Наумкина, доктора юридических наук Л.Р. Сюкияйнена Под грифом МГУ имени М.В. Ломоносова, Факультет мировой политики. Т. I – 472 с.; Т. II – 368 с. Москва: ЛЕНАНД, 2011. – 368 с. С.171-196.

следует подчеркнуть всевозрастающую роль А.А. Семёнова. Ему было поручено участвовать в составлении библиографических заметок по истории Закаспийского края. Одновременно он выразил личное желание участвовать в охране и изучении и охране руин города Анау. В конце третьего заседания А.А. Семёнов сделал сообщение о Чингисхане Тарихи Мукимхана.

11 и 16 марта 1902 г. происходили заседания кружка любителей археологии. Именно на этих заседаниях было решено присвоить кружку наименование, под которым он известен и истории науки – «Закаспийский кружок любителей археологии и истории Востока». После обсуждения была принята окончательная редакция устава кружка, проект которого был составлен А. А. Семеновым, бывшим в то время секретарем кружка. На заседаниях было заслушано несколько докладов, в том числе М. А. Аствацатурова – о следах древней дороги из Индии через Герат и Серахс на Абиверд, В. Д. Дейнеко о результатах его поездки (совместно с С. И. Билькевичем) на развалины г. Шехр-Ислам, реферативные сообщения А. А. Семенова – о исмаилитах и надписи на Гумбети-Кабус. Доклады вызвали оживленные прения¹.

На заседании кружка 30 марта 1903 г. А. А. Семенов сделал доклад «Мечеть в Анау», иллюстрируя его фотографиями, картиной художника Мишина, акварелями Б. Н. Литвинова².

На следующем заседании, 30 апреля 1903 г., в соответствии с утвержденным на нём уставом, были избраны председателем кружка В. Д. Дейнеко, товарищем (т.е. заместите-

¹ Заседания Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока // Асхабад. 1902. № 83. 24 марта; Семенов А. [А.]. Письмо в редакцию «Асхабад». 1902. № 87. 29 марта.

² Заседание археологического кружка // Асхабад. 1903. №90. 31 марта; Заседание археологического кружка // Закаспийское Обозрение. 1903. № 85. 1 апреля; Семёнов А. А. Дополнение к сообщению о заседании кружка // Асхабад. 1903. № 92. 2 апреля.

лем) председателя А. А. Семенов, секретарем С. И. Билькевич, казначеем П. В. Арцимович, членами совета кружка Н. П. Петерсон и С. И. Агабеков¹.

А. А. Семенов впоследствии писал, что «...по утверждению устава деятельность кружка окончательно замерла»². Не была даже проведена работа по регистрации археологических памятников области. В активе кружка статья В. Д. Дейнеко по Шахр-Исламу, и позже опубликованные работы А. А. Семенова о мечети в Анау, и Ф. А. Михайлова о занятии текинцами Ахали, о фирмане хивинского хана 1818 г. И лишь работа А. А. Семенова была выполнена на существовавшем тогда уровне археологической и востоковедческой науки.

Первое заседание, возобновившее деятельность Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, происходило 16 апреля 1914 г., последнее 12 января 1917 г. Кружок опубликовал 4 выпуска «Протоколов заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока»³. Была произведена попытка регистрации памятников области, уровень которой, впрочем, был очень низок. Необходимо отметить, что статьи, опубли-

¹ Собрание любителей археологии и истории Востока // Закаспийское обозрение. 1903. №110. 3 мая.

² Антикварий [Семенов А.А.] В Закаспийском кружке любителей археологии. Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, выпуск II. (1914-1915)//Туркестанские ведомости. 1916. № 72. Перепечатка://Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Выпуск 2-й. (1915/1916). Ашхабад. 1916. С.. 17. Видимо, Б. Н. Литвинов считал датой «замирания» работы кружка 1903 или 1904 гг. См. Л.[итвинов] Б. [Н.]. Нечто археологическое//Туркестанские ведомости. 1912. № 164.

³ Бетгер Е.К. Указатель к протоколам заседаний и сообщениям членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока//Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Том XII. Под грифом Академия наук Туркменской ССР. – Ашхабад: Издательство Академии наук Туркменской ССР, 1963. – С. 360-372.

ликованные в «Протоколах», хотя и сообщали некоторый свежий материал, но незначительный, к тому же (за исключением работ Л. А. Зимина) все они были лишены исторического подхода.

Первый выпуск протоколов ЗКЛА вызвал пространную рецензию «Антиквария» [А.А. Семёнова] на страницах газеты «Туркестанские ведомости»¹.

Летом 1906 г. А.А. Семёнов был переведён в Ташкент. Он был назначен делопроизводителем канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. В Ташкенте началось его быстрое продвижение по служебной лестнице. В июне 1911 года Семёнов исполняет обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе. Неоднократно на него возлагают обязанности начальника канцелярии. В августе 1916 года он был назначен исполняющим обязанности помощника военного губернатора Самаркандской области. В конце апреля 1917 года он был назначен советником при Российском резидентстве в Бухарском ханстве. Фактически исполнял обязанности первого драгомана. А.А. Семёнов имел титул статского советника, был награждён многими орденами Российской империи и Бухарского ханства². А.А. Семёнов всегда стремился использовать своё служебное положение в целях улучшения охраны памятников, развития музеев и научных обществ. Одновременно после переезда в Ташкент Семёнов становится действительным членом Туркестанского кружка любителей археологии.

В целом А.А. Семёнов за семнадцать лет службы в Туркестанском крае не только приобрёл чиновные звания, ордена и медали, но и стал известным учёным, написал около полусотни книг, статей и рецензий.

¹ Цитируется по: А. Губаев. Археология Туркменистана. Учебное пособие. Под реакцией профессора Кошеленко Г.А. – Ашхабад: Магарыф, 1989. – С. 41.

² Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (далее ЦГА РУ). Ф. И-1. Оп. 33. Д. 322.

В конце апреля 1918 г. А.А. Семёнов был командирован в столичные города для участия в организации открытия в Ташкенте первого в Средней Азии Университета¹.

25 апреля 1918 г. А. А. Семенов был командирован в Москву и Петроград для решения вопросов, связанных с открытием в Ташкенте университета. Предполагалось, что командировка займет не больше 1,5 месяца, однако гражданская война и закрытие движения в Среднюю Азию. А равно и сложность поручения задержали А. А. Семенова в центре почти на три года. Директивные органы Туркестанской республики приняли 9 марта 1918 г. постановление об организации в Ташкенте университета². Необходимо было привлечь из центра научные силы, обеспечить университет материальной, учебно-научной базой и библиотекой. В состав комиссии тогда включили троих А. А. Семенова, П. А. Кобозева, И. Г. Белова³.

В удостоверении, выданном Совнаркомом Туркестанского края А. А.Семенову 25 апреля 1918 г. находящийся в его архиве, значилось: «Предъявитель сего Александр Александрович Семенов с одобрения Совета Народных Комиссаров Туркестанского края делегируется Правлением Туркестанского народного университета в Москву и Петроград для скорейшего разрешения вопроса об открытии в гор. Ташкенте высшего учебного заведения. Ввиду сего Совет Народных Комиссаров Туркестанского края просит все

¹ Лунин Б. А. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии// Очерки по истории русского востоковедения. Сб. ХС. М., 1963. С. 326; Германов В.А. Alma mater Ташкентская и Среднеазиатская, или История с географией // Россия – Узбекистан: в прошлом и настоящем. Люди, события, размышления. Сборник статей. Составители А.Б. Джумаев, Ю.В. Подпоренко, Э.В. Ртвеладзе, Д.А. Трофимов. – М.: АРМАДА & «Альфа-книга», 2003. – 432 с. С. 118-140.

² Дворкина Е. А. Основание университета в Туркестане (1918-1920 гг.)//Труды САГУ. Нов. сер. Вып. ХС. Исторические науки. Книга 14. – Ташкент, 1957. – С. 12.

³ Рашидов Г. Первый университет в Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. – 1963. – № 4. – С. 54.

надлежащие Советские власти и товарищей солдат и рабочих, железнодорожников, красногвардейцев и представителей различных общественных организаций оказать гражданину Семенову в пути и на местах всякое содействие... в целях наиболее скорого и полного разрешения возложенного на него важного поручения»¹.

В начале мая 1918 г. А. А. Семенов приезжает в г. Моршанск, где находилась его семья. На следующий же день он пишет В. В. Бартольду: «Я приехал сюда в отпуск и вместе с тем в командировку в Петроград и Москву по вопросу об открытии в Ташкенте осенью текущего года университета, в числе факультетов которого намечены историко-филологический и восточный. Я выехал пока один, другие члены делегации выедут позже... Кроме того, не представилась ли бы Вам (с другими профессорами, которые будут приглашены) возможность приехать в Москву для совещания по вопросу открытий Ташкентского университета?»². По рекомендации восточного факультета Петроградского университета в мае 1919 г. А. А. Семенов был избран профессором по кафедре персидской словесности историко-филологического факультета Туркестанского университета.

Главное в его деятельности в те годы – напряженная работа по организации университета. С мая по сентябрь 1918 г. комиссия знакомилась с деятельностью центральных университетов и институтов и провела ряд совещаний с участием представителей высших учебных заведений Москвы и Петрограда. А. А. Семенов проводит большую работу по подготовке переезда в Ташкент преподавателей и профес-

¹ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семёнов. Научно-биографический очерк Под грифом Академия наук СССР, Институт востоковедения, Академия наук Таджикской ССР, Институт истории. – Москва: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1971. – С. 68.

² Архив АН СССР, ф. 68, л. 746. Письмо А. А. Семенова В. В. Бартольду от 21.IV.1918.

соров, разработке учебных программ.

В январе 1920 г. с первым эшелом Туркестанского государственного университета А. А. Семенов выехал в Ташкент. Он имел научные поручения от Академии наук и Всероссийской научной коллегии. Представители руководящих органов Туркеспублики предложили А. А. Семенову принять заведование «всеми музеями Туркестанского края»¹. Но А. А. Семенов был занят организацией университета. В мае он возвращается в Москву и Петроград для доклада о положении дел в университете и для организации отправки библиотеки, научных пособий и сотрудников. 3 июля он пишет из Москвы В. В. Бартольду: «Глубокоуважаемый Василий Владимирович! Вчера удалось получить военно-санитарный поезд в Ташкент, время его отправления из Москвы 25 июля. Относительно петроградцев будет сделано распоряжение предоставить им вагон в одном из санитарных поездов Петрограда с таким расчетом, чтобы они могли, погрузившись, выехать оттуда в Москву 18-го числа. В Москве прицепятся к поезду ташкентскому. О всех распоряжениях по поездке я телеграфирую и буду телеграфировать». В августе того же года А. А. Семенов прибывает в Ташкент со вторым эшеломом².

Через несколько дней я был вызван в Совнарком Туркеспублики, где мне было заявлено, что я командируюсь в центр, в Петроград и, Москву, хлопотать об открытии в Ташкенте университета совместно с инженерами Беловым и Быковым имеющим потом приехать Ком[иссаром] путей сообщения Туркеспублики, тов. Кобозевым. На мое замечание, что я связан службою при комиссаре в Бухаре, мне было сказано, что все формальности о продлении мне отпуска будут немедленно сделаны ввиду важности дела. Ко-

¹ Семёнов А. А. Автобиография... оп. 2, д.221, лл. 7-9. Из записок Лидии Петровны Сечкиной.

² Архив АН СССР, ф. 68, оп.2, д.221, л. 97а. (Письмо А. А. Семенова В. В. Бартольду от 3.VII.1920).

гда все было улажено, я получил соответствующий мандат от Совета Народных Комиссаров Туркеспублики (он у меня до сих пор цел, как и большинство документов по этой командировке) и выехал в Москву и Петроград (инженер Быков так и не приехал, инженер Белов приехал позже, как и инженер Кобозев). Оформление своего мандата в столицах, установление связей с Комиссариатом просвещения, с разными высшими учебными заведениями (Технический институт, Институт инженеров путей сообщения, Петроградский и Московский университеты, сельскохозяйственная Академия в Петровско-Разумовском и пр.) и разными правительственными лицами заняли немало времени, но уже к июлю 1918 года удалось установить профиль Туркестанского государственного университета. Ряд больших совещаний в столицах и объединенное совещание петроградских и московских представителей научно-учебных организаций в июне 1918 г. в Москве, в большом конференц-зале Московского университета, теплое отношение членов высшего Советского правительства к идее устройства в Средней Азии высшего учебного заведения поставили дело организации последнего на твердую почву.

Открытие военных фронтов гражданской войны и нарушение правильного движения по железнодорожным путям прервали сообщение с Туркестаном почти на два года. Проводя время в разъездах по делам Туркестанского университета между Москвою и Петроградом, работая по Всероссийской музейной коллегии и Рос[сийской] Академии истории материальной культуры, я продолжал вести научную работу и в области своей специальности, напечатав за это время в «Изв. Рос[сийской] Академии наук» некоторые свои работы (в 1918-1919 гг.). Принимал участие в работах Всероссийской музейной конференции, созванной в Петрограде в 1919 г., в качестве делегата от Москвы; выступал там с докладом от Всероссийской музейной коллегии; был командирован по музейным делам в гг. Иваново-Вознесенск,

Моршанск и др. места. Эти служебные поручения и служба в Москве и Петрограде давали мне возможность существовать, так как я не получал вознаграждения по делам об устройстве Ташкентского университета до второй половины 1919 г. При первой возможности проехать в Ташкент я выехал в январе 1920 года с первым эшелоном Туркестанского университета, везшим профессоров, приборы, книги и проч.

В пути я заболел сыпным тифом, был взят в военный госпиталь проходившего воинского поезда и приехал в Ташкент 15 апреля, на несколько дней позднее прибытия университетского эшелона. После отчета правительственным и общественным организациям о проделанной своей работе и после очень интенсивных замечаний по вопросам размещения университета и его сотрудников, о реорганизации Народного университета и проч. по постановлению Правления университета был командирован в столицы для оформления 2-го университетского эшелона, каковое поручение, занимавшее у меня время с мая по август 1920 года, было мною успешно выполнено, и я приехал со вторым эшелоном 16 августа 1920 года. Не могу не вспомнить с благодарностью тех членов центрального правительства, которые очень помогли формированию в Средней Азии университета и всегда шли мне навстречу в этом отношении, это были покойные: профессор М. Н. Петровский и А. В. Луначарский (зам. наркома просвещения и нарком просвещения), В. Д. Бонч-Бруевич (управл. делами Совнаркома), Н. А. Семашко (Наркомздрав), Е. И. Калинина (жена М. И. Калинина, состоявшая в одном из военных учреждений)»¹.

7 сентября 1920 г. был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении в Ташкенте Государственного университета². Так завершилась работа по

¹ Семёнов А. А. Автобиография... лл. 7-9. Из записок Лидии Петровны Сечкиной.

² Муравейский С. Д. Двадцать лет Среднеазиатского Государственного

созданию университета в Ташкенте²³, в которой Л. А. Семенов принял самое активное участие; позже на протяжении двух с половиной десятилетий (если исключить перерывы) он был профессором этого университета¹.

Бюро Отделения литературы и языка Академии наук СССР в декабре 1943 г. вводит А. А. Семенова в состав Ученого совета Института востоковедения, а в конце января 1944 г. А. А. Семенов назначается заведующим Среднеазиатским кабинетом Института востоковедения АН СССР. Одно время он исполнял и обязанности заместителя директора этого института.

Значительное развитие в Узбекистане получила востоковедческая наука, особенно после создания на базе Восточного отдела Государственной публичной библиотеки Узбекистана в январе 1944 г. Института по изучению восточных рукописей Академии наук Узбекистана. К началу научной деятельности Института в его фондах было собрано 6102 тома рукописей и примерно около 6 тыс. литографированных книг. Изучением и научным описанием восточных рукописей успешно занимались сотрудники Института Д. Г. Вороновский, А. Расулев, Б. Захидханов, Э. Мухамедходжаев и другие под руководством члена-корреспондента АН УзССР профессора А. А. Семенова.

Большая заслуга в организации крупного научно-исследовательского центра по истории в Таджикистане принадлежит известному учёному-востоковеду, действительному члену Академии наук Таджикской ССР, член-корреспонденту АН Узбекской ССР, заслуженному деятелю науки Таджикской и Узбекской ССР, доктору исторических наук, профессору Александру Александровичу Семенову.

университета. – Ташкент: Изд-во САГУ, 1940. – С.11.

¹ Впоследствии Туркестанский государственный университет – ТГУ, Среднеазиатский государственный университет – САГУ, позже Ташкентский государственный университет – ТашГУ, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека.

Когда в 1951 г. с преобразованием Таджикского филиала АН СССР в АН Таджикской ССР на базе бывшего Института истории, языка и литературы был создан Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, А.А.Семенов стал его первым директором и руководил им до последних дней своей жизни.

С первых дней назначения на должность директора А.А.Семенов полностью включился в организационные хлопоты – определения структуры и направления деятельности института как нового научно-исследовательского центра, формирования его штата, расстановки кадров и т.п. В составе института были созданы три сектора: истории советского общества, сектор этнографии и сектор археологии. Позднее, в 1953 г., был создан четвертый сектор – истории искусства¹.

Общее количество сотрудников института не превышало 20-25 человек. Небольшой молодой коллектив ученых-историков под руководством академика А.А.Семенова с 1951 по 1955 гг. издал более 500 печатных листов различных научных работ², в том числе, такие крупные монографические исследования, как «Таджики долины Хуф», т.1, под редакцией А.А.Семенова и А.К.Писарчик, Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии (посвященный 80-летию со дня рождения А.А.Семенова), «Материалы по истории, археологии, этнографии и филологии Таджикистана и Средней Азии» (сборник, посвященный 80-летию со дня рождения А.А.Семенова.), «Материалы к истории таджикского народа

¹ Сектор действовал в течение 1953-1954 гг., затем был слит с сектором этнографии.

² Алиджанов М.А. Вклад А.А. Семёнова в развитие исторической науки в Таджикистане // Памяти Александра Александровича Семёнова. Сборник статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. Под грифом Академия наук Таджикской ССР, Институт истории имени А. Дониша. – Издательство А. Дониша, 1980. – С.47-59. С.52. С. 48.

в советский период» под редакцией Б.Г.Гафурова, монография Е.А. Давидовичи Б.А. Литвинского «Археологический очерк Исфаринского района» и другие¹.

В последующие годы по мере развития института, роста квалификации сотрудников увеличивался выпуск научных трудов. Так, в 1956 г. под редакцией А.А. Семенова вышел первый «Искусствоведческий сборник», а также сборники «Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.» и «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.», «Археологические и нумизматические коллекции ИИАЭ АН Таджикской ССР» (авторы З. Гулямова, Е.А. Давидович, Б.А. Литвинский и В.А. Ранов), «Этнографические коллекции ИИА и З АН Таджикской ССР» З.А. Широковой, в 1957 г. – работы А.М. Мандельштама «Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей», И.Н. Негматова «Уструшана в VII-X вв.», «Ягнобские тексты» М. С. Андреева и Е.М. Пещеревой (составители А.К. Писарчик и В.А. Лившиц), М. Рахимова «Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период», И.Х. Нурджанова «Таджикский народный театр», А. Козачковского «К истории проведения Конституции СССР 1936 г. в Таджикистане» и в 1958 г. «Таджикские долины Хуф», т. 2 М. С. Андреева, монографические работы Б.И. Искандарова «О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX-XX вв.» и Л.В. Ошанина «Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана». Кроме того, за эти годы научными сотрудниками института было подготовлено к печати большое количество монографий, брошюр и научных статей. К их числу можно отне-

¹ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семёнов. Научно-биографический очерк. Под грифом Академия наук СССР, Институт востоковедения, Академия наук Таджикской ССР, Институт истории. – Москва: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1971. – С.121-138.

стиколлективные работы «Ягнобско-русский словарь», «Живопись древнего Пенджикента», «Указатель историко-этнографической литературы о Таджикистане», монографии В.А.Мешкерис «Очерк развития агитационного плаката Таджикистана», К.А. Богомоловой «Борьба Коммунистической партии Таджикистана за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в пятой пятилетке», А.Мухтарова «Материалы к истории Ура-Тюбе», брошюры В.А.Козачковского «Борьба за установление Советской власти в Таджикистане (1920-1924 гг.)», Я.Шарипова «Борьба за укрепление Советской власти в Таджикистане (1924-1936 гг.)», А.Мухтарова «Великая Октябрьская социалистическая революция-освободительница таджикского народа от феодального и национального гнета», А. Набиева «Борьба за установление Советской власти на Памире» и другие.

Вместе с тем были проведены значительные полевые археологические и этнографические работы, в результате которых был собран ценный исторический материал. Большая заслуга А.А.Семенова заключается в том, что он, помимо исследования отдельных проблем истории и истории культуры таджикского народа, направлял деятельность коллектива и института на комплексное изучение всей его истории. Именно при нем была начата работа по подготовке к изданию многотомной истории таджикского народа.

Как руководитель коллектива и один из авторов А.А. Семенов внес большой вклад в эту работу. Он участвовал в составлении плана-проспекта многотомника, переписывался с видными учеными Москвы, Ленинграда и союзных республик, участвовавшими в написании отдельных глав или разделов, создавал в институте благоприятные условия для выполнения данной работы – ходатайствовал перед вышестоящими инстанциями о создании новых секторов в институте, о выделении дополнительных штатных единиц, создании нормальных жилищных условий сотрудникам т.п. Так, в своей докладной записке от 8 февраля 1956 г. в Президиум АН

Таджикской ССР обоснованно изложил нужды института и указывал на необходимость создания двух новых секторов – дореволюционной истории и истории искусств, создания в Пенджикенте археологической базы института, увеличения штатных единиц действующих секторов археологии, этнографии и истории советского общества. В записке, в частности, говорилось, что в связи с необходимостью приступить к разработке многотомной истории таджикского народа возникла настоятельная необходимость создания отдельного сектора истории дореволюционного Таджикистана. Такие секторы нередко с большим штатом существуют в институтах истории всех среднеазиатских республик. Создание сектора истории дореволюционного Таджикистана крайне необходимо, ибо в противном случае работа по написанию томов истории Таджикской ССР в дореволюционный период может быть сорван¹. Вместе с тем он считал необходимым в дальнейшем расширить работы по изучению истории искусства таджиков сектор истории искусства. Создание в Пенджикенте археологической базы института обосновывалось А.А.Семеновым. Пенджикент дал науке великолепные образцы живописи, скульптуры и резьбы по дереву. Раскопки больших жилых массивов, ремесленных мастерских, храмов дают важнейший материал по социально-экономической истории. Когда в VII-VIII вв. Учитывая большое значение подготовки и издания многотомника, Президиум АН удовлетворил просьбу института об открытии новых секторов. В начале 1958 г. в институте был выделен из сектора этнографии сектор истории искусств в составе 6 человек, а позднее сектору были даны дополнительные штатные единицы.

¹ Алиджанов М.А. Вклад А.А. Семёнова в развитие исторической науки в Таджикистане // Памяти Александра Александровича Семёнова. Сборник статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. Под грифом Академия наук Таджикской ССР, Институт истории имени А. Дониша. – Душанбе: Дониш, 1980. – С.47-59. С.52.

В июне 1958г, был образован новый сектор – по изучению средневековой истории таджикского народа в составе 7 человек, а в июле 1958г, создана также Пенджикентская археологическая база со штатом 10 человек¹. Организация двух новых секторов и археологической базы в г. Пенджикенте имела большое значение. Это послужило началом серьезного изучения социально-экономической и культурной жизни таджикского народа в древности и средневековье, а также способствовало выполнению задачи, стоящей перед коллективом института по подготовке многотомной истории таджикского народа. Но, к сожалению, А.А. Семенову не суждено было завершить начатую работу по подготовке к изданию многотомника². А.А. Семенов скончался 16 ноября 1958 г.

Благородное, дело, начатое А.А. Семеновым, было продолжено его преемниками учениками и коллегами.

¹ Там же.

² Б.А. Литвинский в своей книге, написанной в соавторстве с Н.М. Акрамовым, посвящённой А.А. Семёнову, по каким-то причинам не упоминается о его учёном вкладе в стратегическую подготовку многотомной истории Таджикистана.

*Сафар ЭРКАЕВ, Анвар ЭРКАЕВ
Худжанд*

ТРУДЫ А. А. СЕМЕНОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В результате присоединения Средней Азии к России, в жизни народов региона, в том числе таджикского народа, произошли значительные изменения, особенно в культурной жизни народов этого древнего края. Демократические идеи проникали в Среднюю Азию различными путями. Чувствовалось влияние европейской жизни – появились врачи, учителя, инженеры и учителя; начал формироваться рабочий класс; стали строить типографии, фабрики и заводы, железную дорогу; открылись русско-туземные школы, издавались газеты, журналы и книги; появились первые революционеры и возникло просветительство. Проникновение передовой русской культуры и через незападноевропейской культуры в жизнь народов Средней Азии подрывало догмы мусульманской идеологии. Под влиянием русской прогрессивной общественно-политической мысли в Средней Азии возникло течение, известное под названием просветительств¹.

В результате произошли кардинальные изменения в жизни таджикского народа, которые отразились в трудах русских ученых теперь имевших возможность изучать социально-экономическую и культурно-политическую жизнь народов Средней Азии. Уже во второй половине XIX века был организован ряд научных экспедиций. Прочные основы географического изучения Туркестана заложил известный русский географ П. П. Семенов-Тяньшанский, изучавший

¹История таджикского народа. Том II. Кн. 2: Эпоха формирования таджикского народа. – Москва: Наука, 1964. – С. 169.

горную систему Тянь-Шань-Памир-Алай. Над физико-географическим изучением Памира продолжил работать Н.А. Северцев. Известный русский ученый А.П. Федченко – первый исследовал Ферганской долины и Алая, открыл на Заалайском хребте высочайший пик (ныне пик Сомони), обследовал Кара-Кумы и Зеравшанскую долину. И.В. Мушкетов составил первый список туркестанских минералов и вместе с Г.Д. Романовским – первую геологическую карту Туркестана. Экспедиции осуществлялись в невероятно трудных условиях бездорожья, в непроходимых горах и пустынях, с весьма примитивным оборудованием, на скудные средства. Впоследствии по инициативе географов А.П. Федченко и В.Ф. Ошанина был создан местный отдел «Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», организовавшее экспедиции антрополога Л.В. Ошанина в Каратегин и на Памир, ботаника А.Э. Регеля – по исследованию верховьев Амударьи в Каратегине и Дарвазе. Флора территории современного Таджикистана изучалась ботаниками В.Л. Комаровым и В.И. Липским. В 1871 г. было создано «Среднеазиатское научное общество», которое занималось сбором и публикацией данных по истории и этнографии народов Средней Азии. П.С. Савельев и П.И. Лерх собирали материалы по нумизматике; В.В. Григорьев издал ряд трудов по древнейшей истории края; академик В.В. Вельяминов-Зернов изучал историю Бухарского и Хивинского ханств. Известные русские путешественники по Средней Азии Б.А. Федченко, И.В. Мушкетов, В.П. Наливкин, Б.А. Кирхгоф, Д.Л. Иванов, М.И. Чайкин и многие другие вели регистрацию археологических памятников, изучали древние города, собирали этнографические и экономические данные о населении Средней Азии. В начале 1897 г. по инициативе В.Ф. Ошанина и С.И. Жилинского было организовано Туркестанское отделение «Русского географического общества», которое проводило великолепную работу по изучению края и были созданы многие другие отделения.

Большое значение для развития астрономии в Средней Азии имело основание в 1873 г. Ташкентской обсерватории. Особо важную роль в научной жизни края сыграли созданные тогда же метеорологическая станция, этнографический, исторический и археологический музеи и др., а также возникновение просветительства¹.

В изучении истории и культуры народов Средней Азии, в том числе таджикского народа велика роль академика Академии наук Таджикистана Александра Александровича Семенова (1873-1958 гг.). Основные страницы биографии, обширная научная, преподавательская, изыскательская, экспедиционная и административная деятельность А. А. Семенова и собранные им коллекции уникальных образцов письменного наследия, искусства и ремесла народов Востока, неразрывно связаны с важным древним историческим периодом и научно-культурным освоением российскими учеными – исследователями Центральной Азии в конце XIX и первой половине XX века.

Академик А.А. Семенов был одним из первых, кто посвятил себя профессиональному изучению истории, этнографии, археологии, языков, письменных источников, памятников археологии, искусства, традиций, обычаев и обрядов таджикского народа в малоисследованном регионе мира, каким в конце XIX – начале XX веков являлся юго-восток Бухарского эмирата, так называемая Восточная Бухара. Личная жизнь и научная работа ученого нередко переплетались в процессе создания различных культурно-просветительских, образовательных и научных обществ и подразделений, подготовки местных национальных кадров.

О жизни и трудовой деятельности академика А.А. Семенова

¹История таджикского народа...С.133; История таджикского народа. Том IV: Позднее средневековье и новое время (XVI – 1917 г.) – Душанбе, 2010. – С. 906.

нова опубликовано много работ. Среди них следует отметить недавно изданный труд Л.Н. Додхудоевой «Научное наследие А.А.Семенова и М.С.Андреева»¹ (архивные документы), который является ценнейшим историческим источником по изучению истории и культуры таджикского народа. Для исследователей наследия А.А. Семенова важно, что это первое издание документов учено, хранящихся в архиве Отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан. Автор провел всестороннюю и тщательную археографическую обработку сохранившихся документов А.А. Семенова с описанием каждого листа и фотографии, а также негативов, иллюстраций и научных трудов. Надо отметить, что ранее данный архив, имеющий ценные источники по изучению истории и культуры Центральной Азии не подвергался источниковедческому анализу. Л.Н. Додхудоева на конкретных примерах показала значимость тех или иных документов, что позволило ей предоставить многоаспектное историческое измерение имеющихся документов. Автор впервые ввел в научный оборот факты и свидетельства позволившие составить достаточно цельную картину деятельности академика А.А Семенова, выявить его талант и вклад в развитие науки, в изучение и сохранение уникального культурно-исторического наследия, языка, фольклора, памятников не только таджикского народа, но и других народов Центральной Азии.

В начале XX века расширяются исследования истории и культуры, природных богатств Центральной Азии. Ученые-энтузиасты, молодые инициаторы создают новые научные общества («Комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», «Туркестанское медицин-

¹ Додхудоева Л. Научное наследие А.А. Семенова и М.С.Андреева (архивные документы). – Душанбе, 2013. – 266 с.

ское общество», «Общество естествоиспытателей и врачей Туркестанского края и многие другие). Именно тогда русскими учеными был опубликован целый ряд научных трудов, имеющих источниковедческое значение. Например, в области естественных наук к ним относились ботанические исследования В.Л. Комарова и И.А. Райковой, работы геологов Д.Л. Иванова, К.И. Богдановича, С.Н. Михайловского и Д.В. Наливкина, выявившие некоторые особенности рельефа и геологии Памира и Центрального Таджикистана, работы М.А. Менабира «Зоологические участки Туркестанского края» и Л.С. Берга «Рыбы Туркестана» и др. По истории Центральной Азии вышли труды крупного востоковеда-академика В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «К истории орошения Туркестана» и ряд других. В этот же период были изданы первые монографии по этнографии таджиков – «Горцы верховья Пянджа» и «Орнамент горных таджиков» А.А. Бобринского, написанные на основе большого полевого материала, собранного автором. А.А. Семенов был одновременно активным учредителем и участником этих научных обществ. Ученый опубликовал два тома материалов для изучения наречий таджиков Центральной Азии и «Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза». В это же время появляются работы будущих известных этнографов М.С. Андреева, А.А. Половцева, И.И. Зарубина и многих других.

Академик А. А. Семенов был одним из основных учредителей и активных участников научной организации «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами» организованного в 1925 году в городе Ташкенте. По мнению академика Р.М. Масова создание общества является важной вехой в изучении истории, лингвистики и культуры таджиков в начале XX века¹. Работу

¹Масов Р.М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1988. – С.

«Общества» всесторонне и широко поддерживал Нусратулло Махсум – первый руководитель Таджикского государства. Он был его почетным председателем. Деятельность «Общества» сыграло большую историческую роль, так как для развития науки в Таджикистане в тот период не было необходимой базы и соответствующих научных кадров. Перед созданным впервые научным учреждением по изучению истории и культуры таджиков стояло множество проблем, решение которых требовало огромной научно-исследовательской работы и больших материальных расходов. По составленному в начале февраля 1925 года плану «Общество» приступило к этнографическому, филологическому, историческому, физико-географическому и экономическому исследованию республики¹. Поэтому основное внимание уделялось организации различных экспедиций для сбора археологического и этнографического материалов, а также музейных экспонатов. Результаты научных экспедиций первоначально подытоживались в специальных докладах, которые заслушивались на общих открытых собраниях членов общества с привлечением широкого круга общественности: партийных, советских работников и тех, кто интересовался вопросами истории, этнографии, литературы таджикского народа. Вскоре был издан сборник «Таджикистан», куда вошли статьи В.В. Бартольда, М.С. Андреева, Н.Л. Корженевского и др, в том числе статьи А.А. Семенова. История создания «Общества» и его научная деятельность в достаточной степени освещены в работах таджикских историков А.А. Семенова, З.Ш. Раджабова, М.Р. Шукурова, Г.Х. Хайдарова, Е.Г. Шаголова и др. В нем также упоминаются почти все обобщающие труды, изданные по истории таджикского народа советского периода, в кол-

69.

¹Из истории культурного строительства в Таджикистане. 1924-1941 гг. Сб. документов, т. 1. Душанбе: Ирфон, 1966. – С.327.

лективных работах, посвященных истории культурного строительства в Таджикистане за годы Советской власти. Главное место в работе «Общества» занимало изучение дореволюционной истории, этнографии и литературного наследия таджикского народа. Научная деятельность «Общества» сосредоточивалась в двух отделах: физико-географическом и экономическом; историко-филологическом и этнографическом¹.

«Общество» сыграло положительную роль в развитии советского источниковедения и историографии Таджикистана. Она по существу явилось единственным научным учреждением (созданным по объективным причинам не в самой Республике, а за ее пределами), которое непосредственно занималось всесторонним изучением дореволюционной истории таджикского народа. За годы своего существования «Общество» завоевало заслуженное признание и популярность в научных кругах нашей страны и за ее пределами. Об этом свидетельствует обширная научная переписка по обмену изданных «Обществом» научных трудов с зарубежными научными организациями и отдельными учеными, которые заказывали выпускаемую исследовательскую продукцию). В деятельности «Общества» велика роль академика А.А.Семенова. В рамках работы в «Обществе» А.А. Семенов опубликовал следующие труды: «Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Ч.1. Грамматический очерк и памятники народного творчества». - Москва, 1900. - С.19-54; «Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза». - Москва, 1903; «Очерк поземельного и налогового устройства Бухарского ханства». - Ташкент, 1929; «Старый таджикский и персидский военный термин *хасак*, его значение и вещественная фор-

¹Шагалов Е.С. Первое научное общество в Таджикистане (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами) – Душанбе: Дониш, 1966. – С. 8.

ма»// Изв.ТФАН СССР.-№ 15-1949.-С.69-74; «Материальные памятники иранских культуры в Средней Азии».Сталинабад,1944; «Миниатюры самаркандской рукописи начала XVII в. «Зафар-нома» Шарафуддина Езди» // Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа.-Сталинабад,1956;«Культурный уровень первых Шейбанидов»//Советское востоковедение. – Москва, 1956; «О среднеазиатской бумаге. (Сорта среднеазиатской бумаги, ее производство испособы окраски) //Изв.ТФАН СССР.Отд.обществ.наук. – №1-1963. В переводах А.А. Семеновакомментариями изданы важные исторические первоисточники, содержащие комментарии ученого: «Мукимханская история» Мухаммад Юсуфа Мунши, «Убайдулла наме», «Среднеазиатский трактат по музыке Дарवेशа Али (XVIII в.)»,«История Шугнана, Бурхан ул-Дин-хан-и Кушкеки», «Каттаган и Бадахшан», «Рашид ад-Дин.Сборник летописей», «Дневник похода Тимура в Индию» Гиясаддина Али и многие другие ¹.

А.А. Семенов начинал свою научную деятельность в качестве этнографа в составе экспедиции в Горный Таджикистан, организованной «Обществом естествознания, антропологии и этнографии» при Московском государственном университете под руководством известного путешественника, этнографа и искусствоведа А.А.Бобринского и прошел, основные исследовательские пути став академиком Академии наук Таджикистана. Будучи блестящим знатоком древностей Востока он собрал великолепную коллекцию средневековых рукописных книг, которые впоследствии перевел и издал с комментариями, различные изделия прикладного искусства, фотографии, рисунки, планы, негативы, эстампажи и многое другое. А.А. Семенов в своих трудах широко использовал как исторические источники, так и труды рус-

¹Семенов А.А., Козачковский В.А. Историческая наука в Таджикистан за 25 лет // Докл. АН Тадж.ССР, вып.12. – Сталинабад,1954. – С.8.

ских ученых – В.Л. Комарова, И.А. Райковой, Д.Л. Иванова, К.И. Богдановича, С.Н. Михайловского, Д.Н. Наливкина, М.А. Менабира, Л.С. Берга, В.В. Бартольда, А.А. Бобринского, М.С. Андреева, А.А. Половцева, И.И. Зарубина, Н.Л. Корженевского, В.И. Даля, В.В. Радлова, И.Н. Березина, В.В. Вельяминова-Зернова, Г.Н. Потанина, Н.А. Аристова, Н. Ханькова, В.В. Григорьева, И.В. Мушкетова, Д.И. Щербачева и многих других, а также труды местных исследователей и изданий многочисленных обществ. Ученый написал многочисленные труды, статьи, имеющие историко-этнографическую ценность¹ (8.155,221).

Таким образом, выше сказанное позволяет заключить, что все сохранившиеся документы и труды академика А.А. Семенова представляют особый научный интерес вне зависимости от их объема в силу своей уникальности и являются историческим источником по изучению истории, этнографии, археологии и культуры народов Востока и том числе таджикского народа в конце XIX – первой половине XX веков и никогда не потеряют своей научной значимости.

¹ Додхудоева Л. Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева (архивные документы). – Душанбе, 2013. – С. 155, 221.

*Хамза КАМОЛ, Ширин КУРБАНОВА
Душанбе*

РОЛЬ А.А.СЕМЕНОВА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ МАВЕРАННАХРА И ХОРАСАНА XVIв.

Историческая наука за более чем столетний период достигла значительных успехов в изучении истории Мавераннахра и Хорасана в XVI веке. В исторической литературе этот период получил известность как период правления Шейбанидов. К анализу событий, происходивших в это время, приложили руку представители не одного поколения историков. Особенно следует подчеркнуть исследования русских и советских востоковедов В.В. Бартольда, А.А. Семёнова, В.В. Вяткина, А.Ю. Якубовского, П.П. Иванова, И.П. Петрушевского, А.М. Беленицкого, А.Н. Болдырева, Е. Бертельса, Е.А. Давидович и многие другие.

Особое место в научной литературе данного периода занимают четыре статьи академика А.А.Семёнова, написанные на основе первоисточников и внесшие огромный вклад в историографию 50-х годов двадцатого века. Первая статья называется «К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана», вторая – «Шейбани-хан и завоевание империи Темуридов», третья – «Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр». Эти три статьи были опубликованы в трудах Академии наук Таджикской ССР под названием «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии» в 1954 году. Четвертая статья «Культурный уровень первых Шейбанидов» была опубликована в третьем номере журнала «Советское Востоковедение» в 1956 г.

Принимая во внимание ценность статей А.А. Семенова, следует отметить, что в объеме одной статьи трудно провести комплексный и систематизированный историографический анализ письменных источников. Поэтому каждая из вышеперечисленных статей ученого должна быть предметом отдельного изучения историков и историографов.

Предметом нашего исследования стала статья А.А. Семенова «К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана». В центре внимания ученого стоит вопрос о составе узбеков Шейбани-хана и происхождении этнонима «узбек». Перед исследователем стояла трудная задача поиска ответа на очень спорный тогда, и думаем и сегодня вопрос среди ученых. В целях определения этих вопросов на основе сведений доступных ему таких источников как «Китоби девони лугот ат турк» Махмуд Кашгари, «Зубдату-л-фукара фи та'риху-л – хиджра» Рукнуддина Байбарси (умер в 1325), «Та'риху-л-мулук ан-Носир Мухаммад ибн Калаун ва авлода» Шамсуддина аш-Шуджа ал-Мисри, «Китаб аттаварих ас-салатин ва ал-мулук ва ал-асакир» аноимного автора, «Китаб ал-масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар» Ибн Фазлуллаха ал-Омари (умер 1348-49), «Та'рих ал Бирзалия»Аламуддин Бирзалия (ум. в 1339), «Та'риху-л-ислам»Шамсуддина Абдуллах аз-Захабия (ум. в 1348-49), «Та'рихи гузида» Хамдуллаха Казвини и других А.А. Семенов попытался проанализировать их.

Как было модно в то время, А.А. Семенов начинает статью с критики буржуазных историков Востока. Ученый пишет: «Буржуазные историки Востока считали этих кочевых узбеков выходцами из Золотой Орды, получившими свое название от золотоордынского хана Узбека»,¹ и далее заключает, что «все такие их взгляды не подкреплялись никакими серьёзными аргументами, основанными на первоисточниках».

Изучая источники этого периода, А.А. Семенов пишет, что у современных Узбек-хану арабских авторов нет никаких указаний, чтобы расположенные к нему племена, как к справедливому монарху и просветившему их светом «истинной веры», стали бы называть себя в честь его узбека-

¹ Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. Введение // Труды АН Тадж ССР. –Т.ХII. –Сталинабад, 1954. – С.3.

ми.¹ Узбек-хан по вступлении своем на престол (в рамазане 711 г.х./ январе 1312 г.) истребляя упорных эмиров, волшебников и чародеев, составлявших сильную и сплоченную организацию у его шаманствующих предков крутыми мерами, вводил ислам в своем улусе.² Поэтому А.А. Семёнов уверен в том, что «едва ли такая деятельность государя заслужила признательность народной массы» и по этой причине при жизни Узбек-хана ни одно «благородное племя» его улуса не называло себя его именем.³

А.А. Семенов, сравнивая сведения, приведенные в исторических источниках XIVв., приходит к выводу, что все арабские источники XIV века, т.е. современники Узбек-хана не говорят ни о каких других золотоордынских народностях, кроме монголов и тюрок, реже о кипчаках⁴ и совсем не упоминают об узбеках.⁵ Для еще большей достоверности своих взглядов и, ссылаясь на трактат Такиуддина Абдурахмана ал-Мухиби «Таскиф ал-та'риф билмусталах ал-шариф» (Исправление «Определения по части высокой терминологии») А.А. Семенов пишет, что в начале письма к Узбек-хану египетского султана ал-Малика ан-Насира Мухаммада (709 г.х./1309-10–741 г.х./1340-41), Узбек-хан именовался «султаном монголов, кипчаков и тюрок».⁶

Известный иранский историк автор «Та'рихи гузида» Хамдуллах Казвини также был соремеником Узбек-хана. Говоря о походе Узбек-хана в 736 г.х./1335-36 г. через Кавказ на Иран, против своего соперника монгольского ильхана Абусаида (716 г.х./1316-17 – 736 г.х./1335-36), в самый год его смерти, Хамдуллах Казвини называет владения Узбек-хана «Мамлакати узбаки» («Узбековым государством»), а воинов Узбек-хана называет «узбакиён» т.е. «относящимися

¹ Там же. – С. 11.

² Там же. – С.9-10.

³ Там же. – С.12.

⁴ Там же. – С. 11.

⁵ Там же. – С.12.

⁶ Там же – С.11.

к Узбеку» или «узбековцами». Однако, указывая на этот исторический факт, А.А.Семенов приходит к выводу, что «современные Узбек-хану и более поздние, но близкие к его времени восточные источники, арабские и персидские, ничего не говорят о том, что народы его улуса стали называться в честь его общим именем узбеков, как не говорят об этом, насколько мне известно, и русские летописи».¹ Игнорируя сведения Хамдуллаха Казвини, который был современником Узбек-хана, ученый далее пишет: «Сведения о том, что народ удела Узбек-хана стал называться узбековым народом или узбеками, появляются у немногих авторов Ирана и Средней Азии, писавших лет через 100-300 после эпохи Узбек-хана, когда образ этого насадителя ислама в Золотой Орде был уже овеян некоторой легендой».²

На основе изученных первоисточников А.А. Семенов в своем исследовании приходит к выводу, что термин «узбек», как обозначение народа в широком смысле слова, все же встречался у восточных авторов за несколько десятилетий до того, как узбеки Шейбани-хана начали своё движение на юг, к аму-дарьинским оазисам».³

У А.А.Семенова нет веского аргумента отвергнуть высказывание знаменитого историка Казвини, кроме того что «термин узбекиан, употреблённый Хамдуллахом Казвини, ни в какой мере не решает вопроса, «из кого же именно состояла следовавшая за Узбек-ханом его армия».⁴

Возникает закономерный вопрос: почему А.А. Семенов не доверяет сообщению Казвини? На него трудно ответить. Заметим, что вряд ли такой эрудированный историк, как Хамдуллах Казвини придумал бы сам слова «мамлакати узбаки» и «узбакиён» в отношении Золотой Орды и ее жителей. Золотая Орда была более близка к Ирану, чем к араб-

¹ Там же. – С.13.

² Там же. – С.14.

³ Там же. – С.19.

⁴ Там же. – С.13

ским странам. Поэтому то, о чем пишет Казвини, является более правдоподобным, чем сведения арабских историков, живших очень далеко от страны, которой правил Узбек-хан. Нет сомнения в том, что вышеназванные слова широко использовались тогда в отношении подданных Узбек-хана и его страны.

Описывая борьбу между Тамерланом и Тухтамышем, Шарафуддин Али Йаздин называет последнего узбакским ханом, а его армию узбакской.¹ В своем рассказе о нападении Тамерлана на Дашт-и Кипчак в марте 1395 года он называет эту землю узбакским улусом.² «Для обозначения территории их обитания мусульманские авторы, – пишет Т.И.Султанов, – стали употреблять термин узбекский улус, или просто Узбекистан (Страна узбеков). Таким образом, тогдашний Узбекистан включал в свой состав, в частности, территорию современного Центрального, Северного, Северо-Восточного и Западного Казахстана».³

Надо отметить, что в первом в истории тюркском лексикографическом словаре – «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари», который был составлен в XI в. – в эпоху военно-политического триумфа тюркских племен в Мавераннахре, Хорасане и Иране, отсутствует слово «узбак» или «узбек».⁴

Другой важной научной проблемой, которую поднимает А.А. Семенов – это вопроса происхождения и состав узбеков Шейбани-хана. Бесспорно, ученый прав, что «узбеки, как народ в целом, не был однообразен по своему составу, как бы ни пытались объяснить название этого народа, от

¹ Мавлана Шарафуддин Али Йазди. Зафар-наме. Подг. к печати Мухаммад Аббаси. – Т.І. – Тегеран, 1336 г.ш. – С.521.

² Мавлана Шарафуддин Али Йазди. Зафар-наме. – Т.І. Указ. соч. – С.541-542.

³ Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы, 2001. – С.125.

⁴ Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк. Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М.Ауэзовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005, – 1288 с.

имени ли золотоордынского хана Узбека или как самодовлеющее название народа, взятое само по себе».¹

А.А. Семенов задает вопрос, что «все же, кто такие были узбеки в XV в. и в начале XVI столетия, которые во главе с Шейбани-ханом покорили владения Тимуридов и прочно осели в оазисах Средней Азии?»² Естественно как видный источниковед, ученый находит ответ на этот вопрос в тех исторических памятниках, которые были написаны при Шейбани-хане и его ближайших преемниках. Среди них наиболее примечательна была «Мехмонномаи Бухоро» («Книга о бухарском госте») Фазлуллаха Рузбехана Исфահани Хунджи. Рузбехан Исфահани был суннит шафа'итской школы и после объявления в Иране шиизма господствующей религии при шахе Исмаиле I, он покинул родину и переселился в суннитские владения Шейбани-хана, только что захватившего Мавераннахр. Он стал близким человеком к вождю узбеков и непременным членом всех ученых собраний, устраиваемых этим образованнейшим человеком своего времени. Рузбехан Исфահани сопровождал Шейбани-хана в его весьма тяжелом зимнем походе в марте 984/1509 г. против казахов на Дашт-и Кипчак, подробно описал всё то, что видел, до бытовых подробностей включительно. Появились чрезвычайно важные записки современника и близкого к Шейбани-хану человека.

А.А. Семенов, ссылаясь на «Мехмонномаи Бухоро», определяет состав узбеков Шейбанидов, соседствующих с Мавераннахром во время правления Шейбани-хана. «Три народа, – пишет Рузбехан, – относятся к узбекам, кои суть славнейшие во владениях (улус) Чингиз-хана. На сегодняшний день (один из них) – все (племена), относящиеся к Шейбану (шейбанион), и его величество через целый ряд предков был и есть их прирожденный хан, второй народ–

¹ Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. – С.9.

² Там же. – С.21.

казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третий народ— мангыты, кои суть цари астраханские».¹

«Из каких же племён, — задает вопрос А.А.Семенов— состояли вышеназванные три народа, называвшиеся ими самими общим именем узбеков?» Ответ на этот вопрос он находит в обстоятельствах вступления на престол деда Шейбани-хана, Абулхайра. Выбравшие его ханом были главами племён: кият, мангыт, байлы, кунграт, тангут, йиджан, дурман, кушчи, утарчи, найман, угриш-найман, тубай, таймас, джат, хитай, барак (бёрк), уйгур, карлук, кенегес, уйшун, курлаут, имчи, туман и минг. Эти племена поддерживали Абулхайра в его первых шагах по расширению и упрочению его власти.

Надо отметить, что С. Ахсикенти в своем сочинении «Маджмау-т-таварих», написанном в Фергане в XVI веке, приводит название 92 узбекских племен или «племен илатья», т.е. племен кочевников.² Что традиционное деление на 92 рода существовало до XVIII века, подтверждается и упоминанием их числа в стихах поэта XVII века, Турди.³

Подводя итог проведенных исследований по проблемам этногенеза и этнонима узбека, А.А. Семенов пишет: «1). Узбеки не были выходцами из Золотой Орды и не доказано, что они получили свое имя от золотоордынского Узбекхана, как полагали некоторые. 2) Никакого союза узбекских племён, не существовало, ибо весь уклад жизни узбеков и их общественные воззрения, как вольнолюбивых кочевников, находился в непримиримом противоречии с такою концепцией. 3) Некоторые тюрко-монгольские племена еще задолго до появления узбеков Шейбани-хана в Мавераннахре

¹ Там же. — С.22.

² С. Ахсикенти. Маджмау-т-таварих. Фотографическая репродукция отрывков рукописного текста, введение указатели. Подготовил к печати А.Т. Тагирджанов. — Л., 1960. — С. 22 текста.

³ Узбек адабиёти. — Т.3. — Ташкент, 1959. — С.282.

и Хорасане жили как в степях Дешт-и-Кипчака, так и в Мавераннахре, например, уйгуров мы видим и во владениях Абулхайр-хана, и в государстве Тимуридов, где известный Алишер Навои вёл от них свой род. Во всяком случае, пришедшие в Мавераннахр узбеки, нашли в нем ряд тех же самых тюрко-монгольских племён, которые имелись и у них, и тем самым было весьма облегчено слияние пришельцев с некоторыми племенами, обитавшими здесь. 4) Непрестанные распри между узбекскими племенами владений Шейбана и Орды, переходившие в кровопролитные войны с колоссальными ограблениями побеждённых и обращением их в рабов, в XV в. н.э. вылились в более определённую форму борьбы узбекских ханов из дома Шейбана с ханами узбеков-казахов из потомков Чингиза по другой линии. И окончательное обособление узбекских племён Дешт-и-Кипчака, так называемых узбеков-казахов, от узбекских племён Шейбани-хана совершилось в правление последнего, о чем свидетельствует вся политика Шейбани-хана по отношению к своим соплеменникам, не пошедшим за ним в Среднюю Азию и оставшимся в Дешт-и-Кипчаке».¹

Несмотря на то, что вывод А.А. Семенова касательно появления термина «узбек» считается спорным, в своих исследованиях ученый предавал должное внимание изучению вопросов и проблемы появления кочевых племен из степей Дашт-и Кипчака в Мавераннахр и Хорасан, которые в этих краях стали известными под названием узбеков.

Вышеназванная статья А.А. Семенова по проблемам изучения истории Мавераннахра и Хорасана в XVI веке в свое время была высоко оценена научными кругами, выводы которых и в наше время все еще не утратили свою научную ценность.

¹ Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. – С.35-36.

**О КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ БУХАРЫ
С «ВЕЛИКИМИ МОГОЛАМИ» ИНДИИ В XV-XVII ВВ.
В ИССЛЕДОВАНИЯХ А.А. СЕМЕНОВА**

Академик А.А. Семёнов наряду с другими вопросами особое внимание уделял вопросу культурно-политических связей Бухары с Индией. Касаясь этой проблемы, он отмечал, что ещё в XV в. между государством Тимуридов и Индией существовали культурные связи. В частности, такие связи существовали в области литературы. Так, произведения знаменитого персидского поэта Индии, Эмира Хусрава Дехлави¹, были широко известны в XV в. в Мавераннахре. Согласно сведениям автора XVII в. Дерवेशа Али, тимуридский принц сын Шахруха, Байсонкур-мирза² ставил «Хамсу» (Пятерицу) Эмира Хусрава выше такого же произведения прославленного поэта Низами³, а его брат, Улуг-бек⁴ напротив, – отрицал «Пятерицу» Эмира Хусрава и был поклонником «Пятерицы» Низами, и на этой почве между обоими принцами происходили споры и пререкания.⁵

¹ Хусрав Дехлави (1253 – 1325) – персоязычный поэт и ученый Индии. Он является автором «Хамсы» («Пятерицу»), куда входили следующие сочинения: «Тухфату-с-сигар», «Васат ул-хаёт», «Гуррат ул-Камал», «Бакияи вакия» и «Нихаят ул камал». Число стихов, входящих в «Хамсу», составляло 32645 бейтов.

² Байсонкур (1397-1434) – сын Шахруха, внук Тимура. В 1414 г. был правителем Мазандарана, Астарабад и Джурджана. В 1416-1420 гг. – везир своего отца. Похоронен в Мешхеде в мавзолее Гавхаршод.

³ Низами (1141-1209) – персоязычный поэт Азербайджана, автор «Хамса» («Пятерицы»). Его «Пятерица» состояла из «Махзан ул-асрор», «Хисрав ва Ширин», «Лайли ва Маджнун», «Хафт пайкар» и «Искандарнома».

⁴ Улуг-бек (1394-1449), сын Шахруха. После смерти отца в 1447 г. стал правителем Мавераннахра и Хорасана. В 1424 г. построил обсерваторию. Убит по велению своего сына Абдуллатифа.

⁵ А.А. Семенов. Среднеазиатский трактат по музыке Дерवेशа Али (XVII в.). – Ташкент, 1949. – С. 26.

По утверждению А.А. Семенова, в XV в. между Индией и Мавераннахром также были установлены хорошие дипломатические связи. Так, дипломатические отношения этого времени между двумя государствами отражены в деятельности посольства Шахруха в Индию, к царю Биджанагара, которое возглавлял известный историк Камалиддина Абдурраззак Самарканди¹, отправленного из Герата в 845/1442 г. на Ормуз² и совершившего свой путь в Индию моремтуда и обратно. Он подробно описал свое посольство в Индию в своем известном труде «Матла' ус-Са'дайн ва Маджма' ул-Бахрайн» («Выход двух счастливых планет и слияние двух морей»)³.

Во второй половине XV в., при Султан-Хусейн-мирзе⁴ из некоторых провинций государства Тимуридов в Индиювозились сладкие фисташки из Бадгиса и Газны.⁵С Индией существовали и культурные связи. Об этом свидетельствует сведения источника начала XVII в., где сообщается, что на придворных музыкальных турнирах Султан-Хусейна при-

¹Кемаледдин Абдураззак-и Самарканди (1413-1482), известный историк, поэт и государственный деятель. Его жизнь в основном прошла в Герате. Автор многочисленных трудов.

² Ормуз – пролив, расположенный между Арабским полуостровом и материковой части Азии, который соединяет Персидский и Оманские заливы. Длина – 150 км, самое узкое место – 56 км., глубина – 71 м. В Ормузе расположен Гаван Аббаса (Иран).

³ Рук. Института Востоковедения Академии наук Республики Узбекистан, №1825. – ЛЛ. 347-363. Это сочинение неоднократно издавалось в Иране

⁴ Султан-Хусейн-мирза (Хусейн Байкаро) (1469-1506) – последний представитель Тимуридов в Хорасане. Столицей его государства был Герат. Население при его правлении подвергалось жестокому ограблению. В этот период в результате междоусобных войн и противостояний мощь государства была ослаблена и власть перешла к кочевым узбекам.

⁵Замчии Исфизори. Равзату-л-джаннот фи авсоф мадинати Хирот (Райский сад в описании г. Герата). Рук. Института Востоковедения Академии наук Республики Узбекистан, №788 –ЛЛ. 386 – 43а, 926-956. Сочинение издано в Тегеране в 1338 г.х. (1960)

существовали певцы и музыканты из Ирана, Турции и других стран.¹

Согласно исследованиям А.А. Семенова, «последним великим этнографическим движением, захватившим Среднюю Азию, было появление в ее оазисах узбекского народа прибывшего сюда с севера из степей Дашт-и Кипчака, и подчинившего себе все владения Тимуридов. Побужденные ими «чагатаи» или «джигатаи», как называли узбеки всю правящую верхушку тимуридовых владений и всю господствовавшую в Джагатаевом улусе тюрко-монгольскую разноплеменную народность или были изгнаны из своего отечества, или заняли подчиненное положение во вновь созданном узбекском среднеазиатском государстве. Глава изгнанников, Султан Захируддин-Бабур-мирза² сначала удалился в Кабул, а оттуда через двадцать лет (в 1524 г.) во главе своих «чагатаев» вторгся в Индию и подчинил своей власти ее северную часть от р. Инда до границ Бенгалии, положив тем самым начало империи, считавшейся знаменитой и называющейся у европейцев империей «великих моголов», а узбеков Средней Азии «чагатайским царством».³

В начале XVI в. культурные и политические связи между Мавераннахром и Индией из-за нестабильности политических ситуаций были прерваны, но начиная с 30-х годов XVI в. намечается восстановление прерванных связей Мавераннахра с Индией и, в первую очередь, за счет литера-

¹ Семенов А.А. Избранные сочинения. – Душанбе, 2013. – С. 192-193.

² Захируддин Мухаммад Бабур (1483-1530) – государственный деятель и военачальник Тимуридов. Сын Байсункура, внук Шахруха. В 12 лет был назначен правителем Ферганы. В 1497-1498 гг. овладел столицей Тимуридов г. Самарканда. После того, когда Шейбани-хан нанёс Бабуру поражение, он отправился в Кабул и сделал его своей столицей. Позже он совершил поход в Индию и в 1526 г. вблизи Панипата нанёс поражение делийскому султану Ибрахиму Луди. Он обосновал там государство Великих Моголов со столицей г. Агра. Его перу принадлежит известное сочинение «Бабур-наме».

³ Семенов А.А. Избранные сочинения. – С. 193.

турного общения. Почин в этом был со стороны поэтов, литературных и музыкальных деятелей Мавераннахра. Дервеш Али, автор трактата «По музыке» приводит имена некоторых поэтов, певцов и музыкантов, которые отправлялись в Индию, в царство «великих моголов», где с большим успехом продолжали свою деятельность при великом монгольском дворе.¹

По утверждению А.А. Семенова, вторая половина XVI в. была ознаменована и официальными отношениями с Индией верховного главы Шейбанидов Абдуллы хана.² В 993/1585 г. он отправил посольство ко двору «великого могола» Акбара,³ в котором участвовал придворный «несравненный поэт» Мушфики⁴, посвятивший Акбару великому несколько од (касида). Одна из них была экспромтом при аудиенции, данной Акбаром шейбанидскому посольству.⁵

А.А. Семенов отмечает, что дипломатические, военные и культурные связи между Индией и Бухарой еще больше оживились в XVII в. На основе сведения автора «Та'рихи Муким-хани» он пишет, что по инициативе аштарханидского правителя Имамкули-хана (1611-1642) между Бухарой и Индией были установлены хорошие дипломатические связи. После возвращения в Бухару в 1613 г. из карательного

¹ А.А. Семенов. Среднеазиатский трактат по музыке. – С. 62-64.

² Абдулла-хан (1534-1598) – правитель Бухары из династии Шейбанидов. В 1557 г. завоевал Бухару, объявив ее столицей государства Шейбанидов. Им завоеваны многие города Хорасана. Во время его правления были установлены торговые и дипломатические связи с зарубежными странами, такие как Россия, Индия и др.

³ Джалалуддин Акбар (1542-1605) – государственный деятель и военачальник, внук Бабура, в 1556 – 1605 гг. являлся правителем Индии из династии Великих Моголов.

⁴ Абдулрахман Мушфики (1525-1588) – известный таджикский поэт. В 1557 г. в составе посольства Абдуллах-хана отправился в Индию ко двору Акбара, откуда в 1557 г. вернулся в Бухару. Его перу принадлежат «Диван-и мутоибот» («Диван остроумных /стихов/»), состоящий из 1500 бейтов, диван стихов, охватывающий 4100 бейтов и др.

⁵ Оды приведены в рук. принадл. А.А. Семенову «Дивана» Мушфики, датированной 992/1584 г. –ЛЛ. 66а-68а.

похода на Ташкент Имамкули-хан отправил к Джахангиру¹ сыну приемника Акбара, посольство с разного рода дорогими подарками.²

Спустя некоторое время Джахангир отправил в Бухару ответное посольство, во главе которого стоял известный тогда в Индии врач и поэт, Хаким Хазик (ум. в 1658 г.) с драгоценными подарками, стоимость, которых бухарцы определяли равной годовичному хараджу со всех областей Индии.³

Прибыв в Бухару, посол был принят Имамкули-ханом лишь только через шесть месяцев. Затем между ханом и послом завязалась беседа, где красноречивый Хаким-Хазик понравился Имам-Кули-хану и он был допущен на частные ханские собрания.⁴

На следующий год после отъезда индийского посла из Бухары Имамкули-хан получил от своего брата, Надир-Мухаммад-хана, бывшего наместником в Балхе, известия, что Джахангир скончался и вступивший на престол «великих моголов» Шах-Джахан намеривается захватить области Балха и Бадахшана и, что с этой целью он прибыл в Кабул. Узнав об этом, Имамкули-хан направился в Балх, где ему устроили торжественную встречу. Имамкули-хан отправил Мансур-Хаджи «дадха»⁵ с посланием в качестве посла к Шах-Джахану, где выражалось недовольство хана захватнической целью второго. Посол Имамкули-хана был радушно

¹ Джахангир Нуриддин Султан Салим – сын и приемник Акбара великого, четвёртый из Великих Моголов, правил с 1605 г. по 1628 г

² Семенов А.А. Избранные сочинения. – С. 196; Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. / Перевод с таджикского на русский язык с предисловием, примечанием и указателями А.А. Семенова. – Ташкент, 1956. – С. 88.

³ Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. – С. 89.

⁴ Семенов А.А. Избранные сочинения. – С. 198-199; Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. – С. 89-90.

⁵ Дадха (по бухарски дадхо), «радеющий о правосудии», – чиновник десятого класса в бывшей бухарской служебной иерархии. (Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. – С. 259, примеч. 192).

принят «чагатайским» государем, которому было вручено ханское письмо и доложено на словах о целях визита посольства. Все закончилось заверениями Шах-Джахана тем, что он прибыл в Кабул лишь только для обозрения своих северных областей и никаких агрессивных намерений против узбекского государства он не имеет.¹

А.А. Семенов пишет, что при приемнике Имам-Кули-хана – его брате Надир-Мухаммад-хана (1642-1645), не только вся знать столицы вместе с эмирами отвернулась от него, но и широкие массы были недовольны ханом. В результате против него организовали заговор, и вместо него ханом был провозглашен один из его сыновей (Абдулазиз). Узнав об этом, Надир-Мухаммад бежал в свой прежний удел, Балх, где в целях обеспечения себе поддержки предоставил своим сыновьям разные провинции в лен. Однако очень скоро сыновья восстали против отца и после вступили впротивоборство между собой. С другой стороны, бухарцы поставили условие избранному ими новому хану Абдулазизу, чтобы он вместо своего отца управлять Балхом и Бадахшаном поставил своего брата Кутлук-султана. И в эти критические для себя моменты, когда всеобщий хаос охватил ханство, Надир-Мухаммад-хан отправил письмо к Шах-Джахану с просьбой о помощи.²

Шах-Джахан считал этот случай весьма благоприятным для осуществления своих стремлений расширить пределы своей империи за счет включения в ее сферу некоторых областей к северу от Кабула, кроме того, он питал личную неприязнь к Надир-Мухаммад-хану за его набег на Кабул и за захват пленных. Поэтому он быстро отозвался на призыв Надир-Мухаммад-хана и отправил в Балх большую армию под предводительством своих сыновей Мухиддина

¹Семенов А.А. Избранные сочинения. – С. 200-202; Мухаммад Юсуф Мунши. Мукум-ханская история. – С. 90-92.

²Там же. – С. 95-98; Семенов А.А. Избранные сочинения. – С. 202-203.

Аурангзеба¹ и Султана Мурадбахша². Царевичи, перевалившись через горные хребты, спустились в равнины Балхской области вместо поддержки обратились против Надир Мухаммад-хана оружия. Хан был разбит и бежал в Иран, где нашел убежище у шаха Аббаса II. В 1647 г. Чагатаи стали хозяевами всей этой обширной и богатой области, которой владели в течение более двух лет, поставив в отдельных ее районах и городах своих правителей. И лишь мобилизация против чагатаев всех сил приемником Надир-Мухаммад-хана, Абдулазиз-ханом (1645-1680), четырехмесячная борьба с ними, а затем наступивший страшный голод в Балхе и невероятные холода в зиму 1649-50 г. истощившие силы «великой могольской» армии вынудили Шах-Джахана отозвать ее в Индию.³

А.А. Семенов отмечает, что и в эту бурную эпоху брали с Индией, «великих моголов» индийское и иранское культурное влияние на интеллигенцию Бухарского ханства продолжалось. Весьма даровитый внук Надир-Мухаммад-хана, Касым-султан⁴, правитель Меймене⁵, помогавший своему деду в его битве с «чагатаями», был известным поэтом, составившим «Диван» из десяти тысяч стихов, большинство которых были подражанием известному персидскому поэту Саибу⁶, ровно принадлежащему

¹ Аурэнг-Зеб Мухаммад (1618-1707), третий сын Шах-Джахана. После междоусобной борьбы со своими братьями, Аурэнг-Зеб наследовал престол Великих Моголов. Он правил с титулом Аламгир (миродержец) с 1659 по 1707 г.; отец известной поэтессы Зебунисо.

² Мурад-Бахш – младший сын Шах-Джахана. Убит в 1662 г. по приказанию Аурэнг-Зеба.

³ Семенов А.А. Избранные сочинения. – С. 203-204.

⁴ Касым-султан – сын правителя Бухарского ханства Надир Мухаммад-хана.

⁵ Меймене – город в современном Афганистане, находится в 200 км к югу от г. Керки, на большом торговом пути, соединявшем замударьинские области с южноазиатскими.

⁶ Саиб Исфahanский (Сиаб-и Исфahanи) – поэтический псевдоним Мирзы Мухаммед Али-йи Тебризи, знаменитого персидского поэта, который в конце правления Джахангира (1605-1628) прибыл в Индию в

как Индии, так и Ирану (ум. в 1080/1669-70 гг.).¹

По истечении определенного времени, сын Шах-Джахана, Мухиддин-Аурангзеб, с титулом Аламгир стал правителем «великих моголов». Ханы Самарканда и Балха отправили к нему большое посольство. Известный врач и путешественник Бернье (Bernier), проживший в империи «великих моголов» двенадцать лет (1656-1668), из которых девять лет был придворным врачом Аурангзеба, сообщает любопытнейшие подробности об этом посольстве, при приеме которого он лично присутствовал и вел потом дружбу с этими послами. Бернье не приводит даты прибытия посольства в Индию. А.А. Семенов, анализируя политическую ситуацию того периода, предполагает, что это посольство было отправлено бухарским правителем Абдулазиз-ханом (1645-1680).²

А.А.Семенов на основе сообщений автора «Та'рихи Муким-хани» Мухаммада Юсуфа Мунши пишет, что Аурангзеб в 1685 г. отправил в Бухару к Субхан-Кули-хану³ с богатыми подарками в качестве посла одного из своих наиболее знаменитых эмиров Забардаст-хана. Целью посольства был военный союз бухарцев и индийцев против Ирана. Аурангзеб предполагал этой войне характер «священной войны

качестве купца. Оставшись в Индии, пользовался дружбой с высокопоставленными лицами. Вернувшись потом в Персию, в г. Исфахан был возведен в звание поэта-лауреата при шахе Аббасе II. Умер и похоронен в Исфахане в 1669 г. Его сборник стихов содержит 80 тысяч стихов. Саиб являлся современником злополучного принца Касим-султана и увлечение последнего музой Саиба служит иллюстрацией большой популярности этого поэта в Средней Азии уже при его жизни и к тем культурным связям, которые существовали между южными областями Аштарханидов и Индией Великих Моголов. (Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. стр.263, примеч. 225).

¹ Семенов А.А. Избранные сочинения. – С. 204; Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. – С. 103.

² А.А. Семенов. Избранные сочинения. – С. 205.

³ Субхан-Кули-хан (1625-1702) – сын Бухарского правителя аштарханида Надир Мухаммад-хана, с 1680 по 1702 гг. правил Бухарским ханством.

против неверных» и самому выступить против «кызыльбащей» со стороны Кандагара. Аурангзеб отправил с Забардаст-ханом Субхан-Кули-хану письмо, которое отличалось чрезвычайной витиеватостью, велеречием и напыщенностью и, как подобает восточной дипломатической переписке, не содержит даже и намека об истинной цели посольства Забардаст-хана. Текст письма полностью приведен Мухаммадом Юсуфом Мунши. Очевидно, Забардаст-хан все это должен был предложить Субхан-Кули-хануна словах. Однако о результатах этой миссии Мухаммад Юсуф не сообщает.¹

А.А. Семенов утверждает, что по сообщениям Г. Вамбери, Аурангзеб «предполагал тогда в вечных беспокойствах со стороны афганских племен по ту сторону Сулейманова горного хребта персидские интриги, и так как он не хотел явного разрыва с шахом Сулейманом, сыном Аббаса II, тогдашним повелителем Персии, то и думал, усмирить своего противника посредством узбекских набегов на Хорасан».²

А.А. Семенов, опираясь на сообщение Мухаммада Юсуфа мунши, пишет, что весьма возможно, что Аурангзеб получил на свое предположение о совместных действиях против шиитского Ирана уклончивый ответ от Субхан-Кули-хана. Далее А.А. Семенов отмечает, что Субхан-Кули-хан отправлял от себя какую-то дипломатическую миссию в Индию, мы на это имеем совершенно определенные указания автора «Та'рихи Муким-хани» Мухаммада Юсуфа мунши. Рассказывая о злополучном возвращении армии Шах-Джахана в Индию из Балхской области, как она подвергалась набегам узбекских отрядов, захвативших множество пленных в арьергардах чагатаев, какие лишения терпела от пронизывающего холода на перевале Ходжа Зайд и какая масса «чагатаев» погибла здесь вследствие этого, –

¹ А.А. Семенов. Избранные сочинения. – С. 205-213.

² Вамбери Г. История Бохары. Перев. А.И Павловского. Т. 2. – СПб., 1873. – С. 99-100.

Мухаммад Юсуф мунши в заключение говорит: «пишущий эту историю, проезжая /здесь/ в Индостан в качестве хроникера собственными глазами видел всюду груды костей /погибших чагатаев/». ¹ Несомненно, он состоял хроникером при какой-то узбекской дипломатической миссии ко двору «великого могола». ²

Таким образом, вышеприведенные материалы свидетельствуют о том, что тщательно анализируя сообщения письменных источников А.А. Семенов раскрыл картину культурно-политических связей Бухары с «великими моголами» Индии в XV-XVII вв., что имеет важное научное значение для изучения истории таджикского народа того периода.

¹ Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. – С. 100-101.

² А.А. Семенов. Избранные сочинения. – С. 214.

Лола ДОДХУДОЕВА
Душанбе

СУФИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ В КОЛЛЕКЦИИ РУКОПИСЕЙ А.А.СЕМЕНОВА

Участие в конференции, посвященной памяти А.А.Семенова, для меня – огромная честь и великая радость от возможности вновь вспомнить человека, без упоминания имени которого невозможно представить историю востоковедения в Средней Азии дореволюционного и советского периодов. Охватывая взглядом все направления его деятельности – собирателя памятников письменности, исследователя, разработчика курсов обучения востоковедению как научной дисциплины в университетах, преподавателя и организатора науки, учитывая количество учеников, подготовленных им, не будет преувеличением утверждать, что каждое высокое достижение среднеазиатского востоковедения до сих пор в определенной мере обязано его самоотверженности, таланту и глубокому уму. Ведь он был одним из наиболее активных представителей небольшой по численности, но весьма значимой для дальнейшего развития науки группы российских интеллектуалов, которые были привлечены большевиками к процессу формирования научного потенциала региона.

На мой взгляд, если попытаться обобщить вклад этого выдающегося ученого в науку, то на первое место можно поставить две позиции:

1. Глубокое изучение памятников среднеазиатской, прежде всего, письменной, культуры, возвращение их в мировой культурный тезаурус в таких масштабах, которые сделали изучение культуры региона не узкой сферой исследований специалистов-одиночек, а большим коллективным культурным проектом;

2. Создание и детальная разработка среднеазиатских ис-

точниковедения, истории и истории культуры, прежде всего, книжной, как научных дисциплин.

Известно, что после ухода большой личностивстает вопрос об освоении, как правило, долгом и непростом,ее наследии. К сожалению, для нас это освоение оказалось чрезвычайно долгим и трудным; и даже сегодня мы не можем говорить о серьезном прорыве в этом процессе.

Наследие А.А.Семенова многогранно, оно включает не только непосредственно его работы, часть которых до сих пор остается не опубликованной, а часть напечатана в изданиях, которые в настоящее время практически недоступны зрелому исследователю, и студенту. Это наследие охватывает ту коллекцию рукописей,¹ литографий, старопечатных и наборных книг, которую он оставил.

Среди историков распространена грустная шуткао том, что о хороших библиотеках становится известно лишь в случае, когда с ними происходят некие катастрофы: пожар, разграбление и проч. Грустные моменты были и в истории библиотеки Александра Александровича, особенно его, так называемого,«старого» или рукописно – литографического фонда. Однако основная часть рукописей и литографий все же сохранилась и ждет своих исследователей.Хочется надеяться, что наша конференция станет мощным импульсом к полномерному и рациональному использованию наследия А.А. Семенова.

Мне посчастливилось работать с коллекцией рукописей Александра Александровича еще в 1980-х гг.В своем выступлении хочу остановиться на девяти списках из собрания А.А.Семенова, относящихся к области, вызывавшейособый интерес, даже, если угодно, страсть,Александра Александровича икак исследователя, и как человека. Имеется в виду

¹ По оценке видного советского востоковеда О.Ф.Акимушкина, это собрание «... очень ценно по подбору и значительного по количеству». Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан (август – декабрь 1920г. //Сочинения. – Т. VIII. – М., 1973. – С. 369.

мистическая суфийская поэзия на фарси. Информация об этих списках, а в ряде случаев и сами тексты, на мой взгляд, могут и должны быть введены в научный оборот. Конечно, в собрании имеются и рукописи других жанров и тем, достойные самого пристального внимания. Однако мой выбор определен именно этим особым, трепетным, отношением великого ученого к поэтической мистической традиции мусульманской духовной культуры, интерес к которой в мировом востоковедении сегодня чрезвычайно велик.

По признанию выдающегося советского/российского ученого, знатока суфийской поэзии, О.Ф.Акимушкина, суфизм – это «...особое религиозно-философское мировоззрение в рамках ислама, представители которого считают возможным непосредственное и интимное, то есть прямое духовное общение (или же духовное единение) человека с божеством, которое достигается путем экстаза или внутреннего озарения, ниспосланных человеку, идущему по пути к Богу с любовью к нему в своем сердце, через личный индивидуальный психологический опыт».¹

Три рукописиназванной группы связаны с именем выдающегося мыслителя средневековья – Джалал ад-Дина Руми (604-672/1207-1273гг.). Одной из самых интересных из нихи по художественному оформлению, и по содержанию, безусловно, является № 46. Этот фолиант в прекрасно выполненном переплете представляет вершину творчестваРуми – «Маснави-йи ма’нави» («Поэма о сокрытом смысле»).

Значимость этого творения Руми наиболее кратко и емко определил ‘Абд ар-Рахман Джами (817-898/1414-1492гг.), назвав его Кораном на фарси. О.Ф.Акимушкин справедливо заметил: «Суфизм создал немало вдохновенных произведений схожего содержания, но мы можем смело утверждать, что ни одно из них не распространилось в таком количестве

¹ Акимушкин О.Ф. Вдохновенный из Рума. // Иран-намэ. – Алматы, 2007 – № 3. – С. 115.

(только рукописей на языке оригинала дошло до наших дней более 500), не изучалось столь внимательно и не вызвало столь значительных откликов в виде комментариев, переложений и переводов, чем «Маснави». Поэма содержит 25 632 бейта, что позволяет считать ее даже по меркам персидской классической поэзии весьма внушительной. По своему объему она равна вместе взятым «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, вдвое больше «Божественной комедии» Данте, косвенно испытавшего на себе влияние эсхатологических представлений мусульманского мистицизма, новсе же уступает по объему «Шахнаме» («Шах-книга») Фирдауси.¹

Весьма важным обстоятельством явилось время появления поэмы, пришедшее на период восстановления ираноязычной культуры после огромных потерь, понесенных ею в ходе монгольского нашествия. По существу Руми помогал читателю сформировать ответ на вызовы непростого настоящего, оказав огромное воздействие на осмысление произошедшего и вдохнув надежду на возможность построения новой социальной реальности на основе высших моральных ценностей.

Об уникальном списке «Маснави-йи ма ‘нави», который появился в коллекции А.А. Семенова в 1915 г.,² в двух листах, вложенных³ в рукопись, ученый пишет следующее⁴:

مثنوی مولانا جلال الدین رومی

(«Двустрочные строфы нашего господина Джелал – эд –

¹ Акимушкин О.Ф. Вдохновенный из Рума... С. 126.

² В эту рукопись была вложена визитная карточка жены ученого, Агриппины Ивановны Семеновой, на другой стороне которой написано: «Дарю в день Святой Пасхи дорогому Санюше. 1915 г., 22 марта».

³ А.А.Семенов не оставил каталога рукописей своего собрания, но он все же сделал описания некоторых рукописей своей коллекции в виде либо кратких заметок на их первых страницах, либо подробных записей на отдельных листах, которые были вложены в рукописи. Эти записи были собраны его учеником академиком А.М. Мухтаровым, планировавшим издать каталог рукописей из собрания своего учителя.

⁴ Текст записей А.А.Семенова приводится без изменений, с сохранением стиля и орфографии записи А.А.Семенова.

Дина Румского»), стихотворения знаменитого персидского поэта созерцательной жизни, Джелал-эд-Дина Руми, уроженца Средней Азии (Балха.) (родился 1-го Раби – ул-Эввеля 604 г. Хиджры), но прославившегося в Малой Азии, в Конии, как своими великими подвигами подвижнически – дервишской жизни, так и genialностью своего поэтического дарования (скончался в Конии в 672 г. Хиджры 5-го Джумади-ул-Ахира = в декабре 1273 по Р.Х.).

Онемсм. у Rieu, *vego Catal[ogue] of the Persian Mss in the British Museum, vol. II, Lond[on], 1881, pp. 384-386;* у Sprenger, *vego A Catalogue of the Arab[ic], Pers[ian] and Hindu'stany Mss., of the Library of the King of Oudh. Vol. I Calcutta 1854, pp. 489-491.* На русском языке в «Записк[ах] Вост[очного] Отд[еления] Имп[ераторского] Р[усского] Арх[еологического] О[бщества]» *т. XXII стр. 247-250* - см. мою статью «Шейх Джелал-уд-Дин Руми по представлениям шугнанских исмаилитов».

Настоящая рукопись представляет полный экземпляр *مثنوی* (все шесть частей и тетрадей; существует, впрочем, 7-ая, которая считается подделкою) и писана в Индии, в Силкуте (гор. в Пенджабе) в 914 г. Хиджры / 1505-1509 гг. по Р.Х.) очень хорошим индийским насталиком типа «молла 'и» на шелковой лощеной бумаге в четырехколонны на *каждой* странице; всё они обведены золотыми и красными линиями; заглавия отдельных рассказов сделаны киноварью; в начале каждой части – сделанный – красками и золотом *عنوان* или заставка/.

Рукопись эта попала в руки кабульского *ученого* суфия, некоего Мухаммеда Селима, и тот, заручившись списком комментария на «Двустийсья», составленного 'Абду-л – Латифом, сыном 'Абдулла-ул – 'Аббаси и известного под названием *یات مثنوی نسخه ناسخه*, сличил с ним настоящую рукопись, исправил все разночтения (зачеркнув прежде написанное) и на полях написал весь *названный* комментарий 'Абду-л – Латифа, а предисловия последнего *и оглавления* к

каждой книге «Двустийший» переписал на отдельных листах и вложил их в соответствующие листы; перед началом рукописи Мухаммед-Селим поместил биографию Джелал-эд-Дина, позаимствованную из Джамиева *نفحات الانس*, а затем – предисловие к названному комментарию ‘Абду-л – Латифа. При этом, судя по заметкам в начале рукописи и перед второю книгою «Двустийший» Мухаммед Селим получил список труда ‘Абдул-Латифа (возможно, – оригинал), «благодаря стараниям некоторых именитых людей» и сделал сличение настоящей рукописи с доставленным ему комментарием, по усердной просьбе

خان ذي نشان مربى و ملجاء فقرا حقايق و معرف نشان حضرت

Всю свою работу Мухаммед Селим исполнил (посредственным насталиком) в Зил-Ка‘да 1111 г. Хиджры / апрель-май 1700 г. по-Р.Х.

Текст на другом листе: Позже рукопись оказалась в руках кабульского суфия Мухаммада Салима. Этот человек взял на себя труд сличить текст рукописи, всякий раз зачеркивая описки и ошибки; он же переписал на полях полный текст известного комментария на произведение Руми, «*يات مثنونسخه*», составленного ‘Абду-л-Латифом, сыном ‘Абд Аллаха ал-‘Аббаси. К тому же Мухаммад Салим поместил перед началом рукописи биографию Руми, приведенную Джами в его «*Нафахат ал-унс*», а затем – предисловие к названному комментарию ‘Абду-л-Латифа. При этом, судя по заметкам в начале рукописи и перед второю книгою «Двустийший» Мухаммед Селим получил в качестве протографа надежный список (возможно, оригинал?) труда ‘Абдул-Латифа, «благодаря стараниям некоторых именитых людей» и сделал сличение настоящей рукописи с доставленным ему комментарием, по усердной просьбе

خان ذي نشان مربى و ملجاء فقرا حقايق و معرف نشان حضرت *شرز مخان* Завершил свою самоотверженную компилятивно – редакторскую работу кабульский суфий в зил-ка‘да 1111 г. / апрель-май 1700 г.

На десяти из двенадцати сторонах обложки вытеснены

слова:

نیست یاری جهان در کتابز خوشتر * تنهای بگوشه او از لحظه هر
نیست غمخواری زمانه در غمگده * نیست هرگز آزار ی هست راحت صد
منصات من المبرك الميمونه نسخه هذتمت * رومی فی شوال مولانه المعارف عارف

*На русском языке в «Записк[ах] Вост[очного] Отд[еления] Императорского] Р[усского] Арх [еологическо-го] О[бщества] « *т. XXII стр. 247-250* - см. мою статью «Шейх Джелал-уд Дин Руми по представлениям шугнанских исмаилитов».*

В упомянутой выше статье А.А. Семенов верно отметил особую роль произведений Руми в духовной культуре исмаилитов Бадахшана. Известно, что разгром центра исмаилитов в Аламуте привел к началу IX/XV столетия к сближению двух духовных направлений в исламе – суфизма и исмаилизманизаритов. С того времени бадахшанские исмаилиты рассматривают таких крупнейших суфийских интеллектуалов, как Сана’и, Фарид ад-Дин ‘Аттар и, конечно, Джалал ад-Дин Руми,¹ как своих единоверцев. По мнению видного исследователя исмаилизма Ф. Дафтари, причиной столь своеобразного «типа слияния двух независимых эзотерических традиций в исламе – иранского суфизма и низаритского исмаилизма – явились родство [взглядов] и общая доктринальная основа».² – весьма востребованная поэтическая форма Рецитацию «Маснави» Руми при проведении целого ряда религиозных церемоний в исмаилитской среде относят к числу наиболее ранних примеров такого слияния.³

¹ Объединение имен этих трех суфийских интеллектуалов в такой последовательности неслучайно – творчество каждого из них, продолжая начинания предшественника, поднимало идеи последнего на новую высоту и представляло естественное развитие единой духовной традиции. Сам Руми признавал себя учеником Сана’и и Фарид ад-Дина ‘Аттара. Тауфик К. И. Сагадеев А.В. Руми// Ислам. Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 200

² Daftary F. A short History of the Ismailis. Traditions of a Muslim Community. – Edinburgh, 1998. – P. 67.

³ Ibid.

Известно, что знаменитая поэма Руми вызвала к жизни огромное количество сочинений, написанных в ее подражание. Исследователи отмечают многоплановость построения поэмы, рассматривая ее как «три взаимопересекающиеся и взаимосвязанные структуры: мистическую, общемусульманскую, основанную на Коране¹ и хадисах, и художественно – иллюстративную, представленную великим множеством притч, рассказов и историй, несущих основную нагрузку при объяснении понятийного аппарата Руми».² Каждый из «пластов» повествования, принадлежащего общемировой культуре и цивилизации, каждый из поднятых в нем вопросов неизменно вызывает живой отклик у активного читателя, пробуждая тягучее творчество. Отсюда, как указывалось выше, – многочисленные «комментарии, переложения и переводы».

Хорошо известно, что окончательная редакция поэмы в шести дафтарях была осуществлена самим Руми в 1272 г. Тем не менее, популярность произведения стала причиной появления и так называемой «Седьмой тетради «Маснави» – сочинения, имеющего широкое распространение в среде и суфиев, и исмаилитов – низаритов. В списках «Седьмой тетради», написанных в разное время и месте, безусловно, отложились запросы вполне определенной читательской аудитории. В настоящее время текст «Седьмой тетради» – в фокусе интересов многих исследователей суфизма, да и в целом духовной культуры ислама отдельных исторических эпох.

В коллекции Александра Александровича также есть фолиант, представляющий седьмую тетрадь «Маснави-йи ма'нави» Руми (№ 72). Из характеристик списка отметим, прежде всего, начало всего текста: л. 1б : *مجله هفتم از جمله ای ضیا الحق* и начало стихотворного текста (л. 5 б) *دفتر مثنوی*

¹Коранцитируется в «Маснави» 760 раз.

²Тауфик К. И. Сагадеев А.В. Руми// Ислам. Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С.200.

حسام الدين سعيد – دولتت پابنده فقرت بر فرید. Рукопись не датирована, однако по палеографии может быть отнесена к концу ХУШ в. Имя переписчика, прекрасно владевшего насталиком, не указано. Стихотворный текст выделен в две колонки использованием черной туши и киновари. В рукописи 79 листов размером 23x15,5 см, размер текста – 13,5x8 см. Печати сложной формы (круглая с трилистниками на вершине – диаметр 4,5 см) لا فتى الا على لا صيف الا ذوالفقر، يا على انت اخى فى
الدنيا و الدار القرار * الله ابر ١٢٢٩
١٢٢٩ يدیع 4.5x3.5 (см) – оттиски на лл. 6а и 79а затерты; восьмиугольная (4.5x3.5 см) ١٢٢٩
الزمان مير روشن حمزه بن اردشير شاه محمد بشير
46 и 79 а. Сохранность списка прекрасная.

Наконец, отметим рукопись № 115, примыкающую к группе фолиантов, связанных с именем Руми. Ее название «Макамат-и Султан – ул-‘улама Хазрат-и Мавлави Руми».

Приводим запись А.А. Семенова о ней:

مقامات سلطان العلماء حضرت مولاناى رومى مصلحه قيوى (Подвиги султана, ученых, его святейшества нашего господина [Джелал – од-Дин] Румия, блага самосущего).

За отсутствием предисловия и указания в тексте – автор неизвестен» Ни по расположению глав, ни по плану своему, сочинение это не есть известный труд Шамс – од – Дин-и Эфлякия «مقامات العارفين», хотя посвящен одному и тому же: биографии знаменитого шейх Джелал-од-Дин-и Румия (ум. в 1273 г.), его отца и других персонажей. Подобного труда европейские книгохранилища, кажется, не знают. Был в библио[отеке] Типпу – Султана труд, касавшийся этой же биографии и называвшийся «مولاي مقامات رومى» (См. Stewart. A descriptive Catal[ogue] of the Orient[al] Libr[ary] of the Late Tipu-Sultan. Cambr[idge], 1809; p. 27 N LXXXIV), его автором был ‘Абдул – Ваххаб. Б[ыть] м[ожет], он это? Настоящая рукопись писана посредственным, хотя и четким, среднеазиатским насталиком в 1112/1700 – 01г. 248 лист[ов] 5 3/8 x, 3 вершка».

Приобретена в Коканде».

Как видим, и этот список нуждается в серьезном анализе содержащейся в нем информации и дальнейшей атрибуции.

Знакомство с комментариями к тексту «Маснавий-и ма ‘нави», равно как и с различными вариантами текста «Седьмой тетради» имеют огромное значение для понимания истории «жизни» поэмы в менявшейся социокультурной среде, у представителей разных конфессий. Именно поэтому все вышеназванные рукописи из собрания А.А.Семенова, связанные с именем выдающегося мыслителя средневековья, Джалал ад-Дина Руми, должны, на мой взгляд, стать объектом отдельного исследования.

Не менее значимое место в собрании А.А. Семенова занимали рукописи сочинений Нур ад-Дина ‘Абд ар-Рахмана Джами. Творчество Джами – логическое завершение одного из наиболее интересных этапов развития центральноазиатской цивилизации, оно пришлось на время кардинальной ломки цивилизационной парадигмы, когда внутриисламский диалог сменился жесткой конфессиональной конфронтацией. Его эпоха также стала своеобразным пиком развития цивилизации региона.

Признанно, что в такие переломные периоды истории появляются яркие личности, жизнь и творчество которых несет на себе «печать» эпохи. По меткому выражению Д.С. Лихачева, в этих случаях происходит персонализация культуры, связанная с «выдвижением» отдельной личности, в которой более всего воплотилась та или иная эпоха. Именно такие личности становятся в жизни социума неким символом, своеобразным факелом, освещающим его дальнейший путь. К таким пассионариям, безусловно, можно отнести ‘Абд ар-Рахмана Джами.

Мощный интеллект, глубокое понимание тенденций развития мусульманской духовной традиции, непрерывный интеллектуальный поиск выдвинули Джами в ряд выдающихся интеллектуалов, прославленных в мусульманской истории. Поэт обладал непревзойденным авторитетом в области

светских и религиозных наук, пользовался особым доверием известного гератского правителя, покровителя искусств, Султана Хусайна (ум. 808/1405г.); как крупнейший представитель братства накшбандийа являлся духовным наставником целого ряда средневековых мусульманских интеллектуалов, в частности 'Алишера Навои. Черпая новые впечатления в путешествиях по Востоку, 'Абд ар-Рахман Джамии был более всего предан Герату и Самарканду, – городам, где в разное время постигал науки, приобщался к тайнам мистического постижения мира. До конца жизни он поддерживал связь с главой самаркандских накшбанди Хваджой 'Убайдаллахом Ахраром. Различные источники называют разное число его произведений: в «Маджалис ан-нафаис» – 35, у 'Абд ал-Гафура Лари – 47, в «Мират ал-хайал» – даже 99.

Самыми известными его сочинениями стали семь эпических поэм, объединяемых под названием «Хафт ауранг». Даже простое знакомство с датами завершения каждой из поэм свидетельствует о том, насколько напряженно работал поэт. Четыре из семи поэм: первая – «Силсилат аз-захаб», в трех дафтарях (после 890/1485г.), четвертая – «Сухбат ал-абрар» (около 887/1482-83г.), пятая – «Йусуф ва Зулайха» (888/1483г.) и седьмая – «Хирад-нама-и Искандари» (около 890/1485г.) посвящены Султану Хусайну, вторая – «Салман ва Абсал» (885/1480-81г.), написана в честь Йакуба Ак-Коюнлу, третья – «Тухфат ал-абрар» (886/1481-82г.) имеет посвящение Баха ад-Дину Накшбанду, шестая – «Лайла Маджнун» завершена в 889/1484г.. Последние по времени завершения пять поэм составили знаменитую хамса – пятерицу.

В число лучших работ поэта внесены три лирических дивана (первый составлен в 894/1479г., второй – 896/1490-91г.); «Бахаристан» (892/1487г.), сочиненный в подражание «Гулистану» Са'ди, «Нафахат ал-унс», биографии выдающихся суфиев (завершено в 883/1478-79г.).

В коллекции Александра Александровича собрано шесть рукописей-произведений поэта (№ 64, 78, 86, 92, 112, 132), среди них есть и весьма ценные экземпляры. К ним в первую очередь можно отнести самые ранние списки, это три рукописи X/XVI в.: №№ 64, 78, 132.

Работа над фолиантом № 78, содержащим «Тухфат ал-ахрар», «Йусуф ва Зулайха» и «Сухбат ал-абрар», была завершена в раджабе 984г.х (24 сентября – 24 октября 1576 г.) В колофонах проставлены даты сверкитекста (явление не частое не только в нашей коллекции). Так, сверка текста первой поэмы была закончена 24 джумади ал-авваль 983г.х. (20 августа 1576 г.), третьей – в сафаре 982г.х. (23 мая – 21 июня столетия 1574г.) второй, «Йусуф ва Зулайха» – 24 раджаба 984г.х. (18 октября 1576г.)

Рукопись неплохой сохранности, однако, в целом список производит впечатление незавершенной работы, так как колонки стихов не обрамлены, в ряде мест для заглавий оставлено пространство, так и сохранилось незаполненным /лл.15б.-20б., 25а-28б, отчего на лл.18а-18б, 12а-15а заглавия вписаны читателями. Рукопись реставрирована, очевидно, в XIX в., очевидно в ходе реставрации первые листы поэм были вырезаны по тексту и вклеены на новую бумагу. Возможно, при этом не были перенесены декоративные элементы украшения первых листов, унваны, сарлаухи. В этот же период рукопись, выполненная с использованием бумаги темно – желтого цвета, была, очевидно, сброшюрована; поэмы расположены в следующем порядке: «Тухфат ал-Ахрар» (лл.1-28б), далее без начала дается поэма «Сухбат ал-абрар», «Йусуф ва Зулейха» (л.74б-13б). Сплошная пагинация отсутствует, отдельные страницы проставлены карандашом в левом верхнем углу левой страницы.

Запись А.А.Семенова об этом списке:

Настоящая рукопись включает 3 произведения знаменитого поэта Джами:

1) Тухфат ал-ахрар, «Подарок благородных» или вернее,

«Подарок /Ходжа/ Ахрару», т.к. посвящена этому среднеазиатскому мистика, ум.в 895/1490 г.;

2) Юсуф и Зулейха;

3)Субхат –ол-Эбрар / «Четки праведников»/. Она писана одной рукой и оченьхорошим наста'ликом (по-видимому, в Герате /в 983-4гг./ 1575-6г. по Р.Х. / т.е. через 83 г. после смерти Джами). А.Семенов».

Имя каллиграфа указано во второй части: Мавлана На'им ал-Мавлави. Рукописьвыполнена профессиональным каллиграфом, скорее всего, в Герате, в период983-4гг./ 1575-6г., тоесть через 83 года после смерти Джами, что безусловно повышает ее ценность.

Два списка коллекции представляют «Нафахат ал-унс» – уникальный труд по истории ираноязычной словесности; особое внимание, уделенноеДжами суфийской литературе, сделало его важнейшим источником по истории суфизма.

Рукопись № 132 была создана в 986/ 1578г. К сожалению, этот список не содержит имя переписчика, прекрасно справившегося со своей работой. Рукопись хорошей сохранности, она была реставрирована: подклеены последние три листа, добавлены листы кокандской бумаги до и после текста.

О втором списке (№ 92) А.А. Семенов пишет: **نفحات الانس من حضرات القدس** («Дыхание [тесной] дружбы с вершин святости»), *сост[авил] Нур ад-Дин 'Абд ур-Рахман Джами.*

Биографиясуфиев и святых, жившихсо 2-го по 8-ой в. Хиджры. Известный и важный труд по суфийской и вообще мусульманской агиологии. (Онемсм. уRieu,вCat[alogue]. of the Persian MSS in the Brit[ish] Mus[eum], Lond., 1879, vol.1,pp. 349; такжеуBlochet,в Catal[ogue] des mss. Persans de la Bibl[ioteque] Nationale, Paris,1905 pp.266-567 идр[угих]. каталогах).

Позднейшая, прекрасной сохранности рукопись с примечаниями 'Абд~ал-Гафура Лари на полях, писанная на хорошей кокандской бумаге четким та'ликом типа « моллаи»*

рукою грешнейшего из рабов (Господних)** в ряду 'аттаров (парфюмеров) в г.Ташкенте, 17 раби' ул-сани/ в год змеи, 1279 / в декабре 1866 г.

426 листов. 6 x 3 S верш[ка] в полужошанном, средне-азиатской работы переплете и тиснениями.

Приобретена в Ташкенте за 4 р[убля].

*Не разобрано несколько зачеркнутых слов.

**Отсутствует небольшой фрагмент записи, отчего текст полностью невосстанавливается.

Фолиант содержит 420 листов, размером 26х16см, текстовая часть размером 17х9.5см содержит в среднем 17 строк на странице. Переписка текста выполнена прекрасно читаемым насталиком рукою Дамулла Мирзы б. Бабаджанбая. Рукопись изобилует маргинальными записями читателей, что

всегда дает дополнительную информацию о социокультурной среде, в которой была востребовано данное произведение. На первом дополнительном листе имеется печать: «Самаркандская ученическая библиотека». Сохранность рукописи очень хорошая.

Известное сочинение Джами «Бахаристан» (№ 86) начинается словами : *چو مرغ امر ذی بال ز اغاز* نه از نیروی حمد* (л.16)

Об этом списке А.А.Семенова пишет: «*بهارستان*» Известный труд поэта Джамия, составленным им в 862 г. хиджры для своего малолетнего сына Зия-уд-Дина Юсуфа по образцу «*گلستان*» Са'дия.

Настоящая рукопись заключает 92 листа, разм[ером] 23х 14 сант[иметра]; и писана очень хорошим наста 'ликом «рукою презренного, полного грехов, бедняка, раба из рабов небовидного порога и подобного планете Юпитер портика его величия, 'Абд ул-'Азиз –Бехадур –хана (Да спасет его Господь Милосердный!), Мухаммед-Амин, бен Мухаммед –хана в 1021 году, 24 –го Раби' ул-Авваля *در دار سلطانه*

«غرم»

Каждая страница заключена в рамку из желтых и черных линий. Переплет из зеленой ослиной кожи, крытой глянцевой, вишневого цвета, бумагой, богато тисненый, работы лучшего ташкентского туземного переплетчика Мухаммад-‘Али(последнего, который еще может делать переплет по старым образцам)».

Работа над этой рукописью из собрания А.А. Семенова была завершена

24 Раби ‘ П1021/ 26 мая 1612г. Текст выписан на кокандской бумаге разных оттенков от интенсивно желтого до зеленовато-серого. В рукописи 92 листа размером 22.5x13.5см, текстовая часть размером 16x17.5см содержит в среднем по15 строк на странице. Напереплете типа«мукавва» прекрасно сохранились турундж (6x3.5см), виньетки и медальоны (3x2.5см) с надписью «عمل ملا علی بن محمد صحاف». Фолиант прекрасной сохранности.

В группе рукописей поэтических произведений Джами, представленных в коллекции А.А. Семенова, выделяется список под номером 64, знаменитая поэма «Силсилат аз-захаб».

Этот список представляет незавершенную рукопись; в ней полностьюсохранилась лишь прекрасно выполненная текстовая часть. Декоративное же оформление, которое, судя по сохранившимся фрагментам, должно было соответствовать высокому качеству работы каллиграфа, осталось не законченным.

Рукопись открывается прекрасным разворотом, сделанным на плотной некрашеной бумаге. Очевидно, по замыслу оформителя рукописи, второму дафтарутакжедолжен был предшествовать разворот. Об этом свидетельствуют два пустых листа (лл.42-43), оставшиеся не заполненными по окончании первогодафтара.

Крупная плетенка разворота первогодафтарделит лист

на четыре почти равные полосы. Части разворота, не заполненные текстом, украшены тончайшим ислими. Центральное место в картушах, вероятно, занимали надписи. Они тщательно стертые. Состояние бумаги в этих местах позволяет предположить, что первоначально она была смочена, и только после увлажнения был фактически снят ее верхний слой. Таким же образом, как нам представляется, уничтожены надписи на восьмигранных печатях (л. 59а) и дата переписки. Только благодаря плотности бумаги, из которой выполнен разворот, здесь не образовалось дыр, как на последнем листе в месте написания даты.

Вдате завершения переписки затерты до дыр (!) цифры десятков и единиц, с тем, чтобы читалась только одна цифра, обозначающая сотни – 9. Вслед за датой приведен стихотворный текст, обращенный к читателю:

غریق رحمت غفران کسی باد که کاتب را بالحمدی کند یاد*

دستم بزیر خاک جو خواهد شدن تباہ * از من بیاد نماید خطی سیاه

کتبه میر عماد تمم باخیر و الاعتماد*

هر از رحمت حق بر دوان کاتب باد * که نسخه بحسین لطف یاد کار نهاد

В последней строке подпись в части «**میر**» («Мир») подчищена, хотя не так заметно, и запись сохранилась с добавлением. Часть имени «**عماد** / ‘Имад» оригинальна, она рифмуется с «**إعتما د**»

Ясно, что кто-то «подправлял» и дату написания, и имя каллиграфа, с тем, чтобы представить рукопись произведением знаменитого Мир ‘Имада ал-Хасани ал-Казвини (961/1553-1554 – 1024/1615г.). Он, по мнению О.Ф. Акимускина, являлся «последним выдающимся персидским каллиграфом, работавшим в стиле насталик».

Известно, что работы Мир ‘Имада ценились исключительно высоко. Так, могольский император Шах Джahan давал должность сотника каждому, кто преподносил ему образец письма этого великого каллиграфа, отдельные листы работ которого приобретались за баснословную цену.

О жизни Мир ‘Имада нам известно очень мало.¹ По данным, восстановленным О.Ф.Акимушкиным, он родился в 961/1553-1554г. в городе Казвине и происходил из древнего и известного в Иране рода Сайфи Хасани, который пользовался влиянием при дворе, и представители которого занимали различные государственные посты при первых Сафавидах. Его полным именем было Мухаммад – ‘Имад ибн Ибрахим ал-Хасани ас-Сайфи ал-Казвини, он носил почетное прозвание «‘Имад ал-Мулк», и был широко известен под именем Мир ‘Имад.

Его талант проявился рано, и достиг совершенства под влиянием таких учителей, как работавшего в Казвине Малика Дайлами, известного как «глава каллиграфов своей эпохи» и знаменитого Мухаммада Хусайна Табризи. Позже Мир ‘Имад стал личным каллиграфом шаха ‘Аббаса I и переехал с ним в новую столицу – Исфахан. Здесь он сам стал наставником многочисленных учеников, по существу сформировав свою школу каллиграфии. Однако благосклонность шаха сменилась жестким неприятием весьма независимого нрава каллиграфа. Главный удар в судьбе великого художника нанесла межконфессиональная вражда, разразившаяся в это время между шиитами и суннитами.

Мир ‘Имад был жестоко убит как сторонник суннизма толпой разъяренных юношей-шиитов недалеко от своего дома. В источниках отложилось мнение о том, что убийство было совершено по тайному приказу шаха. Одним из под-

¹ Наиболее полно его жизнь и творческий путь восстановлены в серии работ О. Ф. Акимушкина. Акимушкин О.Ф. Акимушкин О.Ф. Мир ‘Имад. Альбом индийской и персидской миниатюры и каллиграфии. – М., 1962; Акимушкин О.Ф., Иванов А.А. О мавераннахской школе миниатюрной живописи XVII в. // Народы Азии и Африки. – 1968. – № 4. – С.103-163; Акимушкин О.Ф. Заметки о персидской рукописной книге и ее создателях// Очерки истории культуры средневекового Ирана. Письменность и литература. – М.,1984. – С. 45-54, 250-251; Idem. Каллиграф государев Мир ‘Имад из Казвина// Акимушкин О.Ф. Средневековый Иран. Культура, история, филология. – СПб., 2004. – С. 8-40.

тверждений такой версии, по мнению средневековых источников, явился тот факт, что никто из толпы, наводнившей улицу, не осмелился подойти к еще живому каллиграфу. Его родственники вынуждены были бежать, захватив с собой часть его наследия.

В связи с этими обстоятельствами специалисты затрудняются назвать точное число его произведений. Известны 37 списка работы Мир 'Имада, 7 из которых – произведения Джамии. В альбоме произведений каллиграфа собрано 34 образца, выполненных его рукой.¹

Самая ранняя из дошедших до нас рукописей, переписанная Мир 'Имадом, «Сибхат ал-абрар» Джамии (находится в библиотеке Саркари в г. Рампур, Индия) была переписана в 972/1564-65г., т.е. когда ему было одиннадцать (!) лет от роду.²

Чтобы выяснить, действительно ли рукопись из коллекции А.А. Семенова была создана Мир 'Имадом, в свое время мы обращались за консультацией к О.Ф. Акимушкину, безусловно, лучшему знатоку почерка этого знаменитого каллиграфа. Ученый отметил прекрасный профессиональный почерк, который, однако, по его мнению, имеет ряд отличий от прославленного в веках насталика Мир 'Имада.

Явное стремление подражать каллиграфическому стилю знаменитого Мир 'Имада, наш взгляд, свидетельствуют об одном: перед нами список, который пытались представить, а, скорее всего, продать, как работу величайшего из каллиграфов Иранзамина.

В рукописи имеются печати владельцев: восьмигранные и крупные, в центре которых читается «ايرك»، по краю «دار المعلمات».

Даже столь беглый обзор всего девяти рукописей из коллекции А.А. Семенова дает представление о том, сколь бо-

¹Акимушкин О.Ф. Мир Имад. Альбом.... С. 21-22.

²Ibid. С.12.

гато наследие ученого.

Это – настоящий капитал, который, безусловно, требует бережного отношения. Однако сегодня необходимо осознание того, что слово «бережно» не означает отсутствия доступа к рукописям, оно, скорее, является синонимом понятия «рационально».

Всей своей жизнью в науке Александр Александрович стремился показать, какие глубины понимания истории человечества могут содержать письменные источники. От нас требуется рациональное использование того капитала, который был завещан этим великим человеком.

مقامات سلطان العلماء حضرت مولانا دوسی
صاحب قیومی

(Творения считаются утеряны, его святей-
шества нашего господина [Джамал-ад-Дин-
Буринд, брата самоушера]).

За отсутствием предисловия и указания
в тексте - автор неизвестен. Ни по разно-
сказаниям тех, ни по плану своему, сочинение
это не есть известный труд Улахи-ад-Д-
-и-Зурдзика *مناقب العارفین*, хотя и обе-
щан одному и тому же: биографии зна-
менитых шейх Джамал-ад-Дин-и-Буринд
(см. в 1273), его отца и других персидских.
Трудом труда восточного китаеведения,
который не знает. Был в Буда. Бонну-Султан-
пурд, каавиний стии на биографии и называл
именно *مناقب مولانا دوسی* (см. Stewart, A Descriptive
Catal. of the Orient. Libr. of the late Tippu-Sultan
Catal. 1809; p. 27 N. 1333); его авторства Б. Шегер-
Заджаб. Б. и. и др. Картинами рел. писани-
и вост.-ислама, стии и кинкии, средне-аз. картина ин-
силь в 1818/1820 = 121. 248 лист. 5 1/8 в 1/8 вершин
Принт в Канаде.

Весеннее время

Известный труд поэта Димитрия
составленный им в 862. Лириком
где своим малолетним своим
Вид-уд-Дим-Юсуфа по образцу
Сильв'а Са'гид.

Кастомизад фукотис зак. м. 1027
9 димит, рабам. 23 х 14 сбит; и тисаи гил
дородиши фудис-азиатским кадра-
ликом // фукот-пресртинши, полнаго
зрелого, вилдико, раба ит. рабов не-
добуднаго порит-и подовнаго плано-
тти Юсуфу портиши си велишрви,
Авд. чи. Авиз-Бохадур-Хана (да спа-
сет си Господс Милшурдан! // Мухам-
мед-Амин, би-Мухаммед-Хана в
1021 году, 24-и Раби'у-Завид

د، د، الالهة في م

Каждат отрашица замона в ра-
ку въ земли и земли мий. Пер-
мер въ земли ошенихъ земли, протви
пшени, пшеница, бугаеи,
бато пшеница, редото ступило
пшеница туземна перотит
зако-Мухаммад-Али/пшеница,
котора еще мостр днаго перо,
но старая обривае/.

Francis RICHARD
Paris

A.A. A. SEMENOV: THE DISCOVERY AND CATALOGUING OF PERSIAN AND TAJIK MANUSCRIPTS IN CENTRAL ASIA

Amongst the numerous merites of Alexander Alexandrovich A. Semenov (1873-1958), the discovery and the study of Persian manuscripts is not to be underestimated. His interest in manuscripts seems to be very ancient in his life and a fruit of his studies in Lazarev Institute where his masters gave to him a solide background in the field of classical oriental studies. As ethnographer he new how manuscripts can be essential source. Before the Revolution he studied ismaili manuscripts recently found in Pamir. He published in 1925 a catalogue of the historical manuscripts of the Central Library of Bukhara¹. In 1935 he published in Tashkent a catalogue of the 140 Oriental manuscripts of the University of Central Asia².

After the foundation of the Institute of Oriental manuscripts in Tashkent by the end of the War, where manuscripts from the Public Library of Turkistan and other were transferred, A.A. A. Semenov started to realize the scientific catalogue of this huge collection of more that 10 000 volumes, many of them being very rare or containing important texts and historical informations. The first volume was published in 1952³ in Taskent and

¹Каталог рукописей Исторического отдела Бухарской центральной библиотеки // Труды Библиогр. Комиссии, бывшей при СНК ТаджССР. – Вып. 2. – Ташкент. – 1925. – 32 с.

²Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета // Труды Среднеазиатского государственного Универстета. – Сер. 2. – Orientalia. – Вып. 4. – Ташкент, 1935. – 88 с.

³Собрание восточных рукописей Академии наук УзбекССР», т. I, под ред. и при участии А. А. Семенова –Ташкент, 1952. – 443 с. (АН УзССР. Институт востоковедения).

A. Semenov is author of the first four volumes¹ of this excellent catalogue.

Of course, when A. Semenov left Taskent for Dushanbe after 1951 he kept interest in identification and collection of manuscripts (with his own collection now kept in the Tajik Academy and described by Larisa and Lola Nazarovna Dodkhudoeva)² and remained in charge of the redaction of the Tashkent Catalogue.

Some remarks are to be pointed out: A. Semenov appears as one of the heads and the organisator of the systematic program of cataloguing tajik and persian written heritage kept in Central Asia The catalogue of Tashkent is in link with those of 1925 and 1932. At that time the literature in Arabic script was endangered and it was important to show his scientific and historic value, as to enlight the necessity of systematic collection and description of the Persian-Tajik manuscripts. And the choice of the term «Tajik» in order to design the Persian language of Central Asia is very important and significant³.

Initiator, A. Semenov was able to work in collaboration with a team of scholars (a look at the introduction of the volume I of Tashkent Catalogue shows the names of I. Adilov, V.I. Belaiev, E.K. Betger, V.D. Zhukov, A.N. Kononov, N.D. Mikluho-Maklaï – future author few years after of one catalogue of Persian and Tadjik manuscripts of Leningrad, – A.A. Molca-

¹Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР / Под ред. и при участии А. А. Семенова. – Ташкент. – Т. 2. – 1954. – 588 с.; Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. – Т. 3. Каталог. под ред. и при участии А. А. Семенова. – Ташкент. 1955. – 554 с.; Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. – Т. 3. Каталог. под ред. и при участии А. А. Семенова. – Ташкент, 1957. – 554 с. (АН УзССР. Институт востоковедения).

²Dodkhudoeva Larisa, Dodkhudoeva Lola Manuscripts orientaux du Tadjikistan: la collection Semenov // Patrimoine manuscript et vie intellectuelle de l'Asie entrale islamique. – P. 39-55 (Cahiers d'Asie Centrale. № 7)

³Каталог рукописей Исторического отдела Бухарской центральной библиотеки // Труды Библиогр. Комиссии, бывшей при СНК ТаджССР. – Вып. 2. – Ташкент. – 1925. – С. 9.

nov, M.A. Sal'e, B.S. Sergeiev, O.I. Smirnova, K.B. Starkova, A.S. Tveritina, O.D. Checovic, A.E. et E.A. Schmidt). Some of these names became later famous. A. Semenov was initiating with his catalogue a very active school of specialists of Tajik ancient manuscript heritage.

The first volume of Tashkent catalogue is devoted to history. It was not without meaning, because a lot of valuable and important texts came to the light and it was a way to initiate historical research on these texts and on the «literate milieu» of Tajik speaking Central Asia.

Another interesting point is that the bibliographic references in the catalogue are very rich, showing that it was possible to conduct in Central Asia a very innovative enterprise. At the time of A. Semenov, it was no major catalogue in progress in Western Countries nor in Iran. The Soviet enterprise of research on manuscripts was part of a rehabilitation of the Tajik heritage, in harmony with the creation of Academies of Sciences.

The decision of A. Semenov to publish photos of some pages of significant documents was very innovative. It was not the case in Western Europe at that epoch. It was helpful for historians and paleographers but also for scholars and librarians. Since 1952 every volume was regularly illustrated by good photographs on full page.

The conception of each notice is the same: mention of the title and of author's name. After that, the catalogue is giving a short description of the work and some indications about the date of composition. The catalogue gives often indications about the specificities of the text kept in the copy (if necessary).

The entries are classified by name of texts and in the case of miscellanies or collections of texts every part of the volume is described separately (like in German Catalogues)

The codicological description is very short but precise: qual-

ity of handwriting, approximative date, number of folios and dimensions of the volume are in most cases the only indications. But in other cases we can find name of copyist, exact year, identification of place of transcription and indications about possessor and decoration.

In this catalogues, the indexes are in both scripts and very well organised, in each volume. One of the originalities is to put together the names of persons in one cumulative and very useful index, as for the titles of works, like in the best erudite catalogues published during the 19th Century.

Every volume of the catalogue begins with a short introduction bearing the signature of professor A. Semenov. The first volume has a composite content, according to the various collections who were successively acquired and catalogued by the Institute of Manuscripts: history, documents, memories, music, cosmography, pharmacology, medicine, mathematics and dictionaries. In this first volume were many very valuable copies or important texts. The publication of the Tashkent's collection was an important step in the development of Iranian bibliography and for a better knowledge in Central Asia, showing the essential role of Irano-Tadjik culture during centuries. The quite large diffusion of the new catalogue in URSS and abroad was also a success.

Work continued at a fast rate and a volume II was published in 1954. The volume is devoted to poetry. In his introduction A. Semenov insists about value and originality of «Tadjik» literature and he emphasizes the great significance of these manuscripts for ethnography and folklore, who was one of his main interests during his youth.

The following volumes, with a rich and various content, came out regularly: volume III in 1955 and volume IV in 1957. In 1960, the volume V was finally published and A. Semenov had written an introduction about his content: some important historical texts, works on poetical art, enigmas and lo-

gogriphs, but also scientific works, and texts about geography or art; A. Semenov expresses his thanks to collaborators who wrote specific descriptions and we see the names of some new scholars (S.A. Azimdjanova, D.G. Voronovskij, A. Kayumov, K. Munirov, T. Ni'matov et A. Urunbaïev). It is essential to insist about the importance of the Institute of Manuscripts and about the team involved in the realization of this catalogue if we like to understand the growth of a high level school of Oriental studies around the figure of A.A. A. Semenov. For him the Tadjik studies were essential and such enterprise was a guarantee of success for the survival of classical oriental erudition and for success in the future, with the training of numerous young scholars.

Before his death, A. Semenov prepared the sixth volume of the Tashkent's catalogue, describing manuscripts on various matters (history, poetry etc.), but the work was finished by his collaborators.

When A.M. Mirzoev published, in collaboration with A.N. Boldyrev, his first volume of the Catalogue of Manuscripts of the Academy of Sciences of Tajikistan, in 1960 in Stalinobod¹, they do not make mention of the name of A.A. A. Semenov but the architecture of the descriptions of manuscripts is exactly the same as in the Tashkent catalogue (with the only difference that the name of works is also given in Tajik in cyrillic script...). And the publication started also with historical section, and follows the same divisions.

More recently, the enterprise of the „Series catalogorum» (Rome and Paris), devoted partly to the publication of catalogues of manuscripts of smaller collections of Central Asia has a direct link with the A. Semenov school of description of the manuscript heritage. The rules for description of texts and manuscripts are in accordance with the „Tashkent model».

¹ Каталог Восточных рукописей Академии наук ТаджССР. Том 1.– Сталинабад, 1960.

In conclusion we can say that A. Semenov is the „father» of the catalogues of Tajik manuscripts, unique instrument of study, transmission and preservation of the written heritage of Central Asia. He contributed at a large scale to the reevaluation of the role of the Tajik language as classical medium of communication in Central Asia for Centuries. It is hoped that all the programs he started will find enthusiastic scientists to continue with such a scientific rigor and height of view.

**ВКЛАД А.А. СЕМЕНОВА
В ИЗУЧЕНИЕ ИСМАИЛИЗМА**

Одним из первых европейских востоковедов, который обратил внимание на исмаилизм, был французский исследователь Сельвистер де Саси (1758-1838). В своем исследовании о друзах¹ он обращается к вопросу об истоках возникновения секты исмаилизма и ее организаторской основы. Ученый базируется на сведениях автора «Нихайат ал-араб фи фунун ал-адаб» («Пределы желания в искусстве литературы») Шахабуддина Ахмада ибн Абдулваххаба Нувайри (ум. в 733г). В дальнейшем де Саси широко использует труды Макризи, ибн Надима и Ибн Асира. Ученый считает, что исмаилизм – это философиямысли Абуллаха б. Маймуна Каддаха появившаяся в Иране как проявление борьбы иранцев против владычества арабов и Ислама. Иначе говоря, он рассматривает исмаилизм антиарабским, антиисламским движением иранского крестьянства во главе Абдуллаха Каддаха.

Голландский востоковед Рейнхарт Дози (1820-1883) в своей книге «История мусульман Испании»² говоря об Абдуллахе Каддахе, приходит к выводу, что исмаилиты много переняли у манихейства, греческой философии и сабиитов.

Другой голландский востоковед Михаил Ян де Гье (1836-1909) в своей работе «О карматах Бахрейна и фатимидов»³ опираясь и доверяясь суннитским источникам и находясь под их впечатлением, пишет, что Абдуллах Каддах в дейст-

¹ Sacy S. Exposé de la religion des Druzes, tire des livre religieux de cette secte, et precede d'une introduction et de la vie du Khalife Hakem-Biamr-Allah. – Paris: L'edition Paris, 1838. – 708 p.

² Dozy R. Histoire des musulmans d'Espagne. – Leyde: Brill, 1932.

³ Mémoire d'histoire et de géographie orientales. 2ed. Vol. 1-2. – Leiden: Brill, 1886-1900.

вительности был выходцем из Ирана и, что он создал исмаилизм лишь для борьбы и вражды с арабами.

П. Казанова останавливается на тайном учении фатимидов Египта, считая, что карматы отделились от секты Ханафитов или Кайсанитов. Автор обосновывает свои доводы на основе трудов Макризи и Нувайри.

Французский ученый Луис Мосиньон (1883-1962)¹ в своей статье о карматах в «Энциклопедии ислама» впервые обратился к шиитским источникам. Ученый приходит к заключению, что исмаилизм не чисто религиозная секта, а крестьянское движение, требующее справедливости и равноправия. В своих исследованиях исследователь больше опирается на шиитские источники, и поэтому он рассматривает исмаилизм с позиции шиитских авторов. Ученому свойственна манера защищать и оправдывать деятельность исмаилитской секты

Исмаилизм и его идеология имели непосредственное отношение к борьбе классов в феодальном обществе Ближнего и Среднего Востока, что убедительно доказано в работах советских ученых Б.Г.Гафурова,² А.Е. Бертельса,³ Л.В. Строевой⁴ и т.д.

Исмаилизму посвящены также работы известных востоковедов А. Корбена (глава «Исмаилизм» в монографии «История исламской философии».)⁵ и обширное предисловие к книге Н. Хусрава «Свод двух мудростей» («Джами ал-хикматайн»), Дж. Т. Холлистер «Ши'a в Индии»,⁶ где дается

¹ Massignon L. Karmaten // Enzyklopaedie des Islām. Bd.2. – Leiden-Lpz.: Brill, Harrassovitz, 1927. – S. 821-826.

² Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – 664 с.

³ Бертельс А.Е. Насир-и Хосров и исмаилизм. – М.: Изд-во Вост. лит, 1959. – 288 с.

⁴ Строева Л.В. Государство исмаилитов Ирана в XI-XIII вв. – М Наука, 1974. – 274 с.

⁵ Корбен А. История исламской философии /Пер. с франц. А.А. Кузнецова. – М.: Прогресс-Традиция. – 360 с.

⁶ Hollister J.N. The Shi'a of India. – London: Luzac and Co, 1953.

краткое религиозное и демографическое описание исмаилитов Индии и выделяются последователи пира Садруддина, соединяющие индуистское и мусульманское представления в своих верованиях, в особую ветвь. Иисмаилизм исследует также М. Ходсон «Исмаилитская секта»¹ и другие.

Анализ трудов зарубежных авторов показал, что не все ученые одинаково подходят к оценке исмаилизма. Одни считают, что это чисто религиозная секта, возникающая в противовес ортодоксальному Исламу, другие рассматривают его как антиарабское, антиисламское движение иранцев против арабских завоевателей. Третьи относятся к исмаилизму с особой симпатией, например, В. Иванов называет исмаилитов «выдающимися политическими деятелями»².

Многочисленные исследования об исмаилизме и его верованиях появились также в последние годы в Иране и других странах Востока. Так, М. Машкур в своей книге «История ислама до X в.»³, посвящает исмаилизму отдельную главу, где подробно останавливается на истории появления и распространения исмаилизма в мусульманских странах и выделяет различные секты и подтексты исмаилизма. Однако, другой иранский исследователь Юсуф Фазайи в своей работе «Суннитские веры и исмаилитская секта»⁴ довольно подробно и объективно пишет о вероучении исмаилитов и их влиянии на политическую жизнь Ирана до монгольского нашествия.

Следует указать, что все зарубежные авторы рассматривают исмаилизм только с точки зрения его оппозиционности ортодоксальному исламу и не раскрывают его классовую сущность и те противоречия, которые способствовали

¹ Hodgson Marshall G.S. The Ismsili State. – Cambridge, 1968.

² W. Ivanov The Organization of the Fatimid Propaganda // Journal of the Bombay Dranch of the Royal Society. – 1939. – Vol. 15. – P. 12-13.

³ Mashkour M.J. Ta'rih-i shia va farkahoi Islom to karni chahorum. – Tehron, 1976.

⁴ Fazaii Yu. Mazhabi ahli sunnat va verkai Ismoilia. – Tehron, 1975.

возникновению исмаилизма. Одни с сочувствием относятся к исмаилитам, как к вечно гонимой и угнетенной части мусульман, другие считают их «убийцами» и наёмниками. Однако, при глубоком изучении истории исмаилизма можно проследить в каких тяжелых условиях и постоянной борьбе исмаилиты смогли сохранить до настоящего времени свою секту и организационную основу.

В России впервые на исмаилизм обратили внимание такие известные исследователи как И.И. Зарубин, В.А. Иванов, А.А. Семенов, М.С. Андреев.¹ Так, И.И. Зарубин будучи в 1916 году в Шугнанае, собрал у местных жителей 11 наименований рукописных источников, которые в последующем были переданы в Азиатский Музей и в настоящее время хранятся в Санкт-Петербургском Институте восточных рукописи Российской Академии наук. Это были рукописи «Ум-ул-китоб», «Вадж-и дин», «Хафт баб», «Си фасл» Аттара, «Диван» Шамса Табрези, «Марказ ул-адвар» Файзи Дакани, «Зилзиланома», «Хикояти Кахкаха», «Саодатнома», Мират ул-мухаккикин и некоторые другие трактаты суфийского и исмаилитского содержания.

Немного позже в 1918 году А.А. Семенову удалось получить из Бадахшана более 8 рукописей, которые тоже были переданы в Азиатский Музей. Описание этих рукописей были опубликованы самим ученым в «Известиях Российской Академии Наук» в 1918 году. Он также утверждает, что, например, назария, саббахия, насирия это отдельные секты исмаилизма, что в конечном итоге приводит к неправильному пониманию истории возникновения секты и направления ислама. В целом книга содержит ценные сведения об исмаилизме периода Фатимидов и периода Хасана Саббаха в Иране.

Несомненно, большая заслуга в изучении исмаилизма-

¹ О вкладе русских ученых в изучение исмаилизма см.: Русские ученые об исмаилизме. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014 – 312 с.

принадлежит известному историку и большому знатоку истории и религии востока А.А.Семенову. Он посвятил исмаилизму несколько работ. Среди них «Из области верований шугнанских исмаилитов»,¹ «К догматике памирского исмаилизма»,² переведенная на русский язык глава из книги «Ваджхи Дин» Насира Хусрава. Ученый также подготовил к печати и снабдил комментариями книгу исмаилитского автора XIX в. Фида-и Хорасан «История исмаилизма»³ и другие тексты. Статьи «Исмаилитская ода, посвященная воплощению Алиа-Бога», Насира Хисрава «О мире духовном и материальном», «Противоречие во взглядах на переселение души у памирских исмаилитов», «Шейх Джалал-ад-дин Руми по представлениям шугнанских исмаилитов» и другие насыщены весьма оригинальными идеями и в определенной степени его оценка, верно, отражает историческую действительность эпохи средневековья.

В это же время А.А. Семенов высказывает мысль о том, что «... исмаилизм в самом существе своем ничего общего не имеющий с мусульманством искусно скрыл свои истинные религиозные частью политические идеалы под внешним покровом последнего». На наш взгляд А.А.Семенов тоже находился под впечатлением антиисмаилитских авторов, (например, Мухаммада Багдади, автора «Истории секты ислама», который вообще исключает исмаилитов из числа последователей ислама и считает их не мусульманами).

Эта оппозиционность исмаилизма, если даже отражает в какой-то степени историческую действительность эпохи средневековья, но в целом преувеличена.

¹ А.А. Семенов. Из области верований шугнанских исмаилитов // Мир Ислама. – Спб, 1912. – Т.1. № 4. – С. 523-561.

² Он же. К догматике памирского исмаилизма: XI глава Лица Веры Насыр-и-Хосрова. – Ташкент, 1926. – 52 с.

³ «Фида-и Китабхидайат ал-Му'минийнат-талибйн» («История исмаилизма») / По таджикской рукописи издал, предисл. и прим. А. А. Семенов. – М., 1959. – 221 с.

М.С. Андреев,¹ написавший книгу о быте и обычаях таджиков долины Хуф, сообщает о религиозных преданиях в частности, исмаилитах населения этого края.

Собранный материал является богатейшим источником о старом быте таджиков, своеобразной энциклопедией старого быта населения Бадахшана.

О характеристики исмаилитского движения в средние века уместно здесь упомянуть многочисленные публикации советского исследователя Л.В. Строевой.² Ее труды пролили свет на характер исмаилитского движения и ее классовую сущность. Таджикский исследователь философии исмаилизма Додихудоев Х.Д., анализируя работы А.В.Строевой, приходит к заключению: «Если до появления работы Строевойна Иранский исмаилизм смотрели как на террористическую организацию, то с появлением ее трудов прежняя точка зрения была опровергнута. Она подтвердила точку зрения Б.Г.Гафурова о том, что карматство и исмаилизм были идеологической оболочкой широкого крестьянского движения охватившего многие страны Ближнего и Среднего Востока в XI-XII вв., результатом которого являлось образование государство исмаилитов в Аламуте, просуществовавшее до 1256 года».

Следует также указать работу Л.А.Семеновой «Из истории фатимидского Египта»³ где на основе арабских источников дается общий очерк политической истории Египта с середины X века до первой половины XII веков, когда руководство исмаилитской сектой фактически правило страной.

¹ Андреев М.с. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. I. – Сталинабад: Изд-во Академии наук ТаджССР, 1953. – 251 с.. (Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ: Т. 7. Материалы к изучению культуры и быта таджиков).

² Строева Л.В. Движения исмаилитов в Исфахане в 1100-1107 гг.; «К вопросу о социальной природе исмаилитского движения в Иране в XI-XIII вв.». – М., 1976.

³ Л.А. Семенова Из истории фатимидского Египта. – М.: Наука, 1974. – 265 с.

Книга содержит обширную новейшую библиографию по исмаилизму.

О современном исмаилизме имеется ряд работ, характеризующих его социально-политическое лицо. Это, прежде всего, работы С. Левина «Реформаторское движение в индийской торговой общине исмаилитов-ходжа в 1929-1966 гг.», «Организация исмаилитской буржуазии в Пакистане»,¹ Л. Сергеева «Империя Ага Хана IV»² и другие. Несмотря на то, что эти работы не содержат углубленной разработки обширного фактического материала (кроме некоторых сторон финансовой жизни исмаилитской общины), они дают некоторую возможность для определения основных аспектов современного исмаилизма.

В исследование исмаилизма большой вклад внес и Б. Гафуров. Его большая работа «Таджики»³ содержит обобщение исторических исследований по исмаилизму. Ранее ученый уделял большое внимание исмаилитской секте и на эту тему защитил диссертацию.

А. Болдыревым был издан исторический трактат «История Бадахшана»⁴ Сангмухаммада Бадахши и Фазлалибека Сурхафсара, где также говорится о религии бадахшанцев.

Большая заслуга в изучении исмаилизма, несомненно, принадлежит известному исследователю А.Е. Бертельсу. Он в своей работе «Носири Хусрав и исмаилизм»⁵ всесторонне раскрыл сущность исмаилизма, его историю и их связь с карматским движением. Отдельный параграф этой

¹ Левин С. Реформаторское движение в индийской торговой общине исмаилитов-ходжа в 1929-1966 гг. – М., 1972. Он же. Организация исмаилитской буржуазии в Пакистане. – М. 1976.

² Сергеев Л. Империя Ага Хана IV // Азия и Африка сегодня. – 1965. – № 9.

³ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – 664 с.

⁴ А.Н. Болдырев Та'рих-и Бадахшон: История Бадахшана. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. – 254 с.

⁵ Бертельс А.Е. Насир-и Хосров и исмаилизм. – М: Изд-во Вост. лит, 1959. – 288 с.

работы посвящен роли, исмаилитской иерархии в представлениях Насира Хусрава. Им также опубликованы многочисленные статьи и очерки по исмаилизму.

Таким образом, выше сказанное позволяет заключить, что А.А. Семенов является одним из основных специалистов по исмаилизму. Ученый внес огромный вклад в изучение рукописей, которые отражают сущность исмаилизма, тем самым, положив начало исследованию одного из течений в Исламе.

Александр ДЖУМАЕВ
Ташкент

ТРАКТАТЫ О МУЗЫКЕ И ИСТОРИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ А. А. СЕМЕНОВА

К систематическому исследованию истории музыкальной культуры средневекового Востока, Средней Азии А. А. Семенов приступил в середине 1930-х годов. Ученый был приглашен в Научно-исследовательский Институт искусствознания в Ташкенте (далее – НИИИ) для разработки нового направления научных исследований – по выявлению, переводу с персидско-таджикского на русский язык и изучению средневековых трактатов о музыке¹.

Молодому советскому музыковедению эта область была знакома фрагментарно. В Узбекистане предшественником А. А. Семенова был известный ученый Абдурауф Фитрат (1886 – 1938). В своем труде «Узбекская классическая музыка и ее история» он впервые привлек отдельные сведения из сочинений по музыкальной науке, наметив круг значимых имен в истории среднеазиатской науки о музыке². Это повлияло на отбор письменных памятников при разработке истории музыкальной культуры Узбекистана и Таджикистана. Рассмотренные Фитратом трактаты о музыке бухарских авторов Наджм ад-Дина Кавкаби Бухари и Дарвиша Али Чанги, впоследствии вошли в число основных источников, над которыми развернулась работа Семенова³.

Необходимо отметить, что знакомство А. А. Семенова с трактатами о музыке началось до того, как он был приглашен в НИИИ. Ученый выявил и описал отдельные рукописи о музыке⁴ из собрания Государственной Публичной библиотеки, куда он был принят в мае 1935 г. на должность профессора-ираниста в отдел рукописей⁵.

Другим источником знаний А. А. Семенова в области му-

зыкальных трактатов была западноевропейская литература о музыке Востока и каталоги восточных рукописей, изданные в европейских странах в XIX – начале XX века. Ему была хорошо известна серия публикаций арабоязычных трактатов о музыке в переводе на французский язык – «Арабская музыка» (*La Musique arabe*), начатая с 30-х годов в Париже составителем Рудольфом д'Эрланже (*Baron Rodolphe d'Erlanger*). А.А. Семенов знал западноевропейские исследования по восточной музыке и современную литературу зарубежного Востока, выходившую в Индии, Иране, арабских странах. Сведения об этих изданиях и трактатах по музыке он включил в «Библиографический указатель восточной и европейской литературы о восточной музыке», который остался неизданным.

В предисловии к нему А.А. Семенов пишет: «При том широком развитии национальной музыки, которое получилось на территории б[ывшей] Российской Империи со времени водворения и упрочения в ней советской власти, естественным является необходимость в библиографическом указателе по музыкальной литературе разных народов и, быть может, в первую очередь таких, которые искони были объединены общей культурой, историческими судьбами и религиозными верованиями»⁶. Под «восточной музыкой» ученый понимал музыку «народов турецкого, иранского и арабского происхождения, объединенных в недавнем прошлом так наз[ываемой] «мусульманской культурой»⁷.

«Указатель» отличается достаточно широким по тому времени охватом материала. Только в первой его части перечислено 80 наименований трудов, большинство из которых трактаты о музыке. И это без учета состава сборных рукописей по музыке, содержание которых раскрыто по внутренней нумерации. В список включены уникальные рукописи о музыке из собрания Британского Музея и Парижской Национальной Библиотеки; трактаты о музыке ал-Кинди, ал-Фараби, «Братьев чистоты», Ибн Сины, ал-

Амули, Абд ал-Кадира Мараги и многих других ученых и музыкантов. Большое внимание уделено характеристике источников по суфийскому слушанию (сама‘).

Занимаясь исследованием истории музыкальной культуры средневекового Востока, А.А. Семенов хорошо понимал степень собственной научной ответственности. Он не торопился публиковать свои музыковедческие труды; тщательно готовил их перед отправкой в Москву В.М. Беляеву, в то время ведущему музыковеду-востоковеду в СССР.

О степени ответственности А.А. Семенова говорит его отношение к одному из первых своих переводов с персидского языка – небольшому разделу о музыке из энциклопедии наук «Джами‘ ал-‘улум» («Собрание наук») Фахр ад-Дина Рази (1150 – 1209-10)⁸. В.М. Беляев с нетерпением ждал завершения перевода и напоминал об этом в письмах В.А. Успенскому. В их переписке по этому поводу Семенов предстает человеком с высокими научными принципами, очень требовательным и искренне переживающим за результаты своего труда. Об этом – в письме В.А. Успенского В.М. Беляеву (от 7 ноября 1935 г.): «Копию перевода Фахр-ад-Дина аль-Рази скоро тебе перешлют. О дне отправки дадим телеграмму. Семенов шлет тебе большой привет. Он очень волнуется за то, что ты скажешь по поводу этой работы и, кажется, пошлет тебе бумажку в таком роде, что мол: «в этом переводе некоторые термины не вполне точно определены, почему и соответствующие им места могли бы получить, быть может, другое значение или смысл и т.д.»⁹.

Еще более определенно свое ответственное отношение к музыковедческой специфике источника и необходимости сотрудничества в этом направлении А.А. Семенов выражает в письме В.М. Беляеву (от 8 декабря 1935 г.) по поводу работы над переводом раздела о музыке из энциклопедии наук Мухаммада ибн Махмуда ал-Амули «Нафайис ал-фунун фи арайис ал-уйун»:

«Глубокоуважаемый Виктор Михайлович !

Институт Искусствознания послал Вам мой перевод из персидской энциклопедии первой половины XIV в. раздела о музыке. К сожалению, Институт не в полной мере сделал уточнение встречающихся в переводе музыкальных терминов, как это обусловлено было договором. – Я не знаю, в какой мере труд Мохаммеда Амольского, в части музыки, привлечет Ваше просвещенное внимание, но если бы Вы признали соответственным издание этого памятника в полном виде на русском языке и не отказали бы в любезности взять на себя составление к нему того, что называется «научным аппаратом», а я бы еще проредактировал перевод сверкой с другими рукописями и уточнением, при Вашей помощи, некоторых, для меня не вполне ясных, мест, – то, быть может, в таком виде появление этого музыкального трактата в печати было бы небесполезно для исследователей восточной классической музыки. Кажется, в январе-феврале предполагается Ваш приезд в Ташкент на конференцию, мы бы тогда могли лично договориться по этому вопросу. Теперь потребность времени и многообразие исследовательских проблем вызывают спрос на опубликование разных памятников в их текстуальном виде, как подлинных документов тех или иных эпох, поэтому труд Мохаммеда Амольского, возможно, был бы не лишним для наших специалистов, тем более, что вся его обширная энциклопедия никогда не была опубликована. Нужно ли добавлять, что большинство сделанных мною примечаний к переводу предоставляется Вам удалить по Вашему усмотрению.

Если бы Вы, при случае, нашли возможным ответить мне по затронутому вопросу, то очень обязали бы

Искренне Вас уважающего

А. Семенов»¹⁰.

В неизданной переписке А.А. Семенова с В.М. Беляевым тех лет поднимаются серьезные научные проблемы. Они имеют отношение к изучению средневековых трактатов о музыке, и ныне не потеряли своей значимости. Приведу два

других, обнаруженных мной письма из переписки ученых. Письмо А.А. Семенова В.М.Беляеву (от 1 марта 1936 года):

«Многоуважаемый Виктор Михайлович!

Я полагаю, что Вы совершенно правы, останавливаясь на мысли собирать сведения исторического характера по музыке Узбекистана. Источники этого рода имеются и в них помимо биографических данных есть сведения, характеризующие состояние музыки и положение музыкантов. Не менее того, к этому следует добавить также полемическую литературу, вызванную существованием в исламском мире двух течений: одно допускало музыку, другое исключало ее совершенно из обихода /были и такие пуритане, что не считали возможным вводить ее в обиход ритуала и потому считали нечестием употребление музыки и пения/ т. наз. сима/ дервишескими орденами на их радениях/. Кое-что в этом отношении Институт наметил к исполнению в плане на 1936 г.

В труде Файзи Рахамин, по-моему, интересно добавление астрологического порядка, трактующее о связях индийской музыки с небесным планом. В библиотеке Эдинбургского ун-та есть очень интересная рукопись-альбом с изображениями, сделанными гуашью, $\frac{3}{4}$ групп фигур, олицетворяющих индийские раги, рагини, путри и т.п. с соответствующими подписями и объяснениями.

Недавно Е.Е. Романовская привезла из Бухары безымянный трактат музыкального характера, позаимствованный, по-видимому, из сборной рукописи. Судя по очень поверхностному его рассмотрению – это, кажется, слова к бухарским макомам. Вещь, во всяком случае, небезынтересная. Предполагаю ею заняться.

Я не сомневаюсь, что Вы будете на предстоящей музыкальной конференции Узбекистана, и тогда я буду рад переговорить лично с Вами по ряду вопросов. Пока же позвольте закончить строки пожеланием Вам всего наилучшего от Уважающего Вас А. Семенова»¹¹.

В ответном письме (от 9 марта 1936 г.) Беляев пишет:

«Многоуважаемый Александр Александрович !

Очень рад был Вашему письму от 1.III. Особенно приятно мне было услышать, что исторические данные об узбекской музыке довольно значительны и обильны. Выявить их – первейшая задача нашего времени.

Соображениям астрологического порядка в восточной музыке посвящены специальные работы в европейской литературе. Коснуться их, конечно, необходимо. Интересны также и рисунки /в меньшей степени/. Но все, же главное не в них, а в самой музыке. Всякий трактат мертв, если мы не можем, хотя бы представить строение той музыки, о которой он говорит. Это всегда нужно иметь в виду при работах над исследованием источников и вспомогательных материалов.

Судя по моим наблюдениям, Средняя Азия и в первую очередь Узбекистан обладают наибольшими богатствами в области письменных источников о музыке. Ни в Казани, ни в Баку нет ничего подобного тому, что имеется у Вас. Весьма интересны, конечно, бухарские материалы Е.Е. Романовской. Если это тексты Шаш макома, то один список их у меня имеется. Но тут получается опять очень серьезное положение. При работе над записью Шаш макома, В.А.Успенский по указаниям Фитрата, не записал его текстов под нотами. В результате этого получилось, что, даже, обладая этими текстами в их полном виде, записанными отдельно, мы не можем соединить их с музыкой, что снижает ценность записи Шаш макома в весьма значительной степени, делает их неполноценными и лишает их значения точных научных материалов.

Возможно, что я буду на конференции в Ташкенте. Тогда, конечно, нам удастся, вероятно, повидаться и поговорить, как следует.

Ваш всегда»¹².

Трактаты о музыке на персидско-таджикском языке составили основную часть научного наследия А.А. Семенова в

области музыкального востоковедения. Кроме уже упомянутых выше разделов о музыке из энциклопедий Фахр ад-Дина Рази и Мухаммада ибн Махмуда ал-Амули, ученый перевел также следующие средневековые сочинения, имеющие отношение к музыкальной культуре мусульманского Востока: трактат о музыке «Канун» («Канон») Зайн ал-Абидина ал-Хусайни (XV в.), посвященный Алишеру Навои¹³; раздел о сама‘ (суфийском слушании) из труда Мухаммада ал-Газали (1058 – 1111) «Кимийа-йи са‘адат» («Философский камень счастья»)¹⁴; раздел о музыке из персидского толкового словаря «Гийас ал-лугат» («Помощь в объяснении слов») Мухаммада Гийас ад-Дина (XIX в.); раздел о музыке из индийской энциклопедии «Матла‘ ал-‘улум ва маджма‘ ал-фунун» («Восход теоретических наук и собрание практических знаний») Ваджида Али (XIX в.); работу «Мовлана Каукаби и его «Коллийат», состоящую из исследования о Наджм ад-Дине Кавкаби и перевода сборника поэтических текстов к макомам¹⁵; «Бухарский музыкальный трактат анонимного автора»¹⁶; перевод поэтических текстов к Шашмакому по одному из рукописных сборников под общим названием «Записи текстов Шаш-макомов»¹⁷; сокращенное изложение персидско-таджикского текста фундаментального «Трактата о музыке» среднеазиатского музыканта, теоретика музыки и поэта Дарвиша Али Чанги (вторая половина XVI – 20-е годы XVII в.)¹⁸.

Не все переводы А.А. Семенова равноценны в научном отношении. К не завершенным в полной мере относятся переводы трактатов, сложных в музыкально-теоретическом плане (с применением математических средств изложения), таких как раздел о музыке из энциклопедии Мухаммада ибн Махмуда ал-Амули и «Канон» ал-Хусайни. На это существовали серьезные объективные причины: отсутствие опыта перевода средневековых трактатов о музыке мусульманского Востока на русский язык (здесь А.А. Семенов был первопроходцем) и неразработанность понятийно-

терминологической системы средневековой музыкальной науки. Им «сопутствовала» теоретическая неготовность молодого советского музыковедения к полноценному сотрудничеству с востоковедом-переводчиком, к научному осмыслению выполняемых им работ. Совместная работа А.А. Семенова и В.М. Беляева над совершенствованием переводов не была завершена, и они остались в своем «первозданном виде» в библиотеке НИИИ и в архиве Академии наук Республики Таджикистан (после отъезда А.А. Семенова в 1951 г. из Ташкента в Душанбе). Возможно, что научной работе не благоприятствовали изменения в деятельности НИИИ: его закрытие в 1936 г. и преобразование в научно-исследовательский кабинет при Ташкентской консерватории; открытие в 1940 г. и закрытие в 1941, сокращение финансирования и др.

Переводы и другие научные работы А.А. Семенова содержат немало глубоких и тонких наблюдений и идей, которые не потеряли своего значения и в наши дни. Интересной представляется, например, оценка А.А. Семеновым взглядов Мухаммада ал-Газали, известного мыслителя и реформатора исламской доктрины. Раздел о слушании из его сочинения «Кимийа-йи са‘адат» («Философский камень счастья») ученый считал «одним из первых по времени трудов, излагающих вопросы музыкальной эстетики»¹⁹.

А.А. Семенов первым обратил внимание на реформаторский характер творческой деятельности Наджм ад-Дина Кавкаби и внес большой вклад в изучение его наследия. Еще в 1941 г. исследователь объявил о наличии рукописей трактатов Кавкаби и о планах НИИИ по их переводу и исследованию²⁰. Он посвятил Кавкаби специальную работу под названием «Мовлана Каукаби и его «Коллийат», которая осталась неопубликованной²¹. Она состоит из небольшого введения и основной части – перевода поэтических сочинений Кавкаби и сборника стихов (баяз) для исполнения макамов. В основу работы легла рукопись небольшого тракта-

та о музыке неизвестного автора и сборника стихотворений для исполнения в Бухарском Шашмакоме (№ 1466/I-II в собрании Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан). А.А. Семенов считал эту рукопись одним целым сочинением, состоящим из научной и поэтической частей, и полагал, что она составлена Кавкаби и относится к XVI в. На этом основании ученый сделал вывод о том, что формирование Шашмакома произошло в XVI в. при участии Кавкаби, который реформировал систему 12 макомов²². Это мнение А.А. Семенова было пересмотрено его учеником И.Р. Раджабовым, объяснившим причины допущенной ошибки в датировке рукописи и ее интерпретации. Им было предложено датировать появление Шашмакома XVIII в., а саму сборную рукопись, переведенную А.А. Семеновым, – XIX в. Тем не менее, исследование ученым наследия Кавкаби во многом сыграло положительную роль в развитии музыкального востоковедения. Не вызывает сомнений оценка А.А. Семеновым Кавкаби как музыкального реформатора. Им впервые было переведено на русский язык поэтическое сочинение Кавкаби «Куллийат». Долгие годы основным источником фактических данных о Кавкаби был «Трактат о музыке» Дарвиша Али Чанги в сокращенном изложении А.А. Семенова.

А.А. Семенов первым приступил к исследованию и переводу сборников поэзии для исполнения макомов, так называемых баязов. Он дал им ясное научное определение, отметив связь многих из них с развитием классической музыки в Средней Азии – макоматом²³. Исследованию баязов ученый посвящает большую работу «Бухарский музыкальный трактат анонимного автора». Она состоит из перевода на русский язык двух разных трактатов-баязов – неполной рукописи, привезенной Е.Е. Романовской из Бухары в 1936 г. и аналогичного сочинения большого объема, обнаруженного им в Публичной библиотеке²⁴.

А.А. Семенову принадлежит специальный доклад по

проблемам источниковедения²⁵. В нем он впервые сформулировал понятие музыкального источниковедения, определил круг проблем и основных источников по истории музыки Средней Азии. Об отдельных периодах истории музыкальной культуры Среднего Востока им опубликовано несколько научных статей²⁶.

Широкую известность в музыковедении получил единственный прижизненно изданный переводческий труд А.А. Семенова – сокращенное изложение персидско-таджикского текста «Трактата о музыке» Дарвиша Али Чанги (вторая половина XVI – 20-е годы XVII в.). Публикация этого сочинения часто рассматривается как главная научная заслуга исследователя. На него десятилетиями ссылались в своих работах советские и зарубежные музыковеды. Он дал исследователям ценный музыкально-исторический материал для разработки различных вопросов истории музыкальной культуры Средней Азии, отдельных специальных тем – науки о музыке, среднеазиатского макамата и др. И хотя и эта работа А.А. Семенова во многом уже устарела, она выполнила свою миссию. Благодаря ей музыкальная общественность Таджикистана и Узбекистана впервые получила достаточно целостное представление о музыкально-историческом процессе в городской культуре Средней Азии, о существовании в прошлом богатой музыкальной культуры со своими традициями, исполнительскими школами и выдающимися персоналиями – музыкантами, теоретиками музыки, ценителями и покровителями музыкального искусства.

Трудно сказать, каким путем пошло бы развитие советского музыкального востоковедения, если бы все труды А.А. Семенова были опубликованы в свое время. Но и в своем рукописном виде они широко привлекались советскими музыковедами в публикациях по истории средневековой науки о музыке, истории музыкально-теоретической и эстетической мысли, макамату и т.д.²⁷ Работы

А.А.Семенова оказали заметное влияние на развитие советского музыкального востоковедения и, в особенности, на исследование письменных памятников средневековой музыкальной культуры – трактатов о музыке.

ПРИМЕЧАНИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ

- ¹Инициатива приглашения принадлежала музыковеду Е.Е. Романовской (1890 – 1947). Подробнее см.: Джумаев А. «Радости бытия высокого порядка». Александр Семенов – исследователь культуры Средней Азии // Восток Свыше. – Ташкент, 2012, выпуск XXVIII, октябрь – декабрь. – С. 65-81.
- ²Фитрат. Узбек классик мусикаси ва унинг тарихи. – Самарканд-Ташкент, 1927.
- ³Сведения о книге Фитрата А.А. Семенов включил в свою работу: Семенов А.А. Библиографический указатель восточной и европейской литературы о восточной музыке. – Ташкент, 1938. Рукопись библиотеки НИИИ АН РУз, МИ. – С-30, Инв. № 13, № 109. – С. 38. Рукопись «Указателя» А.А. Семенов представил в НИИИ в 1938 году, когда книга Фитрата была уже изъята из научного обращения, а сам он был репрессирован. О Фитрате и его книге см.: Джумаев А. Открывая «черный ящик» прошлого // Музыкальная академия – М., 2000 – № 1 – С. 89-103.
- ⁴«Сочинения по музыке на персидском языке, хранящиеся в рукописном фонде ГПб УзССР и впервые мною описанные» (работа не опубликована). См. о ней: Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов (Научно-биографический очерк). – М., 1971 – С. 174.
- ⁵Государственная библиотека Узбекской ССР имени Алишера Навои. 1870 – 1970. – Ташкент, 1977. – С. 183.
- ⁶Семенов А.А. Библиографический указатель ... Ук. соч. С. I.
- ⁷Там же. С. I.
- ⁸См.: Фахруддин-Ар-Разий. Учение о начатках музы-

ки. Перевод с персидского проф. А.А.Семенова. – Ташкент, 1940. Рукопись библиотеки НИИИ АН РУз, С – 30, № 232 – С. 1-11.

⁹Переписка проф. В.М. Беляева с В.А.Успенским. Том V-й: 337 – 448 письма (2.I.1933 г. – 27.XII.1936 г.). Ташкент, 1958. Рукопись библиотеки НИИИ АН РУз, М(м), У 77, № 440/5. – С. 150.

¹⁰Семенов А.А. Письма Беляеву В.М. Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М.И.Глинки. Фонд В.М.Беляева. Ф.340, инв. № 5625, пост. 7550, лл. 1-2.

¹¹Переписка проф. В.М. Беляева с В.А. Успенским. Том V... С. 161-162.

¹²Там же. С. 165.

¹³Зэйнулабедин-бен-Мухаммед-бен-Махмуд ал-Хусейни /XVв./ Музыкальный канон. С персидского перевел и примечаниями снабдил проф. А.А.Семенов. –Ташкент, 1944. Рукопись библиотеки НИИИ АН РУз, МП, С-30, № 240. См. издание: Зайнулабидин Махмуд Хусейни. Канон теории и практической музыки. Подготовка, исследование, факсимиле рукописи и примечания Аскарала Раджабова. С приложением русского перевода А.А.Семенова. Подготовка и предисловие К.С.Айни. – Душанбе, 1987.

¹⁴Семенов А.А. Ал-Газалий. Взгляды на музыку. Перевод с персидского проф. А.А.Семенова. – Ташкент, 1937. Рукопись библиотеки НИИИ АН РУз, МП, С-30, Инв. 15, № 229. См. публикацию перевода: Беленицкая Н.А., Мальцев Ю.С. Газали и его эстетические взгляды на музыку в сочинении «Кимийа-и саадат»; Мухаммад Газали. О музыке; Термины и выражения, встречающиеся в тексте // Памяти Александра Александровича Семенова. Сборник статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. –Душанбе, 1980. – С. 313-357.

- ¹⁵Семенов А.А. Мовлана Каукаби и его «Коллийат». Очерк. Ташкент, 1947. Рукопись библиотеки НИИИ АН РУз, С-30, Инв. 198, № 107, д. 1.
- ¹⁶Бухарский музыкальный трактат анонимного автора. Перевод с персидского проф. А.А.Семенова. – Ташкент, 1941. Рукопись библиотеки НИИИ АН РУз, МП, Б-94, Инв.83 д. 3, № 234.
- ¹⁷Семенов А.А. Записи текстов Шаш-макомов. Рукопись библиотеки НИИИ АН РУз, МЗ, С-30, № 174. /б.г./. (Правильным названием работы должно быть «Записи текстов Шашмакома» –А.Дж.).
- ¹⁸Семенов А.А. Среднеазиатский трактат по музыке Дервиша Али (XVII века). Сокращенное изложение персидского (таджикского) текста с введением, примечаниями и указателем. – Ташкент, 1946.
- ¹⁹Семенов А.А. Проблемы источниковедения по истории музыки Узбекистана /Доклад, прочитанный 7 октября 1941 г. на объединенном заседании музыкального кабинета Научно-исследовательского Института искусствоведения и профессорско-преподавательского состава Ленинградской консерватории/. Рукопись библиотеки НИИИ АН РУз, шифр МИ С 30, № 106, с. 5.
- ²⁰Там же. С. 14.
- ²¹Семенов А.А. Мовлана Каукаби и его «Коллийат»... Ук. соч.
- ²²Впервые об этом см.:Семенов А.А.Проблемы источниковедения... Цит. соч. С.13-14.
- ²³Семенов А.А. Предисловие // Собрание восточных рукописей АН УзССР. Том II. Под редакцией и при участии члена-корреспондента АН УзССР, действительного члена АН ТаджССР, доктора исторических наук, профессора А.А.Семенова. – Ташкент, 1954. – С. 10-11.
- ²⁴Бухарский музыкальный трактат... Ук. соч. С. 1-2.
- ²⁵Семенов А.А. Проблемы источниковедения... Чит. соч.
- ²⁶Семенов А.А. К истории узбекской классической музыки

// Литература и искусство Узбекистана – Ташкент, 1938 – № 3; Музыка Герата в эпоху Навои// Литература и искусство Узбекистана. Кн. 6. – Ташкент, 1940; Гератское искусство в эпоху Алишера Навои // Родоначальник узбекской литературы. Сборник статей об Алишере Навои. – Ташкент, 1940.

²⁷К переводам и исследованиям А.А. Семенова обращались известные музыковеды: В.М. Беляев, Е.Е. Романовская, С.М. Векслер, В.С. Виноградов, Ильяс Акбаров, Ф.М. Кароматов, Ю.Г. Кон, Т.С. Вызго, И.Р. Раджабов, А. Раджабов, Д.А. Рашидова и многие другие.

**А.А. СЕМЕНОВ О ДУХОВЕНСТВЕ И
ИХ ОТНОШЕНИИ К ГРАЖДАНСКОМУ
ОБРАЗОВАНИЮ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ**

Как один из очагов древнейшей цивилизации, Средняя Азия всегда притягивала внимание ученых разного направления, но периодом интенсивного изучения истории и культуры региона, несомненно, является XIX век. Так как именно в этот период и, прежде всего усилиями российских ученых, начинается последовательное изучение истории Средней Азии. Учитывая это, академик В.В. Бартольд писал, что Средняя Азия для европейской науки стала доступной только в результате политических событий XIX в. и соперничества между Англией и Россией, а до этого времени регион был известен в Европе как «Тартария»¹.

В изучении истории и культуры Средней Азии, одним из основоположников, которого по праву является В.В. Григорьев, особое место занимает академик Александр Александрович Семенов. Выпускник Лазаревского института восточных языков Москвы со знанием трёх восточных языков связал свою судьбу со Средней Азией и всю свою жизнь посвятил изучению истории и культуры народов этого региона. Он не только занимался изучением истории края, но и внес огромный вклад в подготовку научных специалистов, был создателем школы ориенталистики, через которую прошли несколько поколений научных работников.

А.А. Семенов, как и другие русские ученые, большое значение придавал исследованию истории Бухарского эмирата. Из 62 работ по истории и культуре региона, опубли-

¹ Бартольд В.В. Состояние и задачи изучения истории Туркестана. // Сочинения. Т. IX. – М., 1977. – С.511.

кованных еще в дореволюционный период и, которые принесли ему широкую известность, 15 непосредственно были посвящены истории и культуре Бухарского эмирата. В дальнейшем данная проблема занимала существенное место в исследованиях этого незаурядного исследователя. Особое внимание он уделял вопросам сословной структуры Бухарского общества, истории ислама и его ветвям суфизму и исмаилизму.

Место и положение отдельных сословий в иерархической лестнице Бухарского ханства, всегда находились в центре внимания исследователя. Это отчетливо наблюдается в таких его работах, как «Средняя Азия. Очерк»,¹ «Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза»², «Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов»³, «Очерк поземельно – податного и налогового устройства б. Бухарского ханства»⁴, «Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени»⁵, «К прошлому Бухары»⁶, а также, в многочисленных опубликованных и неопубликованных статьях, рецензиях и путевых заметках.

Академик, А. Семенов разделяет население Бухары на крестьян (дехканов), кочевников – скотоводов (сахронишин, чорводор), горожан (шахрнишин или хисори). В свою очередь горожан квалифицировал на ремесленников (косиб),

¹ Семенов А.А. Средняя Азия. Очерк. – М., 1900. Второе издание. – М., 1910.

² Семенов А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903.

³ Семенов А.А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир ислама. – Т.1. – № 4. – СПб, 1912.

⁴ Семенов А.А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства // Труды САГУ, серия 2. – Выпуск 1. – Ташкент, 1929.

⁵ Семенов А.А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Труды АН ТажССР. – Т.25. – Сталинабад, 1954.

⁶ Семенов А. А. К прошлому Бухары // В кн.: Садриддин Айни. Воспоминания. – М.-Л., 1960. – С.980-1015.

купцов (точир, савдогар) и представителей служилого сословия (амальдор). Согласно определению, особую социальную группу составляли духовенство (уламо) и многочисленные дервишские корпорации.¹ Представители этого сословия от других слоев общества отличались по одежде: большой белой кисейной чалмой, пышными халатами из банораса. Они обувались в сапоги на тонкой подошве без каблуков – ичиги, поверх, которых надевали кожаные туфли – кафш.²

Анализируя внутреннюю структуру бухарского общества, А. Семенов отмечает, что духовенство было наиболее влиятельным сословием в ханстве и к нему принадлежали судьи (кази), муфтии, аламы, ахунды, раисы, мударрисы и все приходские имамы или мулы.³ «Духовенство, – пишет он, – представляло очень сплоченную корпорацию, спаянную одним неподвижным духом мусульманства, покоящимся на непреложных велениях единого божественного закона, называемого шариатом».⁴ Утверждая существование духовенства как самостоятельное влиятельное сословие Бухары, известный исследователь бухарской городской жизни О.А. Сухарева, так же отмечает, что духовное сословие состояло из сеидов и ходжей и уламо в ряды которого попадали богословы и законоведы.⁵ Сеиды и ходжи считали себя «священным сословием» и противопоставляли себя другим слоям бухарского общества.⁶

О значении этих терминов среди исследователей существует различные мнения. Например, В.В. Бартольд считает, что письменные генеалогические сведения, на которых основываются притязания ходжи, носят на себе следы поддел-

¹ Семенов А. А. К прошлому Бухары. – С.982.

² Там же. – С.982.

³ Семенов А. А. К прошлому Бухары. – С.987.

⁴ Там же.

⁵ Сухарева О.И. Бухара XIX – начало XX в. (Позднефеодальный город и его населения). – М., 1966. – С.183-184.

⁶ Там же. – С. 184.

ки.¹ На сомнительность генеалогии бухарский сейидовуказывает и А. Семенов, который пишет, что «претендентов на право считать себя потомком пророка было много».² Ходжи как сословия в средние века не играли политической роли, их возвышение началось после прихода к власти Шейбенидов³, а в XIX в. даже государям приходилось насильно брать себе в жены девушек из ходжей, чтобы будущие государи могли называть себя «сейидами».⁴ Поэтому, эмиры Бухары возводили свое родословие к мусульманскому пророку и к своим титулам прибавляли эпитет «сейид»⁵.

Влияние духовного сословия в Бухаре на все социальные группы было определяющим, и даже эмиры при решении особо важных государственных дел получали «совет» и согласие их влиятельных представителей, и всегда старались не вступать в конфликт с этой корпорацией. Примером тому могут послужить последствия конфликта эмира Абдулахада (1885-1910) с духовенством, в результате которого эмир навсегда покинул Бухару и переселился в Кармине.⁶

Но следует заметить, что привилегированное положение занимали только знатные сейиды и ходжи, представители которых назначались на высокие должности, главным образом духовные. Наиболее знатные из них в Бухаре были ходжи Джуйбари⁷, из которых «формировались кадры ала-

¹ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. // Соч. Т. 2. Ч.1. – М., 1963. – С.276.

² Семенов А. А. К прошлому Бухары. – С.993.

³ См. Камол Хамза. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчака в Мавераннахр и Хорасан (XVI в.). – Душанбе, 2012. – С.303-312.

⁴ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. – С. 276.

⁵ Кисляков Н.А. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX – начала XX вв. – М.-Л., 1962. – С.34.

⁶ Семенов А. А. К прошлому Бухары. – С.987 – 988.

⁷ См. Вяткин В.Л. Шейхи Джуйбари // Сб. «В.В. Бартольду». – Ташкент, 1927; Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов. – М., 1954; Семенов А.А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре // Семенов А.А. Избранные сочинения. – Душанбе, 2013; Сухарева О.И. Бухара XIX – начало XX в.

мов, шейх-ул-исламов, чиновников (амалдоров) и военных (сипохийон)».¹ При этом согласно мнению О. А. Сухаревой всегда потомки принадлежащих одному роду известных ходжей оказывались в равном положении, часто многие располагавшие крупные доходы, занимали в обществе положение соответственно своему достатку и профессию, немало из них занимались ремеслом или крестьянством.²

В категорию улема также входили представители высшего слоя духовенства – теологи, правоведы, мударрисы, представители юриспруденции, знатоки шариата – кази и муфтии. К этой же категории относились и потомственные ишаны, руководители суфийских орденов, их помощники и последователи, рядовые священнослужители, профессионалы – праведники, хранители священных мазаров, а также учащиеся медресе.³

О духовенстве и ее внутренней структуре писали многие исследователи, но наиболее подробно об этом писал А. Семенов, сделавший последовательный анализ. Не случайно О.И. Сухарева писала, что после революции благодаря ценным работам этого исследователя об административном устройстве освещена и религиозная жизнь Бухарского эмирата.⁴ Исследования А. Семенова всегда основаны на всестороннем анализе письменных источников и опросных материалов, беседах и личных наблюдений самого автора. Он не только подробно освещает внутреннюю структуру сословий духовенства, но одновременно дает историю их происхождения, положения в иерархической лестнице и их роль в позднефеодальном обществе Бухарского эмирата. В том числе в его работах освещены и положения народного образования в эмирате, отношения бухарского ду-

(Позднефеодальный город и его населения). – М., 1966.

¹ Семенов А.А. Бухарский трактат о чинах и званиях... – С.169.

² Сухарева О.И. Бухара XIX – начало XX в. – С.184-186.

³ Сухарев О.И. Указ. соч. – С.287.

⁴ Там же. – С.290.

ховенства к народному образованию в конце XIX – начала XX вв.

Народное образование в Бухарском эмирате полностью находилась в руках мусульманского духовенства. А. Семенов, анализируя роль и место этого сословия в бухарском обществе, констатирует, что союзу опору духовенство находило в многотысячной корпорации студенчества, в так называемых мулло-бачах, учащихся многочисленных бухарских медресе.¹ Вместе с тем бухарское духовенство умело использовало настроение талибилмов (учащихся) медресе для смещения неугодных ему высших сановников ханств или устранения того или иного нежелательного явления в общественной жизни страны.² «Никакая свежая мысль, никакое новшество или даже намек на него, – пишет А. Семенов, – не могли проникнуть в эту окаменелую в своей неподвижности среду»³.

Характерная особенность традиционной системы образования второй половины XIX и начала XX веков, как и в предыдущие периоды, заключалось в том, что она не являлась государственной. Государство не принимало участия ни в финансировании, ни в руководстве существующих систем образования. Поэтому, дело народного образования всех слоев населения находилось в руках духовенства, различных благотворителей и частных лиц. Естественно в таком состоянии, традиционные учебные заведения не могли снабдить светскими знаниями и, по сути, не готовили светских специалистов.

Положение народного образования в период правления представителей мангытской династии, особенно последних правителей, еще более ухудшилось. Об этом писали Ахмад Дониш, Садриддин Айни, Мирзо Абдулазими Сами, Мирзо Сиродж Хаким и др. Например, С. Айни пишет, что эмир-

¹ Семенов А. А. К прошлому Бухары. – С.988.

² Там же. – С.989.

³ Семенов А. А. К прошлому Бухары. – С.987.

Музаффар (1860-1885) и его преемник Абдулахад (1885-1910) держали «народ в темноте, убивая все живое и прогрессивное».¹ В период правления Абдулахада (1885-1910) управление делами улемой было передано казикалану-Бухары, который «подчинил себе не только крупные улемы, он надел оковы своей власти и на учащихся медресе»².

Подробный анализ состояния медресе, преподавания учебных предметов, положения мудarrisов и студентов в конце XIX века изложен в трудах С. Айни «Воспоминания», «Таърихи инкилоби Бухоро» («История бухарской революции») и «Таърихи инкилоби фикри дар Бухоро» («История интеллектуальной революции в Бухаре»)³. Согласно его сведениям, в бухарских медресе конца XIX века, даже в местосредневековых предметах и учебниках преподавали несколько ненужные хошия (комментарии к комментариям) или дебоча (введение), которые были составлены самими мудarrisами или их учителями; из учебного процесса полностью были изъяты геометрия, история и медицина; даже не во всех медресе преподавали такие религиозные предметы, как хадис (мусульманское приращение о пророке) и тафсир (комментарии к Корану); все кельи или худжры (комнаты, где проживали студенты медресе) превратились в собственность улемов; место знающих и способных мудarrisов заняли неграмотные и фанатичные преподаватели; одновременно с ограничением программ обучения медресе были ликвидированы важные и крупные библиотеки города.⁴

Естественно в таком состоянии медресе не могли готовить не только знающих и грамотных людей, они даже, не могли предоставить полный курс религиозного образования.

¹ Айни. С. Судьба одного народа. // Соч. Т.6. – М., 1975. – С.315.

² Айни С. История мангытских эмиров. // Соч. Т.6. – С.305.

³ Айни С. Таърихи инкилоби Бухоро. – Душанбе, 1987; Его же: Таърихи инкилоби фикри дар Бухоро // Куллиёт. Ч.14. – Душанбе, 2005.

⁴ Айни С. Таърихи инкилоби Бухоро. – С.9-17.

И поэтому лица, окончившие полный и частичный курс обучения, в основном, пополняли ряды религиозных служителей административно-государственного аппарата или становились имамами мечетей. Часть из них оставалась при медресе, занимая должность мударриса.

Именно такое состояние народного образования края вынудили прогрессивную часть интеллигенции к проведению реформы в системе народного образования ханства и организации новометодных школ. Действительно в условиях господства отсталого средневекового общественного порядка и социально-экономического строя, а также усиления феодально-клерикальной религиозной идеологии, зарождение просветительства и критика существующих основ этого общества были прогрессивными явлениями. Представители передовой интеллигенции не только жестко критиковали основы патриархально-феодального общества, но и предлагали способы выхода из создавшегося положения. Прежде всего, они предлагали реформу в области народного образования, преподавание светских и точных наук в место старых и ненужных религиозных предметов, подобно европейской системе обучения.

Но главными противниками новометодных школ вступало клерикальное духовенство, которое вело ожесточенную борьбу против не только школ, считая ее нечистой, антирелигиозной, т.е. харом, но и против всякого новшества и изменения. А. А. Семенов отмечает, что эта сплоченная группа иногда в важных государственных делах не боялась заявлять эмирам своевластное «нет» и не раз вынуждала эмиров изменить или отменить принятое решение¹. Именно это сословие препятствовало открытию новых школ и распространению светских знание в ханстве. В сентябре 1917 года А. Семенов с российским резидентом в Бухаре посетили последнего эмира Бухары Сейид Алим-хана, по

¹ Семенов А.А. К прошлому Бухары. – С. 987-988.

вопросу не чем оправданного закрытия бухарских новометодных школ. Эмир, признавая незаконность этого действия, заявил, что он, ни чем не может помочь, так как против этих школ выступило бухарское духовенство во главе с кази-калоном. Когда А. Семенов и российский резидент обратились к кази-калону Бурхануддину, то он наотрез отказался от выдачи разрешения на функционирование мактабов, ссылаясь на то, что все новометодные школы находятся в руках джадидов¹.

Представители духовенства, прежде всего с целью сохранения своего господства в сфере образовании, распространили слух о нечистоте новых школ и ее противоречии с каноном ислама. Хотя в ходе дискуссии местные просветители не раз доказывали, что такие школы не являются «нечистыми», а наоборот они имеют преимущество по сравнению со старым мактабам. Даже для доказательства этого проводились открытые уроки и экзамены.

Борьба между новой и старой системой обучения получила иногда очень острый характер. Представителям новометодных школ пришлось для доказательства новой системы обучения над старым использовать страницы средств массовой информации, печатать в защиту новой школы разные произведения, в том числе появился ряд художественных произведений. Наблюдая за этим, А. Мунзим заметил, что главные противники новой школы духовенства, увидев результат обучения в школе и боясь показать несостоятельность существующей системы образования, заставили даже тех, кто был сторонником нового метода обучения, пойти на закрытие школы.² С. Айни резко осуждая действия духовенства, писал, что «эти герои шариата (!) ни разу не заглянув в старые школы, и не думая об унижительном положении мусульман», выступают против инициативы несколько про-

¹ Там же. – С.988.

² Айни С. Таърихи инкилоби Бухоро. – С.34.

священных людей, которые только хотят организовать школу для мусульманских детей, с целью получения знаний и усвоения грамоты.¹

Таким образом, в Бухарском эмирате в результате сильного сопротивления мусульманского духовенства прогрессивная система образования не получила должного развития. Она не могла подняться на тот уровень, которая имела в мусульманских регионах России, и сопредельных мусульманских странах, в том числе в Туркестанском крае. Положение духовенства в Бухарском эмирате и отношение населения к этому сословию отражает следующая оценка А.А. Семенова: «Духовенство не пользовалось симпатиями широких масс. В представителях духовенства, особенно в судьях, муфтиях и других, население Бухары видело только бессовестных людей, решавших за взятки дела, как им было выгодно».²

¹ Там же. – С.67.

² Семенов А.А. К прошлому Бухары. – С.990.

*Лариса ДОДХУДОЕВА
Таджикистан*

**ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВА
К МИХАИЛУ АНДРЕЕВУ
(1899 г., 1912 г.)**

Судьбы двух российских, советских исследователей Александра Семенова (1873-1958 гг.) и Михаила Андреева (1873-1948 гг.) нередко переплетались, как в науке, так и личной жизни, в процессе создания различных культурно-просветительских, образовательных и научных обществ и подразделений, подготовки местных национальных кадров. Более того, их связывали узы крепкой личной дружбы с юности, свидетельством чему может служить их переписка, хранящаяся в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан.

Письма А.А. Семенова – яркие свидетельства того, что оба ученых состояли в той команде официальных представителей России – военных и гражданских чиновников, которая проводила первые исследования Средней Азии, обусловленные государственно-политическими интересами империи.¹

Пять писем Александра Семенова к Михаилу Андрееву, которым уже более ста лет, хранятся в личном фонде последнего и представляют особый научный интерес в силу своей уникальности. До настоящего времени они не были введены в научный оборот и пока остаются неизвестны исследователям.² Более того их содержание проливает свет на

¹ Дружневский Г.В., Кирио Л.Б. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии// Императорская археологическая комиссия(1859-1917гг.)/Ред.-сост. Мусин А.Е.,Под общ.ред. Е.Н. Носова. – СПб, 2009. – С.783.

² Додхудоева Лариса Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева(архивные документы). – Душанбе, 2013. – С.13.-14.

взаимоотношения выдающихся ученых и позволяет корректировать сложившиеся представления об их жизни и деятельности в конце XIX-начале XXв.

Несмотря на то, что оба исследователя были ровесниками, А.Семенов обращался к своему коллеге весьма почтительно, начиная свои письма исключительно такими словами, как «многоуважаемый, премногоуважаемый, глубокоуважаемый». Заканчивал же он свои послания не менее яркими выражениями «Всегда Ваш благожелательный», «Искренне Вас уважающий», «Всегда искренне Вас уважающий» и т.п. Эти знаки внимания свидетельствуют о том, что автор был исполнен особого почтения к своему коллеге-одногодке, ценил и чтит его достижения в науке, человеческие качества.

Первое письмо было отправлено А. Семеновым М. Андрееву 28 октября 1899 г. из Ташкента. В нем А. Семенов сожалеет, что много раз заходил к другу, но не мог его застать. Затем автор подробно рассказывает о рукописи «Зидж-и гургани Улугбек» (Астрономические таблицы Улугбека») 847г.х./1443г., которая была им случайно приобретена.

А. Семенов указывает, что списки этого сочинения широко известны ученому миру Европы и перечисляет собрания: «наша Академия (Российская), 1 – 2 экземпляра – в Британском музее». Далее он пишет, что, по мнению проф. К.Г. Залемана и профессора из Лондона Дженсона Росса, все эти манускрипты представляют позднейшие копии, тогда как имеющийся у него вариант относится к 847/1443г., т.е. ко времени царствования Мирзы Улугбека., убитого в 853г./1449г. Опираясь на тот факт, что Улугбек закончил составление своего трактата в 841г./1437г., он заключает, что «эта рукопись, копирована при жизни автора, следовательно, не без ведома автора созданная, может и не подлинник, но представляет одну из первых копий, в чем и заключаются достоинства рукописи».

Далее А. Семенов пишет, что «книга эта, как видно по прилагаемой фотографии (следовательно, он послал М. Андрееву фотографию письменного источника), написана на старинной шелковой бумаге почерком насталик. Судя по тому, как изящно была реставрирована рукопись, она находилась в руках людей, знающих ей цену». Всего в ней 200 листов, и большую их половину составляют таблицы.

А. Семенов подробно излагает историю данной рукописи. По его словам, ранее она принадлежала бухарскому казыхакану Кашти-и Шаиту. Затем ею владел его самаркандский потомок «казы калан Абул-хай-ходжа». До 1879 г. она была в библиотеке его внука, сына Абусаида, Омара Хаджи, изучавшем, по рассказам самаркандцев, историю астрономии, о чем свидетельствуют его печати в книге, а также таблицы, составленные им, и его дополнения.

В 1873 г. книга была приобретена полковником Арендаренко¹ (Г.А. Арандаренко) в бытность его начальником уезда в Самарканде, а в 1894 г. она была куплена А. Семеновым в числе других у туземца Аль-Махсума, который распродал всю туземную библиотеку полковника. После осмотра рукописи проф. К.Г. Залеманом и Россом² и полным описанием ее, сделанным последним в Лондоне, Британский музей предложил за рукопись 1000 рублей. А. Семенов назначил большую сумму, и музей отказался ее купить. В свою очередь К.Г. Залеман отправил А. Семенову телеграмму о том, что из – за отсутствия денежных средств он также не может приобрести список.

В виду личных обстоятельств сам А. Семенов вынужден

¹ Генерал-майор Арендаренко (Арандаренко) Георгий Алексеевич (род. 1846 г.), назначенный в 1874 г. начальником уезда Самаркандской области, в 1901 году – военным губернатором Ферганской области Туркестана, (1901-1904). Он написал несколько трудов по этнографии, истории Туркестана, самым известным из которых является сочинение «Досуги в Туркестане». – СПб. 1874 – 1889.

² Известный иранист Залеман Карл Германович (Карл Густав Герман) (1849-1916 гг.).

был расстаться с нею и искать другого покупателя на манускрипт, но, с условием, чтобы она осталась именно в России. О рукописи было доложено уже генералу-губернатору М.У. Шанявским и было решено, что она будет представлена в Париже на выставке.¹ Возможно, видя в М. Андрееве последнюю надежду, он обращается к нему с просьбой предложить приобрести этот манускрипт своему патрону А.А. Половцеву с тем, чтобы данный раритет не покинул границ России за сумму, которую предложил Британский музей.

Здесь письмо обрывается. Но информация, изложенная в сохранившейся его части, позволяет многое узнать по различным проблемам. Прежде всего, о самой рукописи, которую А. Семенов описывает в своем послании М.С. Андрееву. Трактат «Астрономические таблицы Улугбека, сына Шахруха, сына эмира Тимура Гургана» была закончена группой мусульманских астрономов, работавших в Самарканде под руководством султана в его обсерватории 1 мухаррама 841 /5 июля 1437 г. В подготовке трактата принимали участие многие выдающиеся учёные Средней Азии, в том числе Ал-Каши и Ал-Кушчи. Каталог содержит сведения о 1018 звездах, которые распределены по 38 созвездиям. Трактат «Зидж-и Улугбек» считается наиболее точным и полным звездным каталогом своего времени и превосходит работы выдающихся предшественников Птолемея, Ас-Суфии астрономов в Мараге по объёму информации, содержащейся в нем:

Согласно исследованию И. Невской, в предисловии трактата нашло отражение и вся сложность обстановки в Самарканде в первой половине XV в., когда султан Улугбек, гонимый реакционным мусульманским духовенством, был вынужден ссылками на Коран доказывать свое право зани-

¹ Государственный музей Востока. Туркестань в старых фотографиях и керамике. Материалы выставки. – Москва, 2007. – С. 44.

маться астрономией. Предчувствием близкой трагической гибели автора пронизаны заключительные строки предисловия, в которых Улугбек обращается к своим читателям будущих поколений.¹

Судя по палеографическим особенностям рукописи, изложенным в письме А. Семенова, это сочинение действительно не утратило своего научного значения и для другого поколения ученых. Ведь среди хозяев рукописи он упоминает основателя научной школы Мир Абулхайа (кози Шала) (1756-1827гг.), который был назначен судьей Самарканда и занимал эту должность в течение 40 лет. Его сын Абусаид ходжа (ум. 1849 г.) был известным ученым, занимал пост судьи города и являлся автором книг по фикху и каламу. Его воззрения, а так же интерес к исторической науке, книжное собрание оказали большое влияние на формирование реформаторских идей татарского просветителя Марджани (1818-1889гг.).²

Упоминание в письме имени М.У. Шаньявского в связи с выставкой не случайно. Очевидно, имелась в виду Всемирная выставка в Париже 1900, где были представлены различные произведения искусства и ремесла из Средней Азии. В тот период существовала практика сбора различного рода артефактов генерал-губернаторами, военными, чиновниками различных рангов и художниками, как для собственных коллекций, так и по долгу службы для выставок «туземных товаров» в различных городах.³ Таким образом, в истории этой рукописи переплелись судьбы различных выдающихся

¹Невская И. Предисловие к «Зиджу Улугбека» (перевод XVIII в.)// Развитие методов астрономических исследований. – Москва-Ленинград, 1979. – Вып.8. – С.8.

² См. подробно :Маликов А.М. Культура Самарканда в конце XV111-первой половине XIXвв.//InmemoriamYuriZuev. Культурно-исторические процессы в Центральной Азии (древность и средневековье) – Алматы, 2012. – С. 296.

³ Государственный музей Востока. Туркестань в старых фотографиях и керамике.... С.44.

деятели культуры :ученых самаркандской школы 1половины XVв., XVIII -начала XIXвв., российских чиновников, знавших толк в библиографических редкостях.

Письмо было написано А.А. Семеновым тогда, когда ему, как и М.С. Андрееву, было 26 лет. Согласно содержанию письма, оба молодых ученых жили тогда в Ташкенте. К тому времени А.А. Семенов окончил Пединститут в Тамбове, проработал заведующим Конобеевским 2-х классным образцовым училищем. В 1897 г. он побывал у кочевых туркмен и месяц прожил в Бухаре, впечатления о которой изложил в статье «В святой Бухаре: (Путевые очерки)», опубликованной в «Русских ведомостях.»¹ Через год в 1898г.он принял участие в экспедиции в Верхний Зеравшан и Припамирье, организованной под руководством известного путешественника, этнографа и искусствоведа А.А. Бобринского, совершил путешествие по Бухарскому эмирату, свои впечатления о котором позже в 1902г. опишет в статье «По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 г.)».² Но он еще не издал первой своей важной научной работы «Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии» 1900 г.³ и не окончил Лазаревского Института восточных языков в г. Москве, который лишь в 1901г. наградит своего выпускника золотой медалью.

М. Андреев же в то время уже третий год состоял секретарем при Александре Александровиче Пóловцове (также Пóловцов младший) (1867-1944гг.), русском дипломате, этнографе, ориенталисте, занимавшегося эпиграфикой, и

¹ Семенов А. В святой Бухаре: (Путевые очерки) // Русские ведомости. – 1899. – № 332, 351.

² Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 г.) // Исторический вестник. – Т. 87. – 1902. Подробно см. Худоназаров Д.Н. Памирская экспедиция графа А.А. Бобринского 1895-1901гг. Фотот Н.В. Богоявленского. Этнографический альбом. – Москва, 2013. – С. 54.

³ Семёнов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Ч. I. Грамматический очерк и памятники народного творчества. – М., 1900. – С. 19-54.

владевшего коллекцией антиков. В 1896г.он был командирован в Ташкент для изучения состояния и задач переселенческого дела в Средней Азии и Закавказье, и М.Андреев, стал его постоянным спутником, во многом разделяя его научные интересы и склонность к меценатству. Не удивительно, что А. Семенов обращается с просьбой о содействии именно к своему другу, который мог склонить своего патрона, ценителя раритетов, к покупке рукописи. Нам неизвестно, состоялась ли сделка или нет. Среди рукописной коллекциисамого А. Семенова в Доме-музеи Института истории, археологии и этнографии Академии наук Республики Таджикистан она не значится.

В 1906 г. А. А. Семенов переводится из Ашхабада в Ташкент в канцелярию Туркестанского генерал-губернаторства и практически сразу же вводится в состав Наблюдательного комитета за ведением дел Туркестанской публичной библиотеки и музея. С 1911 г. он работает в качестве чиновника дипломатической службы, затем вице-губернатором Самаркандской области. Четыре его письма к М. Андрееву 1912г., хранящиеся в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, свидетельствуют о нем, как о замечательном библиофиле, страстном собирателе письменных памятников Востока. Он уже начал сотрудничать с бадахшанскими исмаилитами, которым посвятил одну из своих первых статей в сборнике «Мир ислама».¹

М. Андреев же с лета 1908 г. находился в Индии «для производства разведок», хотя официально он считался приехавшим для изучения местных языков. Сначала он работал в качестве переводчика консула и внештатным вице – консулом России в Пондишери, столице французских колониальных владений в Индии и Индокитае.² Он активно со-

¹Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир Ислама. – Т. 1. – № 4. – СПб., 1912. – С.523-561;

² ЗагородниковаТ.Н. Служба в Индии чиновника для усиления личного

бирал рукописи и произведения искусства по просьбе старшего этнографа Кунсткамеры в Санкт-Петербурге Л.Я. Штеренберга для музея, общее количество которых в целом составило более 1000 единиц. В 1913г. М.Андреев передал Императорской Академии наук 16 рукописей, в связи, с чем Непременный секретарь Академии выдающийся индолог С. Ольденбург направил ему благодарственное письмо за предоставленные манускрипты, «написанные исчезающим ныне в Индии письмом».¹

Неудивительно, что второе письмо А. Семенова, написанное им в Ташкенте 6 февраля 1912г., ярко отражает кипучую деятельность М. Андреева в это время. В своем послании он сначала пишет, что регулярно получает открытки друга из Порт Саида, телеграммы из Калькутты, информацию о дурбарах Джалалабада для генерал –губернатора.

Далее он рассказывает, как продвигается реформа Туркестана. «Здесь все тихо и спокойно, и реформа Туркестана откладывается в далекий, видимо, ящик. Отчет совещания под председательством госконтролера по выработке принципов нового положения об управлении Туркестаном, год назад составленный, был прислан министерством в январе к подписи генерал-губернатора. Потом его пошлют другим участникам, потом вышлют в Совмин, а затем будет назначена комиссия по выработке положения и пр., пр.».

А. Семенов спрашивает у М. Андреева согласен ли тот быть редактором « Туркестанских новостей», должность которого относится к VI классу, а жалование составляет 31 рубль с лишком в год, плюс готовая квартира и отопление. Да к тому же положение довольно независимое. Зная, каким неутомимым коллекционером и знатоком письменных источников был М. Андреев, он просит его выслать рукопись

состава Главного управления Туркестанского края.// Вклад М.С. Андреева в изучение истории и этнографии таджикского народа. Мат-лы межд. конф. – Душанбе, 2013. – С. 12. (в печати).

¹ Додхудоева Лариса. Научное наследие ...С.26-27.

«Хафт кулзум».¹ В то время А. Семенов и М. Андреев уже были женаты, так как в письмах указано, что супруга А. Семенова² передает поклоны и приветы М. Андрееву и желает тому скорейшей встречи с женой.

Другое письмо А. Семенова отправлено из Ташкента в Пондишери (Индия) 2 апреля 1912 г. Как сам он пишет, это его ответ на письмо друга от 6 марта, в котором он просит уже не искать книгу «Хафт кулзум», так как он приобрел более старое ее издание.

А. Семенов сообщает, что с женой часто вспоминает рассказы М. Андреева о заморских странах и отправил ему кое-что из министерской почты, о получении которой просит сообщить. Они его жена ждут приезда Андреева, о котором последний страстно мечтает, и желает ему скорейшей встречи с собственной супругой.

В следующем письме, направленном А. Семеновым из Ташкента в Пондишери 26 апреля 1912 г., он указывает, что получил книги, в том числе и «Далил ал – арифин», «Намей-и данешверан». Далее он пишет :

«В Ташкенте стоит прохладная погода. И мы с теплом вспоминаем Вас, пребывающим в горячей Индии. В Петербурге, Вы, вероятно, знаете из газет, царит весьма неопределенное настроение, подогреваемое слухами неприятного свойства: история с ленскими промыслами, разоблачение нашей контрразведки, колоссальный неурожай» и пр.

Согласно сообщению А. Семенова, генерал-губернатор предполагает выехать в Петербург с управляющим канцелярией, где будет рассматриваться вопрос о введении нового положения по управлению Туркестаном. Какое, в конце концов, будет дано заключение, пишет он, «знает алла премудрый». Он особо подчеркивает, что «теперь модный вопрос о сужении юрисдикции народных судов или о совер-

¹ Вероятно, речь идет о сочинении Кабул Мухаммада «Хафт кулзум».

² Агриппина Ивановна Семенова – супруга А.А. Семенова.

шенном их упразднении» и просит «черкнуть, что представляют собой народные суды в Индии».

В последнем своем послании от 24 июня 1912 г. из Ташкента, А. Семенов спешит поблагодарить М.С. Андреева за рукопись, которую получил, приводит отчет о высланных М. Андрееву деньги за книги.

Он выражает удовлетворение, что его коллега уже получил подтверждение о вручении его письма генералу Самсонову,¹ который с 1909 г. являлся генерал-губернатором Туркестанского края. А. Семенов объясняет, что он вначале думал, что письмо М. Андреева тот получит в апреле, когда предполагалась поездка в Петербург, и просил друга повременить с отправкой послания и прислать его в Ташкент. Он советует следующее: «Теперь посылайте, т.к. генерал туда не поедет до ноября, и ваше письмо попадет ему прямо в руки».

Известная только им двоим персона, которую они называли «калькuttский разбойник», о котором М. Андреев упоминал в своих письмах 23 мая-5 июня, по словам А. Семенова, прислал через свое министерство сообщение. В нем он указывает на то, что М. Андреев никакого с ним дела не имеет, живет сам по себе, и потому корреспонденцию последнему надо высылать по определенному адресу, «а то-де англичане подозрительны».

Далее А. Семенов сообщает, что благодаря содействию М. Андреева, у него много копий сочинений Ширази и просит не присылать ему предлагаемую рукопись «Хафт кулзум», так как у него есть более ранние копии. Однако он по-прежнему ждет от М.С. Андреева книг из «Индии богатой» и прилагает список тех, которые ему хотелось бы иметь в

¹ Самсонов Александр Васильевич (1859-1914 гг.) – русский государственный и военный деятель, генерал от кавалерии. Туркестанский генерал-губернатор (1909-1914 гг.), командующий войсками Туркестанского военного округа и наказной атаман Семиреченского казачьего войска.

своей библиотеке. А. Семенов сожалеет, что Андрееву приходится жить «в столь адском климате» и желает ему поскорее переселиться в Ташкент навсегда.

Как видим, в письмах 1912 г. отражена непростая социально-политическая обстановка в России, где начали вспыхивать народные волнения. А.А. Семенов упоминает о трагических событиях 4(17) апреля 1912 года на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в районе города Бодайбо, где в результате расстрела рабочих правительственными войсками пострадало до 500 человек, 270 человек погибло.

Интересны сообщения А.А. Семенова о реформе Туркестана, которая продвигалась чрезвычайно медленно. Автор указывает на некоторую монотонность жизни в Ташкенте, где бюрократия, как и в Санкт-Петербурге, весьма медленно решает организационные вопросы.

Известно, что в 1909г. новый генерал-губернатор А.В. Самсонов застал край в тяжелейшем положении, в связи, с чем подготовил доклад, содержащий его видение развития региона. Интересно, что А. Семенов спрашивает М.С. Андреева о юрисдикции народных судов в Индии, поскольку в Ташкенте умы волновала идея об их упразднении. Между тем генерал Самсонов предлагал резко повысить юрисдикцию народного суда. В 1912г. главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин после своего посещения Туркестана писал, что в крае требуется перестройка форм управления с целью создания «нового Туркестана». ¹Именно эти новые идеи, вероятно, имел в виду А. Семенов, когда писал о колониальной реформе. В письмах можно найти и намеки на разведывательную деятельность, которую вел М. Андреев, и отчеты о которой он направлял военному составу царской России.

¹ Подробно см.: Мамадалиев А. Россия и Средняя Азия: особенности колониально-административной системы управления во второй половине XIX – начале XX вв. – Худжанд, 2013. – С.288-290.

Интересен вопрос А.А. Семенова о том, согласен ли М.С. Андреев стать редактором газеты «Туркестанские ведомости»¹, которая, как известно, издавалась в Ташкенте с 1870г. и являлась органом официальных структур. Особый интерес представляли опубликованные в ней материалы по истории, археологии, этнографии и культуре Средней Азии. В газете сотрудничали В.В.Бартольд, Л.С.Берг, И.В.Мушкетов, В.Ф.Ошанин, Н.А.Северцов, А.П.Федченко. Кандидатура М.С. Андреева, как нельзя лучше соответствовала предъявляемым к редактору требованиям. Нам неизвестно по каким причинам он так и не стал руководить газетой. Но, как известно, в конце 1912-1913гг издание переживало тяжелое финансовое положение, нехватку средств и даже возникла опасность закрытия газеты. Это, возможно, и заставило обратиться к М.С. Андрееву, уже широко известному к тому времени чиновнику и ученому. Однако, по всей видимости, должность редактора совсем его не прельщала. Однако из письма А.А. Семенова можно заключить, что М.С. Андрееву была предложена эта должность.

В целом письма А.А. Семенова 1899г. и 1912г. из личного фонда М.С. Андреева в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, представляют несомненный интерес для современных ученых в силу того, что его документы являются подлинными историческими раритетами. Они принадлежат тому времени, когда началось систематическое изучение историко-культурных памятников Средней Азии и предоставляют нам возможность увидеть в едином историческом ряду смыслы эпохи и биографий выдающихся ее интеллектуалов Александра Семенова и Михаила Андреева.

¹ Газета «Туркестанские ведомости» первая российская газета в Средней Азии, которая издавалась в Ташкенте в 1870-1917, вначале – 1 раз, с 1893 – 2 раза, в 1904-1906 – 4 раза в неделю, далее – ежедневно.

**ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ
ДВУХ ВОСТОКОВЕДОВ: ПЕРЕПИСКА
А.А.СЕМЕНОВА С Б.Г.ГАФУРОВЫМ**

Многолетняя трогательная дружба, общение и сотрудничество связывали Б.Г. Гафурова с А.А. Семеновым. Тесное научное сотрудничество с этим выдающимся знатоком среднеазиатских письменных исторических источников, археологии, эпиграфики, этнографии, нумизматики, искусства много дали Б. Г. Гафурову и сыграли большую роль в его научном росте.

В Центральном Государственном архиве Республики Таджикистан в личном фонде Б.Г. Гафурова хранятся несколько писем А.А. Семенова к Б.Г. Гафурову. Письма А.А.Семенова к Б.Г.Гафурову относятся к 1946-1953 гг. К сожалению, не все ответы Б.Г. Гафурова к А.С. Семенову сохранились или, во всяком случае, пока не обнаружены. В Центральном научном архиве Академии наук Республики Таджикистан в личном фонде А. А. Семенова также находятся несколько писем Б. Г. Гафурова к А. А. Семенову.

Анализ этих писем вводит исследователя в мир научных и общественных связей А.А. Семенова и раскрывает некоторые факты биографии ученого, дающие представление о чертах человека, исследователя и общественного деятеля.

Письма позволяют полнее представить отдельные этапы научной и общественной деятельности А. А. Семенова. Ведь только письма по – настоящему открывают мир в научную лабораторию ученого, знакомят с процессом его работы и с проблемами, над решениями которых А.А.Семенов начал работать еще со студенческих лет. Именно письма А.А Семенова раскрывают его повседневную жизнь, отношение к людям, формирование его как ученого-

востоковеда, способствуют выявлению новых штрихов его биографии.

По своему содержанию и форме многие письма представляют большой интерес, являясь откликом современника на многие научные и общественные явления за более чем пятьдесят лет его активной творческой деятельности.

В письмах А. А. Семенова чувствуется, что он человек дела, чья личная, жизнь полностью растворилась в работе, энергичной деятельности по твердо намеченному плану – последовательного изучения и создания истории и истории культуры народов Средней Азии в целом, и таджикского народа в частности.

Переписка А. А. Семенова и Б. Г. Гафурова – это история исторической и востоковедческой науки в Таджикистане 40-х и 50-х гг. прошлого столетия, она дополняет страницы истории создания научно-исследовательских учреждений, подготовки высококвалифицированных научных кадров и формирования научного центра в нашей республике.

Профессору Семенову

Уважаемый Александр Александрович! ЦК КП(б) и Совнарком Таджикистана приняли решение о создании в течение 1941-43 гг. «Истории таджиков и Таджикистана» в двух томах, общим объемом до 80 авторских листов. 1-го июля текущего года (т. е. 1941 г.) в Сталинабаде созывается по этому вопросу совещание, на которое приглашаются научные работники – востоковеды из Москвы, Ленинграда, Ташкента и других городов.

Убедительно просим Вас принять участие в работе совещания и непосредственно в создании «Истории таджиков и Таджикистана».

О Вашем согласии просим телеграфировать.

Все расходы будут оплачены нами.

С приветом,

Секретарь ЦК КП(б) Таджикистана Гафуров.¹

Искренне уважаемый Бободжан Гафурович!

После благополучного прибытия в Ташкент разрешите мне принести Вам еще раз свою сердечную благодарность за Ваше радушие, гостеприимство и то внимание, которым я был окружен за время своего пребывания и Сталинабаде. Это никогда не изгладится из моей памяти.

Вчера видел работу Е.К. Бетгера по библиографии Таджикистана и довольно подробно познакомился с нею. У него она вся уже переписана набело, всего вышло 400 страниц, на них помещено перечисление 1787 названий трудов, все с краткими аннотациями, причем для трудов на иностранных языках – аннотации более подробные. Ко всему приложены отличные указатели. Вообще работа очень хорошая и важная и если ее отпечатать, то получили бы превосходный вклад в науку, тем более, что – насколько мне известно, – ни в одной из местных республик такой библиографии пока в свет не вышло.

Здесь вышло постановление СМУЗССР (я его, правда, еще не видел) о создании Библиографической комиссии при АН УзССР, целью которой является составление библиографии Узбекистана. Вероятно, это займет много времени, так как все работы коллективов очень громоздки. Надеюсь, что если Вам потребуется какая-либо научная помощь, Вы уведомите меня хоты бы по линии Тадж. ФАНа. Я постараюсь это исполнить для Таджикистана.

Крепко жму Вашу руку, и искренне уважающий Вас и остаюсь благодарным А. Семенов.²

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Правительство Таджикской Республики действительно присвоило Вам звание Заслуженного деятеля науки.

Искренне поздравляю с присвоением Вам этого почетного звания, дорогой Александр Александрович!

Ведь мы все знаем, что большая часть Вашей жизни уш-

ла на изучение истории и истории литературы таджикского народа. Вы по праву принадлежите таджикам, и они считают Вас своим выдающимся, талантливym ученым.

Но многие научные работники Таджикистана не понимают – почему Вы не приезжаете в Сталинабад. По правде говоря, это и мне не понятно.

Своим приездом Вы бы нас всех искренне обрадовали, и это принесло бы большую пользу для науки. Самым подходящим временем для Вас я считал бы апрель месяц пока еще не жарко. Согласитесь – Сталинабадская весна очень хороша!

Приезжайте. Ждем. Жму крепко руку.
Ваш Гафуров.³

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Приношу свое глубокое извинение за то, что на Ваше письмо от 3 января я отвечаю с таким опозданием: дело в том, что я получил его только вчера, после возвращения из длительной командировки. С Вашим предложением о дате рождения и смерти Носир Хисроу я согласен. Поэтому прошу считать, что в телеграмме произошла ошибка – речь идет не о 750-лети, а именно 950-лети.

950-ю годовщину со дня рождения великого таджикского мыслителя Носира Хисроу, я думаю, надо будет отметить в 1953 году. До юбилея, таким образом, остается 4 года. За этот срок вполне возможно подготовить к изданию основные его произведения. Безусловно, большую часть этой работы мы сможем выполнить только при Вашем активном участии.

С дискуссией по поводу истории таджикской культуры Вы, очевидно, знакомы. Надо смелее восстановить право таджикского народа на свое культурное и историческое наследство.

Сейчас в Сталинабаде установилась теплая весенняя погода. Мы с нетерпением ждем Вашего приезда. И вообще

было бы весьма желательно, чтобы Вы свое обещание выполнили полностью!

С приветом, искренне уважающий Вас, Б. Гафуров.

7 апреля 1949 года, г. Сталинабад.⁴

Глубокоуважаемый и дорогой Бободжан Гафурович!

Недавно я получил из Института истории АН СССР (Москва) письмо с просьбой выступить в качестве официально-го оппонента на защите Вашей докторской диссертации «История таджикского народа». По получении положительного ответа вышлют диссертацию. Я ответил согласием. Но сейчас впал в раздумье и хочу поделиться с Вами следующими возникшими у меня мыслями: Я не знаю, что это за диссертация? Если это печатный Ваш труд «История таджикского народа в кратком изложении» (Т. 1. 1949), то может ли она пойти в качестве докторской диссертации, принимая во внимание перипетии с докторской диссертацией М. М. Дьяконова (учебное пособие)? Может быть, уже есть определенная договоренность с Институтом истории по этому поводу и в таком случае, кто прочие оппоненты, вероятно, уже намеченные? А может быть Ваша докторская диссертация имеет совсем другое содержание и я ошибаюсь, считая ее за вышедший недавно Ваш труд? Помнится мне, что в декабре 1949 г. Вы мне говорили, что готовите докторскую диссертацию по Советскому периоду Таджикистана, может быть Институт истории разумеет этот последний труд?

Я очень много задал Вам вопросов, но мне весьма было бы желательно знать о содержании диссертации и о фамилиях прочих оппонентов. Предварительно же, до того, как я напишу отзыв, мне весьма желательно переговорить с Вами, как автором диссертации, по некоторым вопросам. Когда все ясно, – легче и увереннее писать отзыв как предварительный, так и развернутый (отзыв оппонента).

Я предполагаю приехать в Сталинабад в мае и мне хоте-

лось бы повидать Вас и переговорить об упомянутых вопросах. Не сомневаюсь, что Ваше соображение лишь устранили бы все нелепости. Поэтому я был бы признателен Вам, если бы Вы дали указания Институту истории, на какие числа мая мне приехать, чтобы застать Вас в Сталинабаде. Некоторые одамы⁵ здесь получили было указание написать на «Историю таджикского народа» суровый отзыв, но в связи с большими здешними переменами изменили этот отзыв на благоприятный (Вы его читали). Так говорят!

Вчера получил из Ленинграда известие, что отредактированный мною перевод Рашид ад-Дина (части I и II 1-го тома) сдан в печать, – очевидно, летом придется просидеть за редакцией и примечаниями 2-го тома.

«Мукимханская история» и «История Убайдуллохана» тоже сданы в печать. За последними пришлось больше месяца просидеть, внося поправки и дополнения, а также изменения в предисловие и примечание, так как за 15 лет, прошедших со времени окончания мною этих переводов, многое в науке открылось новое. Отсюда не надо залеживаться не только сочиненному, но даже и переводу с научным аппаратом, потому что все стареет.

Извините за длинное письмо: старости свойственна болтливость.

Сердечно желаю Вам всего наилучшего!

Искренне Вас уважающий А. Семенов.⁶

Дорогой Александр Александрович!

Вчера я разыскивал Вас по телефону, чтобы поздравить с Новым годом, но дозвониться не смог.

Разрешите, пусть с опозданием, передать Вам мои сердечные поздравления и пожелать доброго здоровья на долгие годы и новых больших успехов на благо советской науки.

Прошу Вас также передать мой привет Вашей супруге и поздравить ее с наступившим Новым годом.

С глубоким уважением Гафуров Б.⁷

Глубокоуважаемый и дорогой Бободжан Гафурович!

Обращаюсь к Вам с большой личной просьбой: не откажите по примеру прошлого года устроить мне получение путевки в Kisловодск, в санаторий им. А. Горького АН СССР, на двух лиц (я с дочерью) на время 1-5 июля.

Может сейчас рано об этом заботиться, не знаю. Я прошлый год в конце января писал об этом письмо тов. Постнову, заведующему врачебно-санаторной части АН СССР он сначала обещал, а потом отказал. Помогли лишь Вы.

В ближайшие дни выходит том «Известий АН Таджикской ССР», весь посвященный истории. Он давно был нами сдан в печать, предисловие к нему Вы редактировали: задерживался выходом в свет по незначительным причинам. В феврале же предполагаем выпустить 1 т. «Долины Хуф». Весь набор готов, все указатели составлены, рисунки подобраны; сейчас хлопочу об отпуске лучшей бумаги через Госплан. Том выйдет тиражом в 1000 экземпляров, из коих 500 будут в папках, 500 другие в коленкоровых переплетах. Вещь, по моему мнению, получается монументальная.

Другой монумент, которого не имеет ни одна республика в Средней Азии – «Библиографический указатель литературы по Таджикистану», т. 1 (35 печ. листов), сейчас заканчивается проверкой и корректированием переписанной рукописи. В марте отдадим в печать.

Сегодня мне передали в ЦК, что в составе Института утвержденный «Сектор искусствоведения». Это очень хорошо, но очень желателен также и Сектор рукописей, которого пока нет.

Помещение под Институт нам дали по Куйбышевской улице, но не полностью: левое крыло внизу (5 комнат) хотят отвести на отделы экономики и энергетики. Не знаю, куда я дену новый сектор.

От всей души желаю Вам хорошо подлечиться, отдохнуть хорошенько и работать без помехи над Вашим люби-

мым делом – составлением 2-го тома истории Таджикистана и разработкой проблем.

С сердечным приветом искренне Вас уважающий
А. А. Семёнов.⁸

Здравствуйте дорогой Александр Александрович!

Письмо Ваше получил. Очень доволен, что Ваша работа идет успешно. Радостно также за работу М. С. о Хуфе (т. е. М. С. Андреев), которая наконец увидела свет.

Я все время думаю только о втором томе. Очевидно, в 1953 году работа над вторым томом истории Таджикистана будет основным моим занятием.

Относительно путевок можете не беспокоиться, сделаю все, чтобы за Вами забронировали две путевки в Кисловодск.

Прошу передать привет Вашей супруге и моим коллегам, работающим под Вашим руководством.

Крепко жму Вашу руку. Уважающий Вас Гафуров.⁹
25 февраля 1953.

Глубокоуважаемый Бободжан Гафурович!

Не могу не написать Вам, что позавчера говорил я в АН Уз. ССР, в Президиуме, по поводу программы по среднеазиатской сессии, посвященной вопросам истории Средней Азии. Здесь этой программой недовольны, как и недовольны и списком московских докладчиков, говорят, что выставлены какие-то «малые боги», нет крупных столичных сил. Отсюда написали, чтобы сняты были 2 вопроса: 1. О сущности патриархально-феодальных отношений у народов Средней Азии и Казахстана и 2. О периодизации истории Средней Азии. Следовательно, на повестке останутся 3 вопроса: 1. О реакционной сущности панисламизма и пантюркизма. 2. О восстании в Андижане в 1898 г. и 3. О восстании 1916 г.

У меня возникла мысль, стоит ли собирать людей из-за

этого, т. к. и 1898 г. и 1916 г. много раз обсуждались. Но мне сказали, что здесь, в Узбекистане, есть многие товарищи, которые не имеют определенного мнения о сущности этих восстаний.

Из всех разговоров у меня создалось такое впечатление, что Институт истории АН СССР этой сессией хочет показать, как его историки, выехав в Среднюю Азию «вправили там мозги» местным историкам для наилучшего и более правильного понимания ими важнейших проблем и наиболее актуальных по истории Средней Азии.

Сейчас читал план 1954 года Института истории АН Армянской ССР, археология и этнография в нем представлены немногими темами, но за то по истории предусматривается разработка 23 больших тем (у них в отделе истории много сотрудников). Здесь, между прочим, очень довольны, что Вы дали согласие участвовать в сессии. По-видимому, согласятся с Вашим временем – устроить сессию в январе, хотя сами намечают – 25 декабря, но полагают, что о сроке всегда можно договориться.

Меня несколько беспокоит тема диссертации К. А. Богомоловой в смысле ее направления и вполне правильного марксистского освещения. И я был бы очень Вам признателен, если бы Вы иногда уделяли ей немного время для советов. Разумеется, это не должно быть руководство со всеми вытекающими из этого последствиями, а только консультация. И еще потому полагаю, что Вам не нужно быть руководителем, что тов. Богомоловой нужно защитить диссертацию в Сталинабаде.

Вы могли бы выступить в роли первого оппонента.

Крайне благодарен Вам за Вашу помощь в приведении в порядок внешнего вида нашего Института. Все было сделано скоро и хорошо. Теперь остались лишь худые крыши под кладовой и гаражом.

Примите мои наилучшие Вам пожелания.

Искренне Вас уважающий благодарный А. Семенов.¹⁰

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Институт востоковедения АН СССР организует издание сборника статей, посвященного памяти выдающегося ученого-востоковеда чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса.

Просим Вас в ближайшее время сообщить, сможете ли Вы принять участие в этом сборнике и на какую тему Вы сумеете представить статью.

Объем статьи – до 1 авт. л., срок представления – март 1958 г.

Директор Института востоковедения АН СССР– Академик АН Таджикской ССР Б. Гафуров.¹¹

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Письмо Б.Г. Гафурова А.А. Семенову от 22 мая 1941 г.// Центральный научный архив Академии наук Республики Таджикистан. –Ф.7. – Оп.3. – Д. 9. – Л.43.
2. Письмо А.А. Семенова Б.Г. Гафурову от 19 мая 1946 г.// Центральный Государственный архив Республики Таджикистан (далее: ЦГА РТ). – Ф. 177.–Оп. I. –Д. 25. ит – Л. I.
3. Письмо Б. Г. Гафурова А. А. Семенову от 15 марта 1946 г. //Архив Академии наук Республики Таджикистан. – Ф. 7. –Оп. 3. – Д. 13. – Л. 116.
4. Письмо Б. Г. Гафурова А. А. Семенову от 7 апреля 1949 г. // Архив Академии наук Республики Таджикистан. – Ф. 7. –Оп. 31. –Д. 113. –Л. 192.
5. Одамы – т.е. люди. Это слово А.А.Семенов пишет на таджикском языке и выделяет особым каллиграфическим почерком.
6. Письмо А.А. Семенова Б.Г. Гафурову от 21 апреля 1950 г. // ЦГА РТ. –Ф. 117. –Оп. 1. –Д. 25. –Л. 2-3.

7. Письмо Б. Г. Гафурова А. А. Семенову от 1 января 1952 г. // Архив Академии наук Республики Таджикистан. – Ф. 7. –Оп. 3. –Д. 13. –Л. 126.
8. Письмо А. А. Семенова Б. Г. Гафурову от 25 февраля 1953 г. // ЦГА РТ. – Ф. 177. –Оп. 1. –Д. 9. – Л. 20.
9. Письмо Б.Г. Гафурова А. А. Семенову от 25 февраля 1953 г. // Архив Академии наук Республики Таджикистан. –Ф. 7. –Оп. 3. –Д. 9. – Л. 20.
10. Письмо А.А. Семенова Б.Г. Гафурову от 23 октября 1953 г. // Архив ЦГА Республики Таджикистан, Ф.177 – Оп.1 – Д.25. – Л.6-7.
11. Письмо Б.Г. Гафурова А.А. Семенову // Архив Академии наук Республики Таджикистан. –Ф. 7. –Оп. 3. –Д. 9. – Л. 103.

Виталий РАДЗИЕВСКИЙ
Киев

**АКАДЕМИК А.А.СЕМЕНОВ:
СУБКУЛЬТУРЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОСТИ**

Известнейший исследователь А. Семенов внес весомый вклад в развитие науки в Таджикистане, и других республик Центральной Азии и даже более – на великих просторах Европы и Азии. Трудно переоценить значение академика А. Семенова для развития истории и культуры таджикского народа. Даже далеко за пределами Таджикистана, – например, в далекой Украине, для плодотворного изучения щедрой, богатой культуры и познавательной истории народов Центральной Азии, целесообразно прибегать к научным трудам и к творческой личности академика А. Семенова.

Казалось бы, какая научная рефлексия возможна и какое отношение может иметь выдающийся ученый А. Семенов к субкультурам? Отдельно, в контексте культурологии ни историей, ни теорией субкультур ученый специально и основательно не занимался. И все же академик А. Семенов имеет непосредственное отношение к изучению субкультур и, по нашему мнению, его роль в изучении субкультурологии как особого направления науки еще будет раскрыта. Личность А. Семенова привлекала и привлекает исследователей из различных стран. Изучать личность и научные работы известного академика в связи с исследованиями субкультур – эта тема (которую мы поднимаем и частично рассматриваем) еще ждет своих фундаментальных, достойных открывателей и кропотливых ученых. Тематика изучение вклада академика А. Семенова в историю субкультур со временем заслуживает особые исследования.

Цель статьи – поставить вопрос о важности научного наследия академика А. Семенова и развития теории и истории

субкультур в контексте осмысления актуальных вопросов современности.

В научном дискурсе связанные с субкультурами вопросы изучали многие исследователи из разных стран СНГ: В. Анисимков, Ю. Антонян, Д. Выговский, А. Воронцова, В. Горкина, В. Дремин, А. Костенко, О. Мухин, В. Пирожков, О. Старков, В. Тулегенов, В. Шемякина и т.д.

Следует отметить, что научные и культурные контакты традиционно благотворно и конструктивно влияют на развитие отношений между различными народами. Особое значение в деле укрепления дружеских связей между народами имеют выдающиеся личности. Как пример можно вспомнить русского по происхождению, но посвятившего свою научную деятельность, в частности, становлению востоковедения в Таджикистане академика А. Семенова. В Украине принято называть выдающимися деятелями и сыновьями тех, кто внес вклад в развитие украинской науки, культуры и техники, даже если эти люди родились далеко от Украины и вовсе не украинцы по происхождению. Не будет большой ошибкой назвать и академика А. Семенова верным сыном Таджикистана и, наверное, отдельные вопросы развития исторической науки в современном Таджикистане все еще тесно связаны с этой выдающейся личностью и с его фундаментальным научным наследием.

Смена ментальной парадигмы, обусловленная отказом от модели построения коммунизма и связанная с существенными социокультурными трансформациями, привела многие страны СНГ к социальному, культурному (в том числе субкультурному) и иному расслоению. Эта новая общественная дифференциация имела определенные причины, предпосылки и условия. Этнографические, краеведческие и иные особенности описывал и исследовал, среди многих таджикских ученых, и академик А. Семенов. Например, мы видим, что традиционный костюм таджиков в разных районах мог иметь свои особенности, обладая вместе с тем и

общими чертами. Подобно украинским говорам, наречиям и диалектам, прекрасный язык таджикского народа также имеет ряд особенностей местного характера.

А. Семёнов был крупным специалистом по изучению восточных рукописей и религиозной истории Средней Азии. А. Семёнов осуществил научное описание (каталогизацию) восточных рукописей опубликовав эпиграфические памятники («Надпись на надгробии псевдо-Сейид Омар в Гур-и Эмире в Самарканде», «Надпись на надгробиях Тимура и его потомков», «Надпись на могильной плите бухарского эмира Шах Мурада Масуда» и др.). Среди его переводов и комментариев «Мукимханская история» Мухаммада Юсуфа Мунши, «Убайдулла наме» Мир Мухаммеда Амин-и Бухари, «Дневник похода Тимура в Индию» Гийасаддина Али. В 1952–1963 гг. под общей редакцией А. Семёнова было издано семь томов издания «Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР».

Мы считаем, что в парадигме современной таджикской культурологии и истории, подобно, как в современной украинской, все больше места может со временем быть отведено изучению различных субкультур (особенно в социальных, территориальных, локальных, лингвистических и этнических концептах). А для этого немалое значение имеет изучение этнографических, лингвистических, археологических и иных наработок А. Семенова.

В теории субкультур есть разные классификации субкультур: позитивные, нейтральные и негативные; классические и инновационные; резонансные и нерезонансные; высшие и низшие; национальные и интернациональные; профессиональные, возрастные, территориальные и т.д. Но важно не столько территориальные, лингвистические и иные внешние признаки, а сколько внутренние, духовные, культуuroобразующие доминанты (образ жизни, идеалы, ценности и т.п.).

Взаимовлияние и взаимодонорство древней, богатой и

щедрой культуры народов Центральной Азии и, в частности таджиков, с более молодыми и активными культурами Европы и славянского мира приводило и приводит к взаимообогащению, к расширению и углублению ценного опыта и культурных практик. Древние традиции народов Центральной Азии высоко ценились и ценятся европейскими учеными. В то же время, культуротворческая миссия Европы и ее ученых (в том числе академика А. Семенова) видна на многих примерах со странами Азии. Надо заметить, что Таджикистан и его ученые оказались способными, талантливыми и благодарными реципиентами лучших достижений европейской и мировой научной мысли. Комплексный анализ историко-культурных событий может свидетельствовать, что трансляции европейской культуры стали в новейшее время культуuroобразующим фоном для многих народов и народностей, но вместе с культурой и прогрессом привносились и субкультуры.

Термин «субкультура» стал распространяться в СССР в 80-х гг. XX в. Сначала речь шла о возрастных (детской, молодежной и т.д.) и профессиональных (юридическая, бухгалтерская и т.п.) субкультурах, со временем начали писать и о других субкультурах. Но в творчестве А. Семенова необходимо отметить традиционные субкультуры на уровне различий в многообразии культуры народов Азии и особенно таджикского народа. Речь может идти о разнообразии не только нарядов и костюмов, но и диалектов, наречий, говоров, а шире о внутринациональных и социальных особенностях (субкультуры бедных и богатых и т.д.). Проблемы культурных реликтов Таджикистана, особенности древнего таджикского ареала и «узбекизация» таджиков в Узбекистане (шире – тюркизации); вопросы таджикского языка в Узбекистане; литературный язык таджиков и его различные разговорные языки (язык простонародья и элиты, диалекты и говоры, подобные параллели встречаются нередко). Интересен момент с кириллицей, которая использу-

ется и в Таджикистане, и в Украине. Мне кажется, как в Украине актуальны разговоры о соотношении украинских и русских особенностях, так в Средней Азии могут быть выделены вопросы соотношения глубоких и ценных таджикских и узбекских традиций.

В научном дискурсе украинской культурологии в начале XXI в. особенное место занимает тема субкультур, в том числе в контексте развития национальной культуры в мультикультурном пространстве страны. К сожалению, в украинской гуманитарной науке пока еще недостаточно места отводится освещению роли академика А. Семенова в изучении истории и культуры народов Центральной Азии. Традиционно таджикский и украинский народы плодотворно сотрудничали и очень помогали друг другу, особенно во времена общего советского прошлого и, в частности, в период Великой Отечественной войны. Многие украинцы во время этой войны находились в Центральной Азии, в том числе и в Таджикистане.

К сожалению, я никогда не был ни в Центральной Азии, ни, в частности, в Таджикистане, но эта великая культура и щедрая местность очень близки и дороги мне. Мой научный консультант по докторской диссертации, известный украинский ученый, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки и техники Украины, академик Международной Славянской академии наук Виктор Ефимович Король, работая над докторской диссертацией еще в 1970-е гг., приезжал в Душанбе. Там он восхищался вкусным таджикским пловом, гостеприимством доброго братского таджикского народа, интересными архивными и иными научными материалами. В.Ю. Королю очень понравились глубокие культурные традиции Таджикистана и даже непривычные для европейца уникальные виды и красоты природы. Некоторые мои родственники во время Великой Отечественной войны вынужденно уезжали из оккупированной нацистами Украины и жили в Центральной Азии, сохранив

о ней очень теплые и добрые воспоминания. На праздновании 60-летия образования СССР, в 1982 г. в Киеве, мне, ученику младшей школы, довелось готовить краткое выступление о республиках Средней Азии, в том числе и о Таджикистане.

Радует то, что недавно Эмомали Рахмон велел соотечественникам учить русский язык, напомнив, что русский является одним из шести официальных языков в ООН. Возможно, украинский кадровый потенциал может пригодиться в системе высшего и среднего образования Таджикистана, тем более, что в Украине практически все знают русский язык и многие хорошо говорят по-английски.

Можно констатировать, что немало можно сделать в культурном пространстве СНГ и Таджикистана в частности, при изучении специфики различных субкультур и субискусств, развить мощный потенциал для развития субкультурологии¹. При этом не следует забывать то позитивное культурное влияние Европейских государств, в том числе и Украины, на культурное пространство многих стран, которое они оказывала на протяжении многих столетий. Археологические, этнографические и иные особенности, исследованные А. Семеновым, имеют особое значение в истории субкультур. Отдельная тема – это асоциальные проявления, связанные со сложностями войн и революций², не менее интересна средневековая проблематика субкультур³, в т.ч. в Центральной Азии.

Будучи автором более, чем 200 публикаций («К вопросу о

¹ Радзівський В. О. Про теорію та історію субкультур: нариси до субкультурологій : монографія / В. О. Радзівський. – К. : Видавництво «Логос», 2013. – 276 с.

² Радзівський В. О. Нотатки з субкультури аномій : монографія / В. О. Радзівський. – К. : Видавництво «Логос», 2012. – 368 с.

³ Радзівський В. О. Фітокультура та антианомія як елемент субкультури в ритуалах Середньовічної Русі: нотатки до фітокультурологій та юридікокультурологій : монографія / В. О. Радзівський. – К. : НАКККІМ, 2011. – 227 с.

происхождении Саманидов», «К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи Хорезм-Шахов в XII в. н. э.», «К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана», «Первые шейбаниды и борьба за Мавераннахр (XVI в.)», «Шейбани-хан и завоевание империи тимуридов (XV–XVI вв.)», «Некоторые данные по экономике империи Султана Хусейн – Мирзы (1469–1566)», «К истории дипломатических отношений между Россией и Бухарой в начале XIX века», «Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени», «Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства» и др.) А. Семенов использовал важнейшие. В работе «По границам Бухары и Афганистана» (Путевые очерки 1898 г.). В разделе I (Куляб) А. Семёнов, в частности, отмечает особенности бухарского этикета, интересно пишет о печатях, приводит данные для нумизматов (монеты царей московского периода, великих князей, монеты великокняжеские, императоров и императриц восемнадцатого столетия)⁴. В разделе II (От Куляба до Сарая) отмечает, что охотно покупается русский ситец, пишет о фарфоре, спичках и иных особенностях, вплоть до «поклонов» тиграм и посеве проса⁵.

С сожалением я должен констатировать, что граждане Украины основную информацию о трудах академика А. Семенова могут почерпнуть преимущественно из Интернета. Это может свидетельствовать о необходимости более широкого и всеобъемлющего диалога между нашими странами, укреплением культурных связей и развитием гуманитарной политики, направленной на укрепление дружбы, на взаимодействие и взаимообогащение таджикской и украин-

⁴Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана. (Путевые очерки 1898 г.). I. Куляб // Исторический вестник. – № 3, 1902. – Восточная литература.

⁵Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана. (Путевые заметки 1898 г.). II. От Куляба до Сарая. // Исторический вестник. – № 4, 1902. – Восточная литература.

ской наций. По нашему мнению, Украина и Таджикистан имеют высокий нереализованный потенциал в культурно-гуманитарном сотрудничестве, а личность и творчество А. Семенова как уроженца близких с Украиной территорий – это один из многих мостиков для налаживания дальнейших конструктивных связей.

В научной рефлексии А. Семенова многократно были отмечены региональные, исторические, филологические, этнографические, краеведческие и иные особенности Центральной Азии. Это, соответственно, и свидетельствует не только о многообразии культур, но и о наличии различных субкультур. Хотя А. Семенов и не называл «выпадающие» особенности субкультурами (в СССР термин «субкультура» стал распространяться в научном понятийно-категориальном аппарате спустя много лет после смерти А. Семенова), тезаурус современной теории субкультур может и должен быть обогащен многими материалами из научного наследия А. Семенова. Особенно, это значимо в контексте осмысления актуальных научных вопросов современности.

**А.А. СЕМЕНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ЭТНОГРАФИИ КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА**

Научные интересы А.А. Семенова были весьма обширны. Они охватывали все направления исторической науки и ее вспомогательных ветвей, среди которых особо выделяется этнография.

Повышенный интерес к этнографии горных таджиков у будущего всемирно известного востоковеда проявился еще на раннем этапе его научной деятельности. Будучи студентом Лазаревского института, в 1898 г. по рекомендации своего наставника – директора Института, видного ученого В.Ф. Миллера, он участвовал в научной экспедиции в Среднюю Азию, организованной Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Цель данной экспедиции заключалась в собирании зоологических коллекций и этнографических материалов, а также в изучении народонаселения Верхнего Зерафшана и Припамирья. Экспедицию возглавил известный этнограф А.А. Бобринской, который сам непосредственно должен был заниматься изучением быта населения. Другой член экспедиции – Н.В. Богоявленский проводил антропологические, зоологические и метеорологические исследования. Задача молодого студента А.А. Семенова заключалась в этнографическом изучении местного населения, его языка и фольклора. Результаты данной поездки были обобщены в следующих публикациях: «В священной Бухаре (Путевые очерки)»¹, «Отношение к детям у горных таджиков»², «Из об-

¹ Семенов А.А. В священной Бухаре (Путевые очерки) // Русские ведомости. – СПб., 1897. – 332, 351.

² Семенов А.А. Отношение к детям у горных таджиков // Этнографическое обозрение. – М. – Т.42. – № 3. – С.99-107.

ласти религиозных верований горных таджиков»¹, «Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии»².

Экспедицией был проделан большой объем работы: соби-
рались зоологические коллекции, гербарий растений по
долинам рек Хингоу и Ванча; описывались ледники (на три
из них были совершены восхождения), причем, были откры-
ты ранее неизвестные; проводились метеорологические и
барометрические наблюдения; определялись высоты; про-
изводились антропологические измерения, а также осуще-
ствлялось фотографирование объектов наблюдения.

В 1899 г. А.А. Семенов издает монографический труд
«Средняя Азия», основанный на личном знакомстве авто-
ра с этим краем. В работе над монографией ученый ис-
пользовал большое количество письменных источников.
В 1900 г. А.А. Семенов был избран действительным член-
ом Общества любителей естествознания, антропологии и
этнографии при Московском институте. В мае того же го-
да А.А. Семенов окончил специальный курс Лазаревского
института, получив специальность «арабская и персид-
ская словесность, турецко-татарский язык, история Вос-
тока, русская словесность». Кроме того, он приобрел
практические навыки по турецкому, персидско-
арабскому языкам и восточной каллиграфии. В качестве
дипломной работы А.А. Семенов представил свою выше-
упомянутую в двух частях книгу «Материалы для изуче-
ния наречия горных таджиков Центральной Азии». Книга
получила положительный отзыв, что позволило ему в 1901
г. получить аттестат по высшему разряду. Материалы
экспедиции в 1898 г. были окончательно обобщены в кни-

¹ Семенов А.А. Из области религиозных верований горных таджиков // Этнографическое обозрение. – М. – Т.47. – № 4. – С.81-88.

² Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. – Ч.1: Грамматический очерк и памятники народного творчества. – М., 190. – 56 с.; Ч.2: Памятники народного творчества и словарь. – М., 1901. – 74 с.

ге «Этнографический очерк Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза»¹.

В данной работе А.А. Семенов приводит географический очерк Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза, дает довольно обстоятельные сведения о горных таджиках, об их жилище, быте, занятиях, религиозных верованиях, семейных нравах и приводит образцы памятников народного творчества горных таджиков.

Автор отмечает географическое расположение реки Зеравшан, начиная с ее верхнего течения – ледников Тянь-Шаня с описанием хребтов: Туркестанского, Зеравшанского и Гиссарского, также тянувшихся из Тянь-Шанского горного узла. В частности, А.А. Семенов пишет: «Природа северных склонов трех вышеперечисленных хребтов в сравнении с южными склонами Хисарского хребта, беднее и суровее. Здесь чаще встречаются голые скалы, нагроможденные одна на другую, глубокая и мрачная расселены и сердито ревущие потоки, хотя древесная и кустарная растительность значительно смягчают суровость окружающего пейзажа, особенно там, где такие заросли чередуются с обширными лугами, покрытыми разнообразной травяной растительностью».

Автор не оставляет и без внимания озеро Искандеркуль, расположенное в южной части гор Гиссарского хребта. Описывает расположение озера, его размеры, растительность. Большой интерес вызывает приведенная автором легенда о происхождении озера среди местных жителей: «До прихода Александра Македонского (Искандар-подшо) в Зеравшанские горы, на том месте, где теперь находится Искандар-Куль, был городогнепоклонников (оташпараст), Александр взял город, разрушил его и приказал на этом месте вырыть громадный бассейн и наполнить его во-

¹ Семенов А.А. Этнографические очерки Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – 112 с. Илл. + 11 табл. и карт.

дой. Таким образом, будто бы образовалось озеро Искандер-Куль. Теперь, прибавляют окрестные таджики, «по ночам выходит водный конь (аспи-об) на берег, ест траву, оставаясь насуше до утренней зари».

Что касается легенд, связанных с именем Александра Македонского в данном горном регионе, то они очень распространены. К примеру, все властители, начиная с Каратегина, Дарваза, Шугнана, Рушана и Вахана, вели свою родословную от Александра Македонского.

Далее автор приводит географические сведения о горной области Каратегина, расположенной в горах по среднему течению Вахша (Сурхоб), правого притока Аму-Дарьи. Река Сурхоб, – пишет автор, – «значительный приток Аму-Дарьи, носящий в своем нижнем течении название Вахш, принимает в себя из бесчисленных боковых долин и ущелий множество потоков и речек. По берегам одной из последних (Оби-Гарм – горячая вода) местами находятся горячие серные источники. Самый значительный из них находится в кишлаке Оби-Гарм». Природу долины р. Сурхоб автор называет «цветущим уголком Нагорной Азии. Гранаты, персики, сливы, абрикосы, миндаль и прочие плоды, исполинские чинары, шапкообразные карагачи, раскидистые могучие деревья грецкого ореха, хорошие пастбища с сытым нагульным скотом и многочисленными кишлаками, потонувшие в зелени садов, – свидетельствуют о мягком, теплом климате страны и о большой производительности ее почвы»¹. Резиденцией мира был единственный город Гарм.

Автор приводит данные и о горном Дарвазе. «Дарваз, – пишет он, – соседняя с Каратегином страна. Она лежит на юге от него, по обеим берегам Пянджа. Часть Дарваза по правую сторону (северный Дарваз) занимают западные склоны Памирского плоскогорья: этот край изрезан глубо-

¹Семенов А.А. Этнографические очерки Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – С 4-5. Илл. + 11 табл. и карт.

кими долинами рек: Пянджа и его притоков справа: Оби-Хингоу, Ванджа и Язгуляна (Язгулем. – М.П.) Водоразделами этих рек служат два высоких хребта: Дарвазский, между реками Оби-Хингоу и Ванджем с Пянджем, и Ванджский, – между долинами рек Ванджа и Язгуляна. Третий хребет – Петра Великого, он проходит на севере Дарваза и отделяет долину р. Оби-Хингоу от долины Сурхоба. В верховьях Ванджа все упомянутые горные цепи сходятся в один узел и сливаются с Памирами»¹.

Так же приводятся сведения о трех долинах северного Дарваза, природно-климатических условиях и их отличиях друг от друга.

Что касается южного Дарваза, лежащего на левом берегу Пянджа, то по последнему Англо-русскому соглашению о Памирском разграничении 1895 г., в угоду двум колониальным державам был передан Афганистану. Не вдаваясь в подробности этого соглашения, ограничимся тем, что данный вопрос в той или иной степени находит свое освещение в трудах Н.А. Халфина, Б.И. Искандарова, О.Б. Бокиева, А.В. Постникова, Х. Пирумшоева и др.

Оказавшись в долине реки Ванча автор пишет, что«последняя заключена между двумя хребтами гор: Дарвазским (по правую сторону реки) и Ванджским, отделяющим эту долину от долины р. Язгуляна»². Описывая долину Ванча, ее кишлаки с растительностью и полями, соседствующие с бесплодной каменистой почвой, он пишет: «в низовьях р. Ванджа лежит самый значительный кишлак долины, Калаи-Вандж, или Калаи-Рохарв (крепость Вандж, крепость Рохарв). Укрепления в нем до сих пор довольно хорошо сохранились»³.

По наблюдениям А.А. Семенова, крепость Ванджа «сто-

¹ Там же. С 6.

² Семенов А.А. Этнографические очерки Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – С 8. Илл. + 11 табл. и карт.

³ Там же. С. 8. К сожалению, остатки крепости не сохранились

ит на обрывистом берегу реки, стены местами глинобитные, местами сложены из кирпичей и камней. По бокам лицевой стороны крепости – две полуразрушенных башни. От крепостных ворот сохранились лишь притолки и соединяющая сверху их балка. Этот проход, да еще справа его большая брешь в стене ведут во двор, где неизменные переходы с темными сводами, подпертыми рядами разных деревянных колонн, разделяются высокими и низкими дверями, сплошь покрытыми затейливою резьбой»¹. Автор также приводит краткую историю этой крепости. Продолжая географическое описание долины р. Вандж, А.А. Семенов приводит сведения о разветвленной дороге из этой долины на Калаи-Хумб – главный город Дарваза, и на Язгулям и Рошан, которая дальше вдоль Пянджа переходит в тропу. Местные, по данным автора, называли эту тропу «рои-маймун» (обезьянья дорога). Пробирались по ней могли только опытные местные ходоки. Эта дорога была единственной, не считая перевальных из Ванджа в Язгулем, которые с наступлением холодов становились непроходимыми. По наблюдениям автора, «верстах в пяти от распутия дорог на Рошан и Калаи-Хумб, р. Вандж сливается с темными бурными водами древнего Окса, носящего здесь название Пяндж»².

Дорогу в Калаи-Хумб автор называет «замысловатой, мрачной, извилистой, похожую на винтовую лестницу с содрагающими карнизами, при проходе через которые душа уходит в пятки. Столица всего Дарваза, вместе с тем его единственный город Калаи-Хумб, производит весьма приятное впечатление разнообразием зелени своих садов, белыми домиками и прелестным видом на дальние кишлаки, разбросанные ниже его по реке и выше, по горным склонам»³.

¹ Там же. С 8-9.

² Там же. С 10. Чуть ниже места впадения реки Ванча (Ванчоб) в Пяндж ныне построен мост, соединяющий правый берег (таджикский) с его левым (афганским) берегом.

³ Там же. С 14.

Автора поражала чистота города и уход за ним, также бывший сад дарвазских шахов с ее богатой растительностью. Там же «лежал разбитый каменный трон некогда самостоятельных дарвазских миров, до присоединения его к Бухаре. Местные называют этот сад «Ирям» – райский сад. Так же частично сохранился бывший дворец миров и то полностью перестроенный»¹. Ученый отмечает и каменные чаши. «Чаши находятся, – пишет автор, – в конце той улицы, где стоят казармы, на берегу речки Калаи-Хумб, впадающей в Пяндж. Обе сделаны из цельного камня, каждая в диаметре имеет аршина полтора-два, в глубину пол-аршина. Одна чаша с открытым краем лежит на улице, а другая – в нескольких саженьях от первой заделана в угол каменной ограды чего-то сада, так что виден один лишь ее край»².

Указывая на сохранение у местных людей легенды о каменных горшках, А.А. Семенов так же приводит историю их происхождения, якобы связанную с Александром Македонским. Он же приводит и другое распространенное сведение об их происхождении. Согласно последнему народному приданию, каменные горшки сделаны «лет 200 тому назад одним выходцем из Кашгара, чтобы толочь и растворять в них различные краски для окрашивания хлопчатобумажных тканей, и что этот кашгарец впервые научил подобному искусству дарвазцев»³.

Во второй главе своего труда А.А. Семенов приводит сведения о горных таджиках, населяющих эту горную область. Своих предков местные называли «оташпараств», т.е. огнепоклонники, принадлежащие к зороастрийской религии. Основываясь на это предание, автор пишет, что «едва ли мы ошибемся, если признаем настоящих обитателей упомянутых стран за иранцев. В этом, кроме того нас убеждает и их

¹ Там же С.15-16.

² Семенов А.А. Этнографические очерки Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – С 16-17. Илл. + 11 табл. и карт

³ Там же. С 17.

язык, более старый, чем тот, которым говорят современные персы»¹.

Что касается мнения местных о заселении Дарваза, А.А. Семенов пишет: «Все туземцы Зеравшана, Каратегина и отчасти Дарваза говорят, что их предки пришли сюда то из под Самарканда, то из Бухары, по всему же Дарвазу единогласно повторяется молва, что население этой области пришло в горы с р. Ях-Су, с равнины близ Куляба»². Местное население, согласно его наблюдениям, как и по всей равнинной Бухаре, называли себя таджиками.

Далее автор приводит некоторую информацию о значении и происхождении слова «таджик», при этом опираясь в основном на труды рядадореволюционных путешественников (А. Вамбери, Н. Ханькова, Л. Будагова и др.)

Описывая внешность горных таджиков, автор указывает на следующие их особенности: «Средний рост, крепкое телосложение без особенной худобы и толщины, руки и ноги мускулистые, сильные, глаза серые или карие, темно-русые волосы с прямым носом, кисти рук и ступни ног пропорциональны росту».

Согласно его наблюдениям, среди местных жителей встречались некоторые с резким отличием от остальных соплеменников. У последних (имеются в виду горцы. – М.П.), «средний рост с крепким телосложением, цвет кожи белый, с легким румянцем, густые белокурые или рыжие волосы, нос и губы умеренные, глаза голубые, синие или серые. Эти белокурые и рыжеволосые представители местного населения весьма напоминают своими типичными чертами население наших великорусских губерний и германской низменности»³.

Автор приводит интересные сведения относительно одеж-

¹ Там же. С 19.

² Там же. С 20.

³ Семенов А.А. Этнографические очерки Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – С 26. Илл. + 11 табл. и карт

ды, которую носят горные таджики. Согласно его мнению, в основном она приспособлена к условиям, в которых они живут. Эта бумажная рубашка «курта» или халат «якта» из того же материала, опоясанные поясом «миёнбанд или фута», и широкие шаровары «лозима». Обувь здесь тоже своеобразная, это «маси или чурук (вернее чорук. – М.П.)», т.е. кожаные сапоги без твердой подошвы, а так же «муки» – из воловьей кожи с подошвой, и «кофшь (кафш. – М.П.)» – деревянный. Выше перечисленные разновидности обуви носят с портянками «патак» или чулками «джуроб». Последние находили широкое распространение в Дарвазе. В холодное время поверх всего надевали длинный шерстяной халат «чапан, чакман». Разновидность одежды горца зависела и от социального происхождения и уровня его достатка.

Не менее интересны и сведения ученого о разновидностях женской одежды. «Это длинные рубашки, вороты женских и девичьих рубашек делаются различно. У первых разрез ворот до пояса (удобнее кормить детей), а у вторых – круглые и глухие. И те, и другие оторачиваются шелковыми вышитыми оторочками (ширози или курипеш). На головах женщины и девушки носят шелковые повязки (сарбандак). Вместо чадры служит головная повязка (пилляги-латси-сар или дорой), более зажиточные женщины закрывают лица (чашбан или рубан), расшитые шелками по бумажной материи. На ноги надевают белые или красные бумажные шаровары (изор). Обувь летом – никакой, так как почти всю жизнь таджичка проводит в родном кишлаке, а если и выезжает, куда-нибудь, за ее пределы, то только верхом на осле. Зимой же при выходе из дома, обувает либо муки, либо чоруки. Состоятельные женщины украшают себя ожерельями (садаф), из раковин и бус, медными и серебряными серьгами (гушвор), перстнями (ангуштарин), и запястьями (дастбан), то понятие о костюме туземной женщины будет полное»¹.

¹ Там же. С 30-31.

Жилище горного таджика, как и вся его жизнь, связано и обусловлено особенностями географического рельефа местности, где он живет. Горцы обычно строят дома на той части своего участка земли, которая скалистая и не пригодна для обработки. Поскольку хорошей земли в горах и так мало, они стараются, на сколько это возможно, не застраивать ее плодородную часть.

При строительстве дома (хона), используют камни или глину, подходящую для строительства, из которой делают кирпичи. Крыша дома (бом) состоит из нескольких балок, с настилкой из хвороста и все это замазывается той же строительной глиной с рубленой соломой. Открытым оставляют небольшое отверстие для выхода дыма. Окна (панджара) в домах маленькие или вовсе отсутствуют. Это делается намеренно, чтобы сохранить тепло в помещении. Иногда над дверью встречается отверстие (мури) для освещения дома. «Хона, – пишет автор, – обыкновенно состоит из одной комнаты, редко из двух, размерами от шести до девяти аршин в длину и от четырех до девяти аршин в ширину. Пол глинобитный, с углублением для очага (учаг, сандалии, джои-сандали). Вдоль стены идут широкие глинобитные возвышения для спальни. На них лежат постели, сшитые вместе, шерстью вверх, три или четыре выделанных овечьих или козлиных шкуры. В стене воткнут светильник (чарог), пруть, обмазанный горячим веществом»¹. Двор вокруг дома огорожен невысокой каменной стеной или хворостом. Хлев (огыл) находится не далеко от дома. Встречаются и иногда амбарчики (амбар) для хранения продуктов².

Сравнивая наличие садов и огородов между таджиками Зеравшанской долины с Каратегином и Дарвазом, А.А. Семенов пишет, что «у заравшанцев, их очень мало, в Каратегине и Дарвазе, наоборот сады с разнообразными плодами»

¹Семенов А.А. Этнографические очерки Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – С 32-36. Илл. + 11 табл. и карт

²Там же. С 34

ми деревьями и огороды с грядками различных овощей составляют, как и в равнине, необходимую принадлежность каждого кишлака»¹.

Указывая на хозяйственную утварь, в частности посуды, получившие здесь широкое распространение, автор в основном указывает на широкое применение разнообразной глиняной посуды, деревянной и частично медной. По его наблюдениям, в отличие от зерафшанских таджиков, горцы Каратегина и Дарваза сами изготавливают себе посуду, как из глины, так и деревянную. Причем гончарным делом занимаются только женщины. Деревянная посуда также не менее разнообразна, выделяется мужчинами из разного сорта дерева (ореха, ивы, тополя). Медная же посуда редкость, в основном привозная с Бухары, Самарканда, Коканда, Афганистана Кашкара и Персии².

Рассматриваемый автором этот горный и в то же время суровый регион, как мы отмечали выше, очень страдает от малоземелья. Каждый кусок пригодной земли здесь на вес золота у горного таджика. «Из хлебных растений, – пишет А.А. Семенов, – горцами засеваются: пшеница, ячмень и просо, а так же горох, чечевица, бобы и, местами в Дарвазе кукуруза; из волокнистых растений, засеваемых только из-за масла, сеют: лен, кунжут; в Дарвазе и по Пянджу в огородах сеется маслянистый *ricinus* и подсолнечник. Участки земли, засеянные хлопком, встречаются местами в Каратегине и Дарвазе. Люцерна (аляф) для скота сеется везде в большом изобилии»³.

Относительно традиционных полевых работ, А.А. Семенов указывает, что они обычно начинаются с приходом весны. Сезон открывается после празднования праздника «навруз», который символизирует наступление нового года. Землю вспахивают деревянным плугом «аспор, уммоч,

¹Там же. С 35.

²Там же. С 38-41.

³Там же. С 49.

дандана». В некоторых местах, где распространено железное дело, плуг обрамлен железным наконечником «ноук». Тягловой силой служит пара волов, специально выхоженных для таких работ. Молотят хлеб с помощью пары волов, запряженных в деревянный «чапар», после провеивают по ветру. Готовый хлеб хранится в домах, амбарах или ввиду отсутствия последнего, зарывают его в землю специальным образом. Открывают только при надобности. Указывая на рацион горного таджика, А.А. Семенов отмечает, что «в Вахие, в Вандже и в Дарвазе по Пянджу ягод тутовника, дерева которого здесь растут в изобилии. Собранные ягоды тута высушиваются, из нее делают муку, которую добавляют в целях экономии в хлеб, из нее варят так же разного рода супы и каши. Таким не хитрым способом горный таджик добавляет разнообразия в свой и без того скудный рацион, а иногда и вовсе дает возможность ему и его семье протянуть до нового урожая»¹.

Большое значение в жизни горного таджика имеет развитие хлопчатника. Большое распространение он имеет в долине Ванджа и в Дарвазе по Пянджу. Отсюда хлопчатобумажные ткани и разноцветные материи распространяются почти по всей Горной Бухаре².

В указанной работе А.А. Семенов приводит важные сведения о скотоводстве, которое являлось важной отраслью хозяйственной жизни горных таджиков. Они разводили крупный и мелкий рогатый скот, и отчасти лошадей. Этому способствовало и обилие горных пастбищ.

Обращая внимание на широкое распространение в Горной Бухаре железоделательного производства, добычу золота иохоту, автор особо выделяет значение Ванча в добыче железа. Этому способствовало наличие огромных залежей железной руды и развитие кузнечного дела на данной территории.

¹Семенов А.А. Этнографические очерки Зерафшанских гор, Каратегина и дарваза. – М., 1903. – С 54. Илл. + 11 табл. и карт

²Там же. С 57-58.

«Железные изделия, – пишет автор, – «вырабатываемые на Вандже, следующие: серпы (доз, дост), заступы (бель), клевцы (кенодж), топоры (тавар), подковы (нааль), сошники для плугов (ноук), тесала (хорка), мотыги (теша), ножи (корча), бритвы (тиг), молоты (пульк), молотки (хохизг), клещи (амбыр), шила (даравш) и ножницы (кайчи)»¹. Вышеперечисленные железные изделия «расходились по всей Горной Бухаре, начиная с Дарваза, Каратегина, Язгуляна и до отдаленных уголков Рушана, Шугнана и Вахана»².

Помимо этого, в данной работе имеются довольно ценные сведения по добыче золотого песканаместных речках, автордает подробное описание методов добычи золота и его реализации.

Из других традиционных увлечений горных таджиков приводятся интересные сведения об охотена козлов (оху), медведей (хырс), зайцев (харгуш), куропаток (кабка), голубей (кафтар), гусей (коз), уток (ордак). Из охотничьих снаряжений наиболее распространенным являлись кремневые ружья (мильтык) и острый нож.

Вневзора тогда молодого исследователя А.А. Семенова не моглооказаться и отходничество горных таджиков. Как известно, они часто вынуждены были уходить на заработки, в близлежащие города. «Перечисленные занятия и промыслы горцев таджиков, – пишет автор, – однако, не обеспечивают их вполне и поэтому очень многие из них ищут заработки на стороне, зарафшанцы отправляются больше в Самарканд, Пенджикент, Ташкент, где исполняют различные работы, а каратегинцы (да и дарвазцы. – М.П.) ищут работув Фергане, Хисаре и Сырдарьинской области».

Говоря о религиозных верованиях горного таджика, А.А. Семенов указывает на некоторое их своеобразие в отличие от равнинной Бухары. По его мнению, хотя во всей Горной

¹Там же. С 63-64.

²Там же. С 64.

Бухаре исповедуют ислам, но он насыщен разнообразными домусульманскими обычаями и обрядами. Согласно мнению горца, приведенное автором, «во главе всего мира видимого и невидимого стоит «Худо-Парвардигор» (Бог-Питатель), существо вечное всемогущее и всевидящий, доброе и грозное, смотря по обстоятельствам. Он имеет слуг, добрых духов, «фириштя» и «пари» или «парик» (ангелы)». Эти добрые духи, т.е. ангелы, защищают людей от малого до велика, охраняют от злых духов все их имущество в месте с ними. Бог «Худо» и его подчиненные добрые духи фириштя и пари, борются по религиозному представлению горца, с миром зла, это: «дэвы» или «дэу», «шайтаны», «джины» или «аджина», «гули-явони» и «аждахоры» (драконы)»¹. Далее даются детальные сведения и описание каждого из вышеприведенных персонажей.

Что касается семейных нравов и обычаев, надо отдать должное автору, который подробно описывает традиционную семейную жизнь горца. По его наблюдениям, семейная жизнь горного таджика начинается довольно рано, у мальчиков – с 15-16 лет, у девушек – с 12 лет. Обычно до брака молодые незнакомы друг с другом, как это принято на Востоке, но здесь, в горах, в большинстве случаев брак заключается по обоюдному согласию молодых. Этому способствует более свободное положение женщин. «Женщина в горах, – пишет автор, – пользуется гораздо большей свободой, чем в равнине: здесь не увидишь тех безобразных серых халатов, накинутых на голову, и волосяных сеток, скрывающих лицо, коим развращено население равнинных городов»².

К родителям понравившейся девушки жених отправляет сваху из числа близких родственников. Получив одобрение, оплачивают калым (по автору – «Колинк»), который бывает разным. Все зависит от местных обычаев и порядков, а так

¹Семенов А.А. Этнографические очерки Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – С 70-73. Илл. + 11 табл. и карт

²Там же. С 79.

же и от социального недостатка жениха. Калым уплачивался заранее и состоял в основном из: крупного и мелкого рогатого скота, лошади, ружья, предметов одежды и питания. После всех вышеперечисленных мероприятий назначался день свадьбы; жених в окружении своих родственников, друзей, близких и уважаемого аксакала (аксакол) и муллы (мулло) приходили за невестой. После бракосочетания, по всем канонам шариата, с данной минуты жених и невеста объявляются мужем и женой. «После, – пишет автор, – новобрачные отправляются в дом жениха, где им отводят особую комнату с приготовленной постелью, оставляя молодых до следующего утра»¹.

Параллельно вышеприведенному действию в доме невесты организуется пир с богатыми торжественными блюдами, весельями и песнями, посвященные новобрачным².

Согласно описаниям автора, после брачной ночи происходило заключительное действие всего свадебного мероприятия – доказательство невинности молодой девушки. Если ее целомудрие подтверждалось, то в адрес девушки и ее семьи приводятся всевозможные похвальные и ласкательные слова, в противном случае – дело в основном заканчивалось разводом.

С рождением детей женщина целиком отдается воспитанию и уходу за ними. Как указывает автор, вообще горцы очень трепетно относятся к детям. «В возрасте до 10 лет, – пишет А.А. Семенов, – дети пользуются особой любовью родителей и окружающих их взрослых. Отцы во время отдыха от работы находят покой и развлечение в кругу детей. И по кишлакам часто можно видеть, особенно под вечер, как партии мужчин сидят под тенью какого-нибудь дерева, окруженные детворою; самые маленькие дети сидят на коленях, часто по два, по три. Мозолистые руки отцов с не-

¹Там же. С 80.

²Семенов А.А. Этнографические очерки Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – С 81. Илл. + 11 табл. и карт

обыкновенною нежностью и любовью ласкают эти черные и белокурые головки и грязные, испачканные личики, и под детский лепет и ласки таджик забывает все свои невзгоды и тяжелую бедность»¹.

Следует заметить, что автор приводит подробные сведения относительно сложившихся традиций, связанных с воспитанием детей у горных таджиков, проявление любви родителей с момента их рождения. Из всего приведенного автором можно выделить обряд обрезания (чукборони), который проводят мальчикам в возрасте от 6 до 10 лет. Эту, по сути, операцию, проводит мастер этого дела (усто). В честь проведения этого обряда родители мальчика организовывают пир, и приглашаются гости. Устраивают по возможности разного рода состязания, козлодрание «бузкаши»².

Приведенные выше сведения об этнографических описаниях горных таджиков Каратегина и Дарваза свидетельствует об огромной заслуге тогда молодого исследователя, только что вступившего на стезю науки, и в будущем великого востоковеда, академика А.А. Семенова в этнографическом изучении таджиков.

Прошло более ста лет с выхода данного этнографического очерка. За это время таджикская этнография далеко шагнула вперед. В этом есть и немалая заслуга первого директора Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана А.А.Семенова. Но никакие научные достижения в этом направлении не могут заслонить научную значимость данной работы выдающегося ученого. Поэтому, учитывая труднодоступность этой работы для специалистов и широкого круга отечественных и зарубежных читателей, все больше ощущается необходимость подготовки указанного труда к новому изданию и его публикации с переводом на таджикский язык.

¹Там же. С 83-87.

²Там же. С 89

Нусратулло ЗАКИРОВ
Душанбе

САҲМИ АКАДЕМИК А.А. СЕМЕНОВ ДАР РУШДИ СИНОШИНОСӢ

Академик Семенов Александр Александрович (1873-1958) на танҳо дар рушд ва инкишофи таърих ва фарҳанги халқҳои Осиёи Миёна, сарчашмашиносӣ ва шарқшиносӣ саҳми босазое гузоридаст, балки дар омӯзиш ва тадқиқи ҳаёт ва фаъолияти шахсиятҳои бузург саҳми босазое гузоштааст. Махсусан китоби «Абуали Ибн Сина» («Авеценна») аз қабилӣ асарҳоест, ки дар бораи ҳаёт ва фаъолияти олим, адиб ва файласуфимашҳури тоҷик – Шайхурраис Абуалӣ Ибни Сино мебошад.

Ин асар дар соли 1945 бори аввал ва соли 1953 бори дувум ба ҷоп расида иборат аз 63 саҳифа мебошад.

Дар баробари аз назар гузарондани ин асар, метавон гуфт, ки академик Семенов А.А. на танҳо шарқшинос ва олимони шинохтаи соҳаи худ, балки муҳаққиқи варзида ва энциклопедисти барҷаста ба шумор меравад.

Дар асар маълумотҳое оварда шудаанд, ки на танҳо барои хонандагонӣ соҳаи 40 ва 50 – ӯми асри 20, балки барои хонандаи имрӯзанин хеле нодир ба шумор мераванд. Чунки академик Семенов А.А. шахсияте буд, ки ин маълумотҳоро дар натиҷаи омӯзиши чандин солаи маъхазҳои нодир ҷамъоварӣ намуда, пешкаши хонандагон намудааст. Махсусан дар бораи таҳаллуси Ибни Сино чунин меорад:

«Дар Шарқуро «шайх-ур-раис» меномиданд, ки он ҳамчун сардор, раис, ки ба (маънои сардори олимони) далолат менамояд. Маҳз таҳти ҳамин номи боифтихор (бе овардани номи аслиаш) дар маъхазҳои донишмандони Шарқ ба ҷашм мерасад. Шайх-ур-раис барои онҳо як шахсияти раднопазир дар илмҳои гуногун ба шумор мерафт. Барои

тақвияти фикрашон онон, вобаста ба илмҳои мавҷуда аз осори ӯ иқтибос меоварданд.¹

Чуноне қайд шуд дар китоб муаллиф, азсарчашмаҳои гуногунмаълумотовардааст. Доир ба мероси тиббии Ибни Сино, муаллифмақоми муҳимро ба асари бузурги ӯ «Қонун фит-тиб» медиҳад, ки ба забони арабӣ навишта шудааст:

«Дар ин китоб ҳамаи мероси тиббии то асри 11 вучуд дошта, аз он ҷумла мероси тиббии юнониҳо, ки дар раъси он мероси Гален ва Гипократ буд, инчунин мероси тиббии халқҳои Осиёи Миёна, Эрон ва кишварҳои арабӣ ва таҷрибаи шахсии Ибни Сино ҷамъоварӣ шудаанд»².

Инбаҳои академик Семенов А.А. хело дақиқона ва олимона будааст. Чунки таҷрибаи илмӣ, ки он хоҳ тиббӣ бошад ва ё фалсафӣ дар натиҷаизиндагии якҷояи халқу миллатҳо, рафту омадибайни аҳолии кишварҳо ва минтақаҳо ба вучуд омада, он дастовардина танҳо як шахсият, балки инсоният ба шумор меравад.

Китоби «Қонун» и Ибни Сино ба маълумоти Семенов А.А. на танҳодар Шарқ, балки дар Ғарб низ маҳбубият пайдо намуда, дар асри 12 аз ҷониби Герард Кременский (1114-1187) ба забони лотинӣ тарҷима шуда, «Аврूपои асри миёнагиро бо дастовардҳои бузурги тиббии мардумони Шарқ ва тибби қадима шинос намуд. Маҳз ҳаминасар ба рушди тибби Аврупои Ғарбӣ саҳмибосазое гузошт, ки он дар ҳолати ногувор қарор дошт»³.

Бино ба маълумоти Семенов А.А. дар асри 15, кидар Аврупои китобҳо сурат гирифт, «Қонун» и Ибни Сино яке аз аввалин асарҳои буд, ки дар соли 1493 дар Венетсия бо забони лотинӣ ба таърифи расид. Ин асар дар асри 16 зиёда аз 20 маротиба чоп шуда, ва соли 1593 дар Рим нусхаи арабии он бо илова бо баъзе асарҳои фалсафии Ибни Сино чоп гардид.⁴

¹ Семенов А.А. Абуали ибн Сина (Авиценна). Сталинабад. 1953. С.7.

² Ҳамон ҷо. С.8.

³ Семенов А.А. Абуали ибн Сина (Авиценна). Сталинабад. 1953. С.8.

⁴ Ҳамон ҷо. С.9.

Хамин тариқ, китоби «Ал-қонун фит-тиб» и Ибни Синояке аз асарҳои машҳур буда ба он шарҳҳои зиёде навиштаанд. Инчунин Семенов А.А қайд менамояд, кидар баъзешарҳое, ки ба забонҳои шарқӣ навишта шудаанд хело ҳам ақидаҳои ҷолиббаён гардидаанд, ба монанди муносибаттабиббобеморон вадар бораи ахлоқи табибон. Махсусан, метавон шарҳинавиштаи Қутбуддин Маҳмуд ибн Масъуди Шерозӣ (ваф.1311) аст, кидар асоси гуфторҳои Ибни Сино, батабибон як қатор маслиҳатҳо медиҳад.¹

Академик Семенов А.А. дар баробар имероси тиббии Ибни Сино назари амиқе ба мероси фалсафии ӯ низ мекунад. Махсусан чор асарифалсафии ӯро зикр менамояд. ки иборатанд:

1. Китоб-уш-Шифо.
2. Китоб-ун-Начот.
3. Китоб-ул-Ишорот ва –т-Танбеҳот.
4. Донишнома.

Академик Семенов А.А. қайд менамояд, ки аксарии сори фалсафии Ибни Сино ба забонҳои аврупоитарҷима шудаанд. Махсусан, Китоб – уш-Шифо дар аввали асри 20 аз ҷониби олимони олмонӣ Ҳортен ба забони олмонӣ тарҷима шудааст. Ҳортон танҳонисфитобто қисмати 13 ӯм тарҷимана мудааст, ки 400 саҳифаро дарбар мегирад. Китоби «Ишорот ва Танбеҳот» бошад, дар охири асри 19 ба забони фаронсавӣ тарҷима гардидааст.²

Дар баробари номбар намудани асарҳои фалсафии Ибни Сино, академик Семенов А.А. ба мактаби фалсафии ӯ низ таваччуҳи хосса зоҳир менамояд. Дар ин бора ӯ чунин меорад:

«Анъанаи шарқӣ на ва инчунин қисмати бузурги олимони ғарбӣ чунин мепиндоранд, ки Ибни Сино пайраи фалса-

¹ Инро Семенов А. А. аз китоби Шмидт А.Э. «Рукописи произведения Авиценны в собр. Госуд. Публ. Бибд. Уз ССР (рукопись) л. л. 21-22 и 24-25. овардааст, С. 11.

² Семенов А.А. Абуали ибн Сина. С.14.

фаи машоияаст, ки шогирдони Арастуру чунинменоми-данд».¹

Академик Семенов А.А. изҳормедорад, кимо метавоне-мИбни Синоро пайрави Арасту шуморем, вале бо як шарт. Аввалан, фалсафаи Арасту бо он шакли аввалинааш ба олимони арабизабон нарасидааст. Асарҳои Арасту бо таҳрири Искандар Афоридаи ва Фомистия ба минтақаҳои исломӣ омадааст, ки бо иборати дигар ботаъсири бевоситаи фалсафаинавафлотуния.

Дуҷум, Ибни Сино танҳо қисматҳои пешқадаминазарияи Арастураз навэхё намуда, як системаи фалсафаи маҳсуси худро бамиён овард.²

Ҳамин тариқ, академик Семенов А.А. ба таҳлили назарияи фалсафии Ибни Сино пардохта, изҳормедорад, ки ҳастиҷавҳари фалсафаи ӯ аст. Фалсафаи Ибни Сино ба се қисмат тақсими мешавад: мовору-ут-табиат (метафизика), табиат ва мантиқ. Дар асоси ҳамин тақсимоҷамаи илмҳо ба се дараҷа (категория) тақсими мешаванд: дараҷаи олий, ки моворуттабиат, дараҷаи миёна – доираи донишҳои математикӣ ва дараҷаи поён – физика. Мовароуттабиат бино ба таълимоти Ибни Сино, чуноне ки академик Семенов А.А. қайд мекунад, категорияҳои маънаӣ (рӯҳӣ), физика (категорияҳои модӣ) ва мантиқ мебошад категорияҳои низомии зеҳниро меомӯзад.³

Таълимоти асосии фалсафии Ибни Сино аз он иборат аст, ки ҳамаи ҳасти ба ду категория тақсими мешавад: зарурат ва имконият. Ба категорияи якум ҷои аввалро заруратимутлақ ва ба дуҷум имкониятимутлақ ишғол мекунад. Заруратимутлақ ин ҳасти мутлақ аст, ки ҳамаи ҳастиҳо аз он фазон мебароянд ва имкониятимутлақ натиҷаест, ки аз ҳасти аввал (первопричина) ба вуҷуд меояд.⁴

¹ Ҳамон ҷо. С. 15.

² Ҳамон ҷо. С. 15-16.

³ Ҳамон ҷо. С. 17.

⁴ Ҳамон ҷо. С. 18.

Назарияи фалсафии Ибни Синоро таҳлил намуда Семенов А.А. чунин қайдменамояд:

«Ҳамин тариқ, чӣ тавре ки мебинем дартаълимоти фалсафии Ибни Сино, ба таври ошкоро тамоюлҳои пантеистӣ¹ ва дуалистӣ² дида мешавад.»³

Ҳамин тариқ, академик Семенов А.А. қариб тамоми соҳаҳои, ки Ибни Сино дар он соҳаи гузоштааст зикрменамояд. Ибни Синоидбаилмҳои гуногун ба монанди мусиқӣ, адабиёт, химия, ҷойгиршавии куҳҳо, заминчунбӣ, баҳрҳо, дарёҳо ва ғайра изҳори ақида кардааст.

Дарин китоб Семенов А.А. вазъияти сиёсӣ ва иҷтимоии замони Ибни Синоро таҳлил менамояд. Давлати Сомониёнро ӯ чунин баҳо медиҳад:

«Худуди он аз Чоч (Тошканд) то Халиҷи Форс, аз сарҳади Ҳинд то Бағдод тӯл кашида буд. Хонадони Сомониён аз тоҷикони Осиёи Миёна буданд».⁴

Академик Семенов А.А. ба таври кутоҳ вадақиқ назарона авзои сиёсӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангии давлати Сомониёнро таҳлил менамояд.

Ҳамин тариқ, академик Семенов А.А. бо навиштани китоб соҳми бузурге дар рушди мактаби Синошиносии тоҷик гузоштааст. Ба қавли ҳуди Семенов А.А. Абуалӣ Ибни Сино шахсияти нотакрорест, ки дар давоми асрҳои даврони даврузамон мисли ситораи дурахшоне аст:

«Қарнҳо аз замони зиндагии Ибни Сино гузаштааст. Дар ин давраҳо аз соҳнаитаърих аксари халқҳо нопадид гардида, салтанатҳо барҳам хӯрдаанд ва бисёре аз шахсиятҳои илмӣ ва фарҳангии фаромӯш шудаанд, вале номи Ибни Сино ҳанӯз ҳам дурахшон ва ҷовидон аст».⁵

¹ Пантеизм – назарияи фалсафист, ки Худоро бо табиат як мешуморад ва табиатро таҷассуми Худо медонад.

² Дуализм – ҷараёни фалсафӣ, ки мабдаи ҳастиро на як, балки ду чизи мухталиф – руҳ ва материя медонад.

³ Ҳамон ҷо.С. 19.

⁴ Ҳамон ҷо.С. 25.

⁵ Семенов А.А. Абуали ибн Сина (Авиценна). Сталинабад. 1953. С.63.

РҶҶХАТИ АДАБИЁТ

1. Абдуллоев Ш. Вазъияти динию мазҳабӣ дар аҳди Абуалӣ ибни Сино. Ибни Сино ва фарҳанги замони ӯ. Душанбе. «Дониш». 2005.
2. Абуалӣ Ибни Сино. Рисолаи саргузашт. Осор. Ҷ.1. «Дониш». 2005. Душанбе.
3. Пирумшоев Х. Время, породившее гения. Ибни Сино ва фарҳанги замони ӯ. Дониш». Душанбе. 2005.
4. Семенов А.А. Абуали ибн Сина (Авиценна). Сталинабад. 1953.
5. Сулаймонов С. Забони фалсафа дар аҳди Сомониён ва саҳми Ибни Сино дар пешбурди он. Ибни Сино ва фарҳанги замони ӯ. «Дониш». Душанбе. 2005.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ А.А.СЕМЕНОВЕ

Впервые об Александре Александровиче Семенове я услышал от моего научного руководителя Александра Моррисона. Я интересовался историей появления современного Таджикского национализма и тем, какова его роль в развитии русского и советского востоковедения. Но я не был убежден в том, что А.А. Семенов был влиятельным в этом отношении.

Я не исламовед, и не могу оценить его работы по исмаилизму, а в книге «Рождение Таджикистана» Паула Берне¹ а он упоминается лишь как один из специалистов по кодологии таджикского литературного языка, использовавшегося на латинском алфавите¹. К тому же, в Таджикистане он жил относительно недолго. Ташкент сыграл большую роль в жизни и карьере А.А. Семенова, чем Сталинабад. И если бы не «борьба с космополитизмом» в конце сороковых годов, то он возможно никогда бы не покинул этот город, и впоследствии не стал бы ни академиком Академии наук Таджикской ССР, ни депутатом Верховного Совета Таджикской ССР.

А.А. Семенов явно не планировал жить в недавно построенной столице Таджикской ССР. Вот, например, что он писал об этом городе своему другу и учителю академику В.В. Бартольдугу в конце июня 1930-го года, после своего приезда в Ташкент из Сталинабада, где он с Михаилом Андреевым участвовали в лингвистическом съезде:

«Город большой и спешно строящийся (40.т. жителей); лежит в очаровательной долине Сурхана, но жестокие ли-

¹ Bergne P. The Birth of Tajikistan: National Identity and the Origins of the Republic. Vol. I. – London: Tauris, 2007. – Pp. 80ff.

хорадки, ??? и какие-то мучительные желудочные заболевания составляет его бич (редкий из приезжих не заболевает чем-либо сразу же). Ко всему этому – чрезмерная дороговизна во всем. На обратном пути (четыре с лишним суток!) я терпел большие лишения»¹.

Ситуация в двух следующих десятилетиях значительно улучшилась, но от Ташкента – в котором А.А. Семенов жил с 1919-го года – он всё-таки отстал. Но, потому что было совершенно непредсказуемо, чем кончится кампания против космополитизма, у ученого не было выбора. Кажется, что только благодаря поддержке своего бывшего ученика Бободжана Гафурова А.А. Семенов мог найти благополучный выход из тупика. Б.Г. Гафуров позолотил Сталинабадскую «пилюлю» щедрыми привилегиями, такими как звание академика и, о которых сообщает академик А.М. Мухтаров². Несмотря на это, видимо к концу своей жизни, А.А. Семенов подумывал о переезде из Таджикистана в Москву. Его друг и коллега, Илья Бороздин, писал ему:

«Осенью Гафуров (который с 1956-го года возглавлял Институт востоковедения АН СССР, МВ) сообщил мне, что он убедил Вас переехать в Москву, чтобы руководить аспирантами»³.

Как известно, А.А. Семенов так и не переехал. Но он дал Б.Г. Гафурову понять, что готов покинуть Сталинабад. И поэтому нельзя сравнивать его привязанность к Таджикистану с тем восхищением, которое он, видимо, испытывал к истории и культуре таджиков.

¹ Письмо А.А. Семенова В.В. Бартольд (написано между 1956 и 1958 гг.) // Архив Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, коробка 13, ед. хр 6, с.182.

² Мухтаров А.М. Академик Бободжон Гафуров. – Душанбе: Ирфон, 1998. – С. 141.

³ Письмо И.Н. Бороздина А.А. Семенову // Архив Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, коробка 13, ед. хр 1, с.82.

Тем не менее, восхищение это так тесно соединило последние годы его жизни со столицей Таджикистана так как она служила предлогом ссылки А.А. Семенова из Ташкента. Его обвинили (Сергей Толстов здесь сыграл важную роль) в различных грехах: в «идеализации феодальной культуры», в «расизме» и в создании впечатления «таджикского великодержавия» в историографии. Все началось с термина «иранская культура» в отношении Средней Азии. Он отстаивал его как собирательный термин, под которым он понимал культуру ираноязычных народов (как и таджиков, так и персов) для определенных исторических периодов¹.

Несомненно, что критика была политического характера и до какой-то степени направлена на личность А.А. Семенова как ученого старой школы. Свидетельством этому является письмо, посланное А.А. Семенову в начале 1950-х годов его учеником Тухтамет Тухтаметовым. Оно цитируется из диссертации некоего Атабая Ишанова:

«Видным проводником (...) анти-марксистско-ленинских взглядов дореволюционного и буржуазного востоковедения в нашей литературе является А.А. Семенов (...)»².

Главным побуждением этих ехидных утверждений был, кажется, карьеризм. И, скорее всего, Т. Тухтаметов тоже хотел этим доносом польстить своему учителю и навредить сопернику.

Но А. Ишанов был прав в одном, что А.А. Семенов был человеком «дореволюционного востоковедения». И как таковой, он отдавал предпочтение известным темам и предметам. Русские востоковеды во второй половине XIX века – и среди них учителя А.А. Семенова Всеволод Миллер – особо

¹ Обзор архива академиека Академии наук Таджикской ССР А.А. Семенова // Кузнецова Н.А. Иран: Сборник статей. – М.: Наука, 1971. – С. 36.

² Письмо Т.Т. Тухтаметова А.А. Семенову // Архив Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, коробка 13, ед. хр 4, с.142.

интересовались арийской тематикой, теориями о происхождении европейских языков и религией. Этим очарование со старинной Персией только усилилось.

Эти академические и научно-популярные течения не могли не воздействовать на мировоззрение молодого А.А. Семенова. И действительно, если несколько упростить его воззрение об истории Средней Азии, то можно сказать что он ассоциировал таджикско-иранский мир с оседлым образом жизни и с «высокой» духовной и научной культурой. А в некоторых дореволюционных произведениях он даже приписывал этой культуре какой-то смутный расовый (арийский) характер.

Кроме того, во время первых пяти десятилетий своей жизни А.А. Семенов не знал понятий «Таджикистан» «Узбекистан» и представлял Среднюю Азию как один интегральный регион. Когда был студентом он и писал, что *«мусульманский восток издавна манил»* его. Для него понятия как «мусульманский восток», «таджикский» или «иранский» предшествовали представлениям о нациях и национальных государствах, которые осуществились в Средней Азии к концу 1930-х годов при его содействии. Первые для А.А. Семенова имели большее значение, чем последние¹.

Эти понятия не только не совпадали, а еще постоянно меняли свои значения, из-за чего исследователей – как и сам А.А. Семенов – регулярно попадали в беду. Например, академик Абдулгани Мирзоев в 1949 году спросил *«Устод-е мухтарам ва азизам А.А.»* об одном источнике, согласно которому *«население Хорасана до Мозандарона и даже почти до Тегерана являются Таджиками.»* Это, по сути, академическая проблема терминологии стала вдруг очень актуальной, так как обсуждалась на Московском конгрессе *«По вопросам разграничения в таджикской литерату-*

¹ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов. Научно-библиографический очерк. – М.: Наука, 1971. – С.11.

ре.»Требовалось заменить фактическое противоречие таких исторических терминов, как «таджикский» или «иранский», искусственной однозначностью государственного постановления¹.

А.А. Семенов хорошо осознавал эту дилемму. Он всегда требовал от своих студентов *«уловить мысль автора и найти точность в оттенках его выражений»*². Он знал об изменчивости отношений между словами и их значением. Ученый писал в одном отзыве что *«может быть (...) было бы наиболее разумно (...) 'отказаться от написания историографии по отдельным народностям'»*³, а сам писал историографию *таджикских* авторов, а не *авторов писавших на территории Таджикской ССР*.

Таким образом, следует отметить, что А.А. Семенов был патриотом Ташкента и бывшем *туркестанцем*, но при этом он всегда оставался явным Таджикифилом; он был бывшим Самаркандским вице-губернатором и советским академиком. Его жизнь, так же как и история Таджикистана полна противоречий; а жертвовать ею какой-то однозначной схеме было бы неточно и неинтересно.

¹ Письмо А. Мирзоева А.А. Семенову // Архив Отдела древней, средневековой и новой истории Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, коробка 13, ед. хр 4, с.25.

² А.А. Семенов. Из области курьезов и недостатков в переводах // Архив Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, коробка 5, ед. хр 3, с.2.

³ Архив Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, коробка 7, ед. хр.

А.А.СЕМЁНОВМУҲАҚҚИ ТАЪРИХИ ЗАБОН ВА АДАБИЁТИ ФОРСИИ ТОЧИКӢ

Садсолаҳоаст, ки адабиёти форсии тоҷикӣ бошевой вагу-вороии худ макбули хосу омми мардуми гуногунмазҳабу гуногунпешаи ҷаҳон гашта, ашъори ҷаззобумубаррои чеҳраҳои адабии он аз ҷониби олимони шинохтаи ҷаҳонӣ баррасӣ ва таҳқику тарҷума шудаанд. Зумрае аз онон, чун Э. Браун, Ҳ. Эте, Артур Кристенсен, Дармстетер, Ян Рипка, В.В. Бартолд, Н.В. Ханыков, А. А. Семёнов, Е.Э. Бертелс, А.Н Болдирев ва дигарон баробари пажухиши паҳлуҳои гуногуни забон ва адабиёти тоҷикии форсӣ ба тадқиқи осору эҷодиёти чеҳраҳои адабӣ камар баста, дар ин ҷода ба комёбиҳои ҷашмрас ноил шудаанд, ки аксарияти он имрӯз низ дорои қимати баланди илмӣ мебошанд.

Дар пажухиш, баррасӣ ва тарғиби забон, адабиёт, таърих, расму оин, маросимҳои мардумии халқи тоҷик хизмати узви пайвастаи Академияи илмҳои Тоҷикистон Александр Александрович Семёнов (1873-1958) воқеан бузург аст. Ӯ чун донандаи забонҳои мардуми Шарқ: форсии тоҷикӣ, туркӣ-ӯзбакӣ ва забони арабӣ дар байни аҳли илму адаби Осиёи Марказӣ ва ховаршиносони русу Аврупомақому манзалати-хосаеро соҳиб гаштааст. Аз номгӯи асарҳои олим маълум мегардад, ки тадқиқотҳои ӯ дар баробари паҳлуҳои илми бостоншиносӣ, мардумшиносӣ (этнография) ва таърих, амсоли «Очеркҳои этнографии Кӯҳистони Зарафшон, Қаротегин ва Дарвоз» (М., 1903), «Очерк дар бораи соҳти заминдорӣ ва хирочситонии собиқ аморати Бухоро» (Ташкент, 1929), «Аввалин Шайбониён ва мубориза барои Мовароуннаҳр» (Сталинобод, 1953), «Баъзе маълумотҳо дар бораи иқтисодиёти салтанати Султон Ҳусайн Мирзо (1469-1566)» инчунин дар санъат, исломшиносӣ,

бахусуспаҷуҳишҳои ӯ доир ба вижагиҳои забони тоҷикӣ, форсӣ ва дарӣ, андешаҳои эшон дар бораи алифбои нави забони тоҷикӣ (соли 1928), чараёнҳои тасаввуф ва исмоилиява дар баррасии ақидаву афкори Абӯрайҳони Берунӣ, Абӯалӣ ибни Сино, Носири Хусрав, Умари Хайём, Саъдиву Ҳофиз, Абдурраҳмони Ҷомиву Садриддин Айнӣ ва ғайра дар таърихи адабиёт мақоми вижаро доро аст.

Дар фаъолияти илмии А.А. Семёнов забони форсии тоҷикӣ ва мақому мавқеи он дар байни забонҳои хинду аврупоӣ аҳамияти вижа дорад. А.А. Семёнов баъд аз ширкат дар экспедитсияе, ки аз тарафи А.А. Бобринской соли 1898 ба Самарқанд, кӯҳистони Зарафшон, Қаротегину Дарвоз ташкил намуда буд, асари пураарзиши худ «Материалҳо барои омӯзиши шеваи тоҷикони кӯҳистони Осиёи Миёна»¹-ро чун рисолаи хатм, ки дар омӯзиш, баррасӣ ва таҳқиқи шеваи тоҷикони кӯҳистон яке аз паҷуҳишҳои аввалин маҳсуб ёфта, дар радифи асарҳои муҳаққиқони барҷаста И.И.Зарубин, Писарчик ва зумраи дигар мақоми муассирrosoҳиб аст, иншо намудааст. Ба ин асари ховаршиносони номӣ В.Ф. Миллер², Н.Г.Малицкий³, И.И.Зарубин⁴ ва баъдтар Б.Ниязмухаммадов⁵ баҳои мусбат додаанд. А.А. Семёнов соли 1927 ҳангоми тадрис дар курсҳои кӯтоҳмуддат оид ба масъалаҳои шарқшиносӣ ва таълим дар факултети шарқшиносии Донишгоҳи давлатии Осиёи Миёна китоби

¹ Семёнов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. – М., 1900-1901, Ч. 1. – Грамматический очерк и памятники народного творчества. – М., 1900. – 56 с. Ч.2. – Памятники народного творчества и словарь. – М., 1901. – 74 с.

² Миллер В.Ф. Древности Восточные// Труды Восточной комиссии Московского археологического общества. – 1903. – Т.П. – Вып. 3. – С. 206-208.

³ Малицкий Н.Г. // Туркестанские ведомости. – 1900. – №56

⁴ Зарубин И.И. Этнографические задачи экспедиции в Таджикистане (Приложение к протоколу ХУ1 заседания ОИФ Академии наук СССР) // Известия АН СССР. – Л., 1925.

⁵ Ниязмухаммадов Б.Н. Таджикский литературный язык // Труды Таджикского ФАН СССР. – Душанбе, 1951. – Т. 29. – С. 111.

«Очерки мухтасари грамматикаи забони тоҷикӣ бо хрестематия ва луғатнома»¹-ашро таҳия намудааст, ки вижагиҳои он низ аз тарафи муҳаққиқон-забоншиносон махсус таъкид ва баҳои хуб гирифтааст. Мулоҳизаву мушоҳидаҳои Семёнов А.А. ҳангоми табдили алифбо аз ҳатти форсии арабӣ ба лотинӣ низ сазовори омӯзиши махсус аст. Ў дар мақолаҳои «Дар атрофи алфавити нави тоҷикӣ» (лотинӣ)², «Алфавити лотинӣ барои забони тоҷикӣ»³, «Оид ба алифбои (лотиникардаи) тоҷикӣ»⁴ низ мулоҳизаҳо ва пешниҳодҳои пурқиммати илмӣ вадархостҳои худро манзур намудааст. А.А. Семёнов баъд аз мутолиаи мақолаи мустаҳриқи шинохта Е.Э. Бертельс оид ба забони форсӣ-дарӣ-тоҷикӣ⁵ мақолаи пурмуҳтавое дар атрофи андешаҳои ӯ навишта⁶, хулосаҳо ашро оид ба истилоҳи забони дарӣ ва омилҳои густариши он баён кардааст. Масалан, дар бораи истилоҳи «дарӣ» баъд азомӯзиши «Китоби Синдбод» навиштааст, ки «Что касается термина дэри, то из точного смысла предисловия к «Книге Синдбада» видно, что под языком дэри в эпоху Саманидов разумели тот персидский язык (парси или порси, как, впрочем, произносили и в XI в. в Бухаре), который был простой, общепонятный, чуждый всяческого красноречия и риторики, а следовательно и арабщины с сопутствующими ей поэтическими вставками-

¹ Семёнов А.А. Краткий грамматический очерк таджикского языка с хрестоматией и словарем. – Ташкент, 1927. – 60 с.

² Семёнов А.А. Дар атрофи алфавити нави тоҷикӣ (лотинӣ) // Роҳбари Дониш. – Душанбе. – 1928. – №10-12. – С. 11-12.

³ Семёнов А.А. Алфавити лотинӣ барои забони тоҷикӣ // Алифбои тоҷикӣ. – Самарканд.—1928. – С. 1-4.

⁴ Семёнов А.А. О новотаджикском (латинизированном) алфавите // Известия общ-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. – Т. 1. – Ташкент. – 1928. – С. 242-247.

⁵ Бертельс. Е.Э. Персидский-дари-таджикский // Советской этнографии. – 1950, №4. – С.55-56

⁶ Семёнов А.А. К вопросу о термине дори (дари), как языка // Памяти Михаила Степановича Андреева: Сборник статей по истории и философии народов Средней Азии. – Т. 120. – Сталинабад, 1960. – С. 189-193.

часто хадисами, стихами Корана и т.п. Иначе говоря, термином дэри обозначался персидский язык всеобщего употребления, так сказать «Аз шоҳ то гадо» (от царя до нищего), а термин парси в специфическом смысле обозначал (скорее всего, потом) язык литературный с сильной примесью арабских элементов, художественных оборотов и прочего стилистического фарша»¹.

А.А. Семёновро чун муҳаққиқи таърихи адабиёти форсии тоҷикӣ ва ҷараёнҳои фалсафиву адабӣ метавон муаррифӣ намуд. Аз рисола, мақолаву маъруза ва гузоришҳои ӯ хонанда эҳсос менамояд, ки мавсуф дар баробари таҳқиқ намудани ҷеҳраҳои адабии классикони тоҷику форс вазъияти давру замон, воқеаҳои сиёсиву иҷтимоӣ мавқеи адибонро ба доираи таҳлилу андешаҳои худ кашида, нисбати онҳо ҳулосоҳои илмӣ мушаххас пешниҳод менамояд. Масалан, ӯ аз ҳамин мавқеъ ба мақому мартабаи Ҷалолиддини Балхӣ дар байни мардуми Бадахшон, хоса дар байни шугъониён дар мақолаи «Шайх Ҷалолиддини Румӣ дар тасаввуроти исмоилиёни Шугъон»² баҳо додааст.

Мусташири донишманд дар шинохти ҷараёни исмоилия, мақом ва нуфузи Носири Хусрав, дар бораи «Зоду-ул-мусофирин», «Сафарнома», «Рушнонома», «Саодатнома» мақолаву рисолаҳои ҷолибе, амсоли «Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов» (маҷаллаи «Мир ислама», – Т. 1, №4. – С. – Петербург, 1912), «Описание исмаилитских рукописей, собранных А.А. Семёновым» (Изв. Российской АН. С. Иран, 1918), «Насыри Хосров о мире духовном и материальном». Сб. Туркестанского восточного института в честь профес. А.Э. Шмидта. – Ташкент, 1923), «К биографии Насыри Хосрова». (Бюллетень 1-го САГУ. – №3, 1924), «Противоречия в учении о переселении душ у

¹ Семёнов А.А. Избранные сочинения. – Душанбе, 2013. – С.122.

² Семёнов А.А. Шейх Джелал-уд-Дин-Руми по представлениям шугнанских исмаилитов // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – Т. XXII. – 1915. – С. 247-256.

памирских исмаилитов и у Носыри Хосрова». (Бюллетень САГУ. Вып. 9. – Ташкент, 1925), «Взгляд на Коран в восточном исмаилизме». Сб. Иран. – Т. 1, 1926), «К догматике-памирского исмаилизма». (Ташкент, 1926), «Насыр-и Хосров. Книга путевого припаса странствующих (Китаби Зодулмусофирин). Рец. На берлинское издание. Сб. Иран. – Т. 1, 1926), «Насыр-и Хосроу «Книгапутешествия» (Сафарнома), «Книга просвещения» (Рушноинома) и «Книга счастья» (Саодатнома). – Берлин, 1341 г.х. (1922-23) Сб. Иран. – Т. 1, 1926). «Рецензия на берлинское издание Сафарнамэ». (Сб. Иран, 1927), «Исмаилитская ода, посвящённая воплощениям Алия-бога. (Сб. Иран. – Т. 2, 1928), «Исмаилитский панегирик обожествленному Алию-Федаи Хоранского». (Сб. Иран. – Т.3, 1929), «Шугнанско-исмаилитская редакция «Книга света» (Рушноинома) Носыр-и Хосрова» (Записки коллегия востоковедов при Азиатском музее АН СССР. – Т. 5. – Ленинград, 1930) таълиф намудааст, ки дар шинохт, баррасӣ ва таҳлили ақоиди илмиву фалсафии Носири Хусрав накши ниҳоят муҳим доранд.

А.А.Семёнов дар шинохт, баррасии тарҷумаи ҳол, мероси илмиву адабӣ ва накши Абӯалӣ ибни Сино дар таърихи тамаддуни ҷаҳонӣ аз пажӯҳандагони аввал маҳсуб меёбад. Мақолаи аввалини муҳаққиқ «Абу-Али-ибн-Сино»¹ унвон дошта, ба забони ўзбакӣ иншо шудааст ва аз мақоми Ибни Сино дар табобат ва шеърӯ шоирӣ ва накши ӯ дар таърихи адабиёт маълумоти мухтасар диҳад, дар очерки тарҷумаи ҳоли «Абӯ Алӣ ибни Сино»² бошад, бештар ба масъалаҳои тарҷумаи ҳоли ва давраҳои илмомӯзии мутафаккир таваққуф намудааст. Мақолаи мазкур бо баъзе тағйироту иловаҳо соли 1939 бо номи «Абу-Али-ибни Си-

¹ Семёнов А.А. Абу-Али-ибни Сино // Социалистлик фан ва техника. – Ташкент.-1937. – № 10. – С. 243-247. (бо забони ўзбакӣ)

² Семёнов А.А. Абу-Али-ибни Сина: биографический очерк // Литературный Узбекистан. – Ташкент. – 1937. – Кн.3. – С. 405-423.

но»¹ ба забони ўзбакӣ бори дигар чоп шудааст. Маҳз дар заминаи ин мақолаҳо соли 1945 рисолаи «Абӯалӣ ибни Сино»² (Авиценна) ба чоп расидааст. Дар муқаддимаи рисола доир ба нақши Абӯалӣ ибни Сино дар таърихи тамаддуни ҷаҳонӣ сухан рафта, зикр мешавад, ки ӯ муддати садаҳои зиёд «дар шуур, ғоя ва тафаккури илмии Шарқу Ғарб» таъсири амиқ ва муассир гузоштааст.

Муаллиф аз мақом ва ҷойи Ибни Сино дар Аврупо, ки бо номи латинии Авиценнамашҳур гаштааст, сухан ба миён оварда, таъкид мекунад, ки Абӯали Сино бешубҳа дар радифи ашхоси бузурги олам ҷой гирифтааст ва асарҳои ӯро солҳои тӯлонӣ дар Шарқи мусулмонӣ ва Аврупои масеҳӣ истифода мекунанд. Бо мақсади нишон додани мақому мартабаи Сино аз андешаиховаршиносони Аврупою рус Магдоналд, Дугат, Броне, Мюллер, Кримский ва дигарон истифода намуда, қайд мекунад, ки каме баъдтар ӯ бо номи Шайхурраис дар байни мардуми Шарқ машҳур гардид. Муаллиф хизматҳои Ибни Синоро чун олими мутабаххир дар муайян ва мушаххас намудани низоми дониши илмӣ барои наслҳои ояндадидааст. Ба вижа оид ба рисолаи тиббии ӯ «Қонун фи тиб» андеша ронда, баён намудааст, ки асари мазкур дар байни асарҳои тиббӣ, аз асри XII сар карда шӯҳрати ҷаҳонӣ ва мақоми аввалро соҳибгаштааст. Китоби мазкур, ки соли 1493 дар Венетсия ва соли 1593 дар Рим интишор ёфтааст, дар маҷмӯъ дар Аврупо беш аз 30 маротиба бо латинӣ ва забони қадимаи ибрӣ чоп шудааст.

А.А. Семёнов оид ба ақидаҳои фалсафии Ибни Сино низ бештар аҳамият дода, таъкид менамояд, ки Аврупои асримиёнагӣ ба фалсафаи Ибни Сино тавассути тарҷумаҳои яҳудӣ ошноӣ пайдо намудаанд. Ба он махсусан дар аҳди Эҳё

¹ Семёнов А.А. Абу-Али-ибни Сино // Социалистлик фан ва техника. – Ташкент. – 1939. – №10-11. – С. 81-91

² Семёнов А.А. Абу-Али-ибни-Сино (Авиценна)/ под ред. Б. Гафурова. – Сталинабад: Госиздат при СНК ТаджССР, 1945. – 69 с.; Абу-Али-ибни-Сино (Авиценна)Изд 2, доп. – Сталинабад: дат при СНК ТаджССР, 1945. – 69 с.;

бештар таваччуҳ шудааст. Нақш ва таъсири Ибни Синомах-сусан дар эҷодиёти Дантехеле зиёд ба мушоҳидамерасад.

А.А. Семёновба нақши Ибни Сино дар соҳаи кимиёнизи таваччуҳ намуда, нигоштааст, кихимики фаронсавӣ Бертелло(вафоташ 1907)хизматҳои мутафаккирродар кашфи баъзе аз ҳаводиси химиявӣ лоиқи омӯзишдонистааст. Муаллиф зикр мекунад, ки мушоҳида ва андешаҳои Сино дар бораи сангҳо, пайдоиши ғорҳо ва амсоли ин воқеан дар асоси назарияҳои илмӣ асоснок карда шудааст. Муҳаққиқ дар асоси омӯзиши сарчашмаҳо ба ҳулосае расидааст, ки дар бештари адабиёти илмие, ки дар Шарқ иншо шудааст, ишора ба Шайхурраис аст, баҳусус дар рисолаҳои мусиқӣ.

Дар рисола муаллиф оид ба мақоми Ибни Сино дар ҷомеа ва гуфторҳо дар бораи ӯ, ки онҳо ба афсона табдил ёфтааст, андешаҳо баён кардааст. Масалан, нишон медиҳад, ки арбоби машҳури тотор Қаюм Носирӣ дар шаҳри Қазон тарҷумаи ҳоли Синоро дар асоси нусхаи арабии он бо дуруғу бофтаҳо ва афсонаҳо тарҷума намудааст, ки ондар Осиеи Марказӣ зуд паҳн мегардад. Онро дар шаҳри ҚуқандМулло Мир Карим ба забони ўзбакӣ тарҷума намуда, соли 1913 дар Тошкандбо унвони «Хазинат-ул – ҳикмат» ҷоп мекунад.

А.А. Семёнов баъд аз ин тарҷумаи ҳоли ИбниСиноро дар асоси сарчашмаҳои ба ӯ дастрасба хонанда пешниҳод кардааст, ки онҳо асоси илмӣ дошта, дар синошиносии тоҷик баъд аз рисолаи устод С. Айнӣ сухани тоза ва навмаҳсуб меёбад. Рисолаи мазкур соли 1953 бо илова ва таҷдиди муаллиф аз нав ба нашр расидааст, ки воқеан он дар шинохти Ибни Сино мақоми вижаро соҳиб аст.

Тазаккур бояддод, ки А.А. Семёнов дар баробари ин оид ба саҳм ва нақши Абурайҳони Берунӣ¹, Алишери Навоӣ²,

¹ Семёнов А.А. Ал-Бируни – величайший учёный средневекового Востока и Запада // Литература и искусство Узбекистана. – 1938. – С. 106-116; Ал-Бируни – величайший учёный средневекового Востока и Запада: Биографический очерк / Под общ. Ред. Акад. Е.Н. Павловского. – Сталинабад: Госиздат ТаджССР, 1948. – 47 с.

² Семёнов А.А.Мир-Али-Шер Неваи: Биографическо-литературны

Низомии Ганчавӣ¹, Рӯдакию Дақиқӣ², Умари Хайём³, Ҳофизи Шерозӣ⁴ ва дигарон дар илму адаби тамаддуни ҷаҳонӣ мақолаҳои пураарзиши илмӣ иншо намудааст, ки онҳо дар рӯзномаву маҷаллаҳо ва маҷмӯаҳои алоҳида ҷоп шудаанд, ки имрӯз низ аҳамияти вижа доранд.

Семёнов А. А. бо сардафтари адабиёти муосири тоҷик Садриддин Айни аз ибтидои солҳои 20-уми садаи ХХ дар иртибот буда, аз коргоҳи эҷодӣ ва рисолаҳои илмиву асарҳои бадеии устод мудом бархурдор будааст. Ва дар як вақт С. Айни низ аз мақолаву рисолаҳои ин муаррих бохабар будааст. Устод Айни соли 1953 дар табрикномаи худ ба муносибати 80-солагии Семёнов А.А. бо забонҳои тоҷикию русӣ дар саҳифаҳои «Тоҷикистони сурх» (30 сентябр) ва «Коммунист Таджикистана» (30 сентябр) хизматҳои ӯро дар баррасии паҳлуҳои таърихи халқҳои Осиёи Миёна махсус таъкид мекунад. Ҳатто дар рисолаи «Устод Рӯдакӣ» мақолаи Семеновро бо номи «Ду шоири бузурги асри Х (Рӯдакӣ ва Дақиқӣ)» (с. 37-51) ҷой додааст. Ҳамчунон А.А. Семёнов дар таҳияи «Ёддоштҳо» – и устод ба забони русӣ (Мутарҷим А.З. Розенфельд) дар қатори А. Розенфельд, Н. А. Кисляков ва А.Н. Болдырев ғаёлона ширкат намуда, ба он охирсухане бо номи «Оид ба гузаштаи Бухоро»⁵ навиштааст, ки он дар айнишиносӣ нақши муҳиме дорад.

очерк // Литература и искусство Узбекистана. – Кн.2. – 1938. – С. 124-138; Новелла о Мир Алишере Навои: Пер. с перс. // Литература и искусство Узбекистана. – Кн.3. – 1939. – С. 85-96

¹ Семёнов А.А. Великий азербайджанский поэт Низами // Литература и искусство Узбекистана. – Кн.3. – 1939. – С. 97-109

² Семёнов А.А. Два великих поэта X века: Рудаки и Дақиқӣ // Литература и искусство Узбекистана. – Кн.5. – 1939. – С. 96-103; Эпоха Рудаки // Рудаки и его эпоха. – Сталинабад, 1958. – С. 5-19.

³ Семёнов А.А. Омар Хайям: К 900 – летию со дня рождения // Литература и искусство Узбекистана. – Кн.4. – 1940. – С. 81-90.

⁴ Семёнов А.А. Хафиз: К 550 – летию со дня его смерти // Литература и искусство Узбекистана. – Кн.1. – 1940. – С. 98-106.

⁵ Семёнов А.А. К прошлому Бухары // Дар кит.: Садриддин Айни. Воспоминания. – М.-Л., 1960. – С. 980-1015.

Ба замми ин А.А. Семёнов дар бораи мақом ва манзалати устод Айни мақолаҳо навишта, хизматҳои ӯро дар таърихи адабиёти тоҷикӣ ба вижа таъкид мекунад. Аз ҷумла, мақолаи ӯ ба забони ӯзбакӣ дар саҳифаи рӯзномаи «Ёш ленинчи» аз 25 апрели соли 1953 бо номи «Тоҷик совет адабиётниг асосчиси» бахшида ба 75 – солагии зодрузи сардафтари адабиёти тоҷик С. Айни чоп шудааст. Мақолаи мазкур бо номи «Основоположник таджикской советской литературы» дар саҳифаи рӯзномаҳои «Волжский комсомолец» (ш. Куйбышев), 1953, 26 апрел; «Дагестанская правда», 1953, 26 апрел; «За коммунизм» (ш. Намангон), 1953, 26 апрел; «Известия», 1953, 26 апрел; «Кашка – дарьинская правда», 1953, 26 апрел; «Комсомолец Туркменистана», 1953, 26 апрел; «Красная Бухара», 1953, 26 апрел; «Кулябская правда», 1953, 24 апрел; «Ленинское знамя» (ш. Термез), 1953, 26 апрел; «Правда Южного Казахстана» (ш. Чимкент), 1953, 26 апрел; «Прииртишская правда», 1953, 26 апрел; «Рабочий клич» (ш. Ковров), 1953, 26 апрел; «Семиреченская правда» (ш. Талды Курган), 1953, 26 апрел; «Советская Каракалпакия» (ш. Нукус), 1953, 26 апрел; «Советская Мордовия» (ш. Саранск), 1953, 26 апрел; «Социалистическая Якутия», 1953, 26 апрел; «Тувинская правда» (ш. Кызыл), 1953, 26 апрел; «Ферганская правда», 1953, 26 апрел; «Молодой Дальневосточник», 1953, 28 апрел чоп гардидааст. Ҳамчунин мақолаи мазкур бо забонҳои латишӣ ва литвонӣ, озарӣ, туркманӣ, чувашӣ, қирғизӣ низ 26 апрели соли 1953 чоп шудааст, ки ин аз даҳи сардафтари адабиёти муосири тоҷик устод Садриддин Айни шаҳодат медиҳад.

Дар баробари мақолаву асарҳои зикршуда рисолаву мақола ва гузоришу лексияҳои солҳои гуногун иншо кардаи Семёнов А.А. оид ба таърихи адабиёти тоҷик, ки ба дасти чоп нарасида, дар бойгонии муаллиф маҳфузанд, ба монанди «О суфийском познании» (1923, 34 саҳ.), «К вопросу о происхождение суфизма» (6 саҳ.), «Абдурахман Джами» [Суфийские доктрины Джами, извлеченные из предисловия

«Нафаҳат-ул-унс»(Дыханья искренней дружбы), 4 сах.], «Таджикский язык и письменность» (1926, 26 сах.), «Мавлани Каукаби и его «Коллийат» (74 сах.), «История персидской литературы» (Курси лексия, ки дар ибтидои солҳои 20-уми садаи ХХ дар факултети шарқшиносии САГУ хондааст, 296 сах.), «Очерк среднеазиатский персидский (таджикской) литературы нового временны (1500-1900 гг.,10 сах.)», «Краткий очерк таджикской литературы» (30 сах), «К методу преподавания восточных (среднеазиатских) литератур в высшей школе» (9 сах.), «Ученые разных специальностей, поэты и литераторы восточному мусульманского мира в IХ-ХУ вв.» (32 сах.),ба мо маълумотҳои муҳим ва пураарзиш медиҳанд. Дар баробари ин маҷмӯаеро номи «Восточные сборники рассказов и их отношение к фольклору», ки аз хикояҳои зерин иборат аст, таҳия намудааст:1. Вместо предисловия, 25 сах. Мошиннавис. 2. Абасвыжималка, 20 сах. 3. Рассказ об индийском ювелире и его неверной снохе, 8 сах. 4. Как индийский махараджа едва было, не погубил своего невинного слугу, 7 сах. 5.Сказка о Лисе и Волке, 15 сах. 6. Об отказавшемся от всего мирского школьном учителе, 2 сах.7. Суд балхского казия, 13 сах. 8. Рассказ старушки-паломницы, 6 сах.9. Суд султана Махмуда Газнавидского 6 сах. 10. Бесчестный багдадский судья, разоблаченный буйдом Азуд-од-Довлэ, 14 сах. 11.История Мархумэ, верной несчастной жены, 5 сах. 12. Рассказ о четырех людях с разными наклонностями, из которых один был вор, 6 сах. 13. Сон и преступление Тусского наместника Арслана Джазиба, 4 сах. 14. За добро платится злом (сказка), 7 сах. 15. Два рассказа о женской хитрости и коварстве, 16 сах. 16.Рассказ о краже арабского скакуна хамаданским персом, 7 сах. 17. Рассказ о хитром глупце из г. Бахарза, 7 сах.

Дар бойгонии муҳаққиқ оид ба намояндагони машхури таърихи адабиёт илм ва санъати Осиёи Миёнаи асрҳои Х-ХУварақа –карточка нигоҳдорӣ мешавад, ки шояд муаллиф мехост ба хонанда дар бораи онҳо низ мақолаву

маълумотҳои пурарзиш пешниҳод намояд: Абӯалӣ ибни Сино, Қозизодаи Румӣ, Ал-Форобӣ, Абӯрайҳони Берунӣ, Табарӣ, Абулқосими Фирдавсӣ, Фарруҳӣ, Фаҳриддини Гургонӣ, Шайх Абдуллоҳи Ансорӣ, Кайковус, Аъмаки Бухорӣ, Имом Абуҳомиди Ғаззолӣ, Азравӣ, Бадриддини Чочӣ, Адиб Собир ва амсоли инҳо, ки аз 280 саҳифа иборат аст.

Ин хазинаи чопнашудаи А.А. Семёнов, ки садҳо аврокро ташкил дода, аз сарчашмаву маъхаз ва бойғониҳои Русия, Тошканду Самарқанд, Душанбе ва дар маҷмӯъ Осиеӣ Марказӣ маълумотҳои фаровон гирдоварӣ шудааст, ба муҳаққиқони таърихшинос, таърихи адабиёту забоншиносӣ маводи пурарзиши илмиву адабӣ медиҳад.

Хулоса, маводҳои чопшуда ва бойғонии мусташирики шинохтаимкон медиҳад, ки тибқи бозёфтҳои ҷамъовардаи ӯ чандин рисолаҳои номзадиву докторӣ иншо шаванд. Бинобар ин, мутасаддиён ва муҳаққиқони ҷумҳуриро зарур аст, ки маводҳои бойгониро ҳарчи тезтар мавриди омӯзиш қарор диҳанд ва пешкаши муҳаққиқин намояд.

А.А. Семёнов дар баробари таҳқиқу тадқиқи нуктаҳои муҳими таърихи халқҳои Осиеӣ Миёна, дар пажӯҳиши таърихи забон ва адабиёти классикиву муосири тоҷик низ баромад намуда, тавассути мақолаву гузориш, тақриз ва рисолаҳои бунёдии худ дар адабиётшиносии тоҷик нақши муассир гузоштааст. Зарур аст, ки нақш ва хизматҳои А.А. Семёнов дар омӯзиш, баррасӣ ва таҳқиқи забон ва таърихи адабиёти тоҷик низ мавриди омӯзиши ҷиддии пажӯҳишгарон қарор бигирад.

*Аҳмад ҲОҶИЕВ
Душанбе*

БОЙҒОНИИ ИЛМИИ АКАДЕМИК А.А. СЕМЁНОВ ВА ВАЗЪИ КУНУНИИ ОН

Академик Александр Александрович Семёнов нахустин директори Пажӯҳишгоҳи таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки имсол чашни 140 солагиаш қайд карда мешавад, аз шахсиятҳои мебошад, кидар таърихи илму фарҳанги кишвари мо мақоми барҷаста доранд. Ба чанд далел метавон гуфт, ки ин шахс тамоми зиндагии худро дар омӯзишу таҳқиқи осори мардуми тоҷик гузаронда, роҳи пуршебу фарози таърихи сарнавиштсози тоҷикро дар як саф бо пешгомони тамаддуни навини мо тай намудааст. Академик А.А. Семёнов ҳанӯз дар ибтидои фаъолияти илмии худ, ки ба солҳои навадуми асри XIX рост меояд, ба зиндагии мардуми тоҷик тавачҷуҳ зоҳир мекунад ва мақолаи «Муносибати тоҷикони кӯҳистон бо кӯдакон»-ро соли 1899 дар нашрияи муътабари илмӣ он замон дар Маскав аз чоп мебарорад.¹ Соле баъд А.А. Семёнов мақолаи дигарро зери унвони «Доир ба эътиқодоти динии тоҷикони кӯҳистон» дар ҳамон нашрия ба таъбир мерасонад.² Дар аввалҳои солҳои навадуми асри XIX академики оянда ба Осиеи Миёна нахустин сафари худро анҷом дода маводи фолклорӣ, лаҳҷашиносӣ ва мардумшиносӣ чамъ менамояд, ки солҳои 1900-1901 намунаҳои онҳо аз чоп мебароянд.³

Нахустин ҷоидаи илмӣ ба А.А. Семёнов низ ба асарҳои

¹ Этнографическое обозрение. Москва 1899, т. 42, № 3 стр. 99-107.

² Этнографическое обозрение. Москва 1900, т. 47, № 4 стр. 81-88

³ Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Ч. 1-2, М. ; ч.1 «Грамматический очерк и памятники народного творчества», 1900, 56 стр. с иллюстрациями; ч 2. «Памятники народного творчества и словарь», 1901, 74 стр. с иллюстрациями.

дар бораи тоҷикон навиштаи ӯ дода мешавад.¹ Соли 1903 Чамбияти дӯстдорони табиатшиносӣ ва мардумшиносии Донишгоҳи Маскав ин муҳаққиқи ҷавонро бо медали тилло сарафроз мегардонад.

Академик А.А.Семёнов аз оғоз метавон гуфт, ки бо мардуми тоҷик пайванди ногустастанӣ пайдо кард ва дар марҳилаҳои сарнавиштасозии таърихи сад соли охир нақши муҳиме дар ҳаёти илмиву фарҳангии кишвари мо доштааст. Барои исботи ин фикр кифоя аст як назар ба осори ҷопшудаи ин муҳаққиқи пурқору сермаҳсул андохта шавад.²

А.А.Семёнов дар ҳаёти илмиву фарҳангии ҷумҳурии навбунёди Тоҷикистон иштироки ғаёлона дошт, дар Чамбияти омӯзиши Тоҷикистон ва эронитаборони хорич аз он, кисоли 1925 таъсис ёфта буд, ҷиҳати иҷрои вазифаҳои ба ин Чамбият гузошташуда корҳои зиёдеро ба анҷом расонида дар мувоҳисаҳои доир ба забони тоҷикӣ ва алифбои нави лотинӣ бо мақолаву суханронии муҳим баромад кардааст.³

Солҳои сиюми асри бистум А.А.Семёнов доир ба ҳаёту ғаёлияти илмиву адабии як қатор намоёндагони бузурги илму адаби мардуми Шарқ рисолаву таҳқиқоти пурарзиш таълиф намуда, ба ҷоп мерасонад, кидар он замон дар Шӯравии собиқ беназир буданд. Аз ҷумлаи онҳо метавон аз асарҳо дар бораи Абуалӣ Ибни Сино (1937), Абурайҳон Берунӣ (1938), Алишер Навоӣ (1938), Низомии Ганҷавӣ (1939), Абуабдулло Рӯдакӣ ва Абумансур Дақиқӣ (1939), Умари Хайём ва Ҳофизӣ Шерозӣ (1940) ёдоварӣ кард.

¹Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. Москва, 1903.

²Д.Г.Вороновский. Библиография научных трудов/работ А.А. Семенова. Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А.А.Семенова. Сталинабад, 1953.

³Материальные памятники арийской культуры. – «Таджикистан». Сборник статей под редакцией Н.Л. Корженевского. Ташкент, 1926. Дар гирди алифбои нави (лотинии) тоҷикӣ. – Маҷаллаи «Раҳбари дониш», 1928, № 10-12.

Чунин ба мушоҳада мерасад, ки аз солҳои чилум сар карда ба баъд паз аз дифои рисолаи докторӣ (1942) дар мавзӯи «Сохтори марказии маъмурии идоракунии собиқ хонии Бухоро дар давраи вопасин» А.А.Семёнов комилан ба таҳқиқоти таърихӣ ва таърихнигорӣ дода мешавад. Баёни натиҷаҳои илмии ин даврони фаъолият, кито охири рӯзи ҳаёти А.А.Семёнов идома дошт, мақсади ин гузориши мухтасари мо нест, чун ин давра пурмахсултарин замони фаъолияти ин олими барҷаста ба шумор меояд ва ниёз ба таълифоти мукаммале дорад, китавонад аз ҷанбаҳои гуногун асарҳои ин давраро баррасӣ намояд ва арзиши ҳар якеро ба сазо муайян кунад.

Аз академик А.А.Семёнов китобхонаи бузург бо нусхаҳои нодири китобҳои ҷопӣ ва дастнавис, ҳамчунин бойгонии илмӣ ӯ ба ёдгори мондааст. Арзиши илмӣ китобхонаи ӯ барои тамоми муҳаққиқоне, кидар риштаи таърих дар Тоҷикистон ва берун аз ҳудуди он коре анҷом додаанд, маълуму машҳур аст.

Бойгонии академик А.А. Семёнов бинобар чараён ёфта ни зиндагӣ ва фаъолияти илмӣ ӯ дар Тошканд васипас дар Душанбе аз ду қисмат иборат мебошад. Вале ба эътирофи муҳаққиқон аксари кулли маводи бойгониро ҳамон қисмат ташкил медиҳад, ки дар охири умри академик А.А.Семёнов гирдоварӣ шуда ва дар Душанбе боқӣ мондааст. Далели ин даъво ҳамчунин он аст, ки дар бойгонии Душанбе, ки мавриди гуфтугӯи мо қарор гирифтааст, дастнависҳои асарҳои зиёди академик А. А. Семёнов, чи асарҳои, ки аз ҷоп баромадаанд ва чи асарҳои, ки ба таъби нарасида дар шакли дастнавис боқӣ мондаанд, маҳфузанд. Ҳамчунин дар китоби Б.А. Литвинский ва Н. М. Акрамов «А.А. Семёнов», ки таҳти унвони «Русские востоковеды и путешественники» соли 1971 аз ҷоп баромадааст,¹ дар хо-

¹ Б.А. Литвинский ва Н. М. Акрамов «Александр Александрович Семёнов» (научно-биографический очерк). Москва, 1971, 180 с.

тима номгӯи асарҳои чопшуда ва низ асарҳои чопнашудаи олим сабт ёфтаанд. Баррасии ин номгӯӣ нишон медиҳад, ки микдори асарҳои чопнашудаи А.А.Семёнов, ки дар китобхонаҳо ва фондҳои муассисаҳои илмӣи Ӯзбекистон боқӣ мондаанд, камшумор буда, ба тавсифи нусхаҳои хаттӣ ва литографӣ ва масъалаҳои адабиёт ва санъати мусиқӣ иртиботдоранд.

Чунон кимаълум аст зиндагӣ ва фаъолияти илмӣи А.А.Семёнов дар даврони охири умр дар Тоҷикистон ҷараён дошт. Баъди аз Тошканд ба Душанбе омадан, ки ба нахустин солҳои таъсис ёфтани Академияи илмҳои Тоҷикистон ва ба вазифаи директори Пажӯҳишгоҳи таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониш таъйин шудани ин олими бузург рост меояд, «коргоҳи эҷодии» А.А.Семёнов ба пойтахти кишвари мо интиқол дода шуд. Пас аз вафоти А.А.Семёнов дар соли 1958 бо қарори махсус маҳсули коргоҳи эҷодии ӯ дар фонди алоҳидае фароҳам гардида, ҳамчун фонди махсус зери рақами 7 ташаккул ёфт, ки он замон дар тобеъияти Шӯъбаи фондҳои илмӣ ва бойгонии Академияи илмҳои ҶШС Тоҷикистон қарор дошт. Мувофиқи муқаррароти он замон ва дастуруламалҳои ҷорӣ шурӯъӣ тамоми маводи бойгонии илмӣи А.А.Семёнов, ки дар ҳудуди 300 парванда буданд, ба се номгӯӣ (описание) ҷудо карда шуданд. Номгӯи аввал шомилӣ асарҳои илмӣи олим ва маводи корӣи вобаста ба онҳо буда иборат аз 247 парванда будааст, ки давраи аз соли 1913 то 1958 фаро мегирифтааст. Дар номгӯи дуюм тахти унвони «Маводи тарҷумаи ҳоли. 1919-1958» 22 парванда сабт ёфта ва дар номгӯи сеюм тақрибан бист парванда «Мавод оид ба фаъолияти А.А.Семёнов ва муқотиботи ӯ бо ашхоси алоҳида. 1900-1958» сабт шудаанд.

Нахустин бор муаррифии ин бойгонии академик А.А.Семёнов ба доираҳои илмӣи шарқшиносии ҷаҳон ба воситаи мақолаи Н. А. Кузнетсова сурат гирифт, ки дар

мачмӯаи «Иран» соли 1971 ба чоп расид.¹ Дар ин мақола Н.А. Кузнецова на танҳо аҳамияти бойгонии мавриди назарро барои доираҳои васеи илмӣқайд мекунад, балки аз он маводеро дар мавзӯҳои гуногун аз навиштаҳои А.А.Семёнов баррасӣ намуда диққати муҳаққиқонро ба омӯзиши ҳар чӣ бештари ин бойгонӣҷалб месозад.²

Баъд аз пошхӯрии Иттиҳоди Шуравии собиқ ва ҳарачу мараче, ки ба дунболи он дар ҳаёти ҷомеа руҳ дод, муассисаҳои илмиро низ ба касодӣ овард, ки таъсири зарари он ба бойгонии мавриди назари мо ҳам расидааст. Нобасомониҳои даврони ҷанги дохилӣ боиси ҳалалдор гардидани низоми дар муассисаҳои Академия дар замони шуравӣҷорибуда мешавад. Аз ҷумла дар низоми нигоҳдории бойғониҳо бесарусомонӣҳукмрон мегардад. Муассисаҳои илмӣ, аз ҷумла Академия дигар қудрату тавони молиявиро надошт, ки мисли замони шӯравӣ нигоҳдории бойғониҳоро ба роҳ монад. Ба ҳамин сабаб ва набудани назорати пешин буд, ки водор мекардкитобхонаву бойғониҳо аз ҷое ба ҷои дигар интиқол дода шаванд. Дар натиҷаи ин беъътиноӣҳо албатта маводе, ки дорои арзиши илмӣ ба-ланд аст, метавонад аз байн биравад.

Бо бозгаштани суботу оромӣ дар кишвари мо тавачҷуҳ ба илму фарҳанг дубора рӯ ба афзоиш ниҳод ва ба қадри имкон маблағгузорӣ низ ба муассисаҳои илмӣ нисбатан зиёд мешавад. Агарчи аҳвол дар ин самт ҳануз ба сатҳи дилхоҳ нарасидааст, аммо тамоюли рушд ва беҳбудӣ олимонеро ки ҷуз фидоии илм наметавон онҳоро номид, ба кори омӯзишу таҳқиқ дилгарм месозад. Аз зумраи ин олимони мудирӣ шуъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва нави Пажӯҳишгоҳи таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи илмҳои Тоҷикистон профессор Ҷ. Пирумшоев аст, ки маҳз бо дилсӯзии ӯ бойгонии академик

¹ Иран. Сборник статей. Москва, 1971, 200 с.

² Н. А. Кузнецова. Обзор архива академика АН Таджикской ССР А.А. Семенова. – Иран. Сборник статей. Москва, 1971, стр 34.

А.А. Семёнов аз парокандагиву нобудӣ эмин монда холо дар Фонди бойгонии шуъбаи мазкур нигоҳдорӣ мешавад. Албатта, дар ин нобасомониҳои солҳои ҷангу ноамниҳои пас аз он ба бойгонии академик А.А. Семёнов низ зарарҳои ворид шудааст. Мо аз он чи ки холо дар ихтиёр дорем ва он чи ки дар замони шӯравӣ будааст (аз ҷумла дар қиёс бо он чи Н.А. Кузнецова тавсиф кардааст), мебинем, ки баъзе мавод ва аҳёнани маводи хеле муҳим то мо нарасидааст. Масалан Кузнецова дар мақолааш ёдовар мешавад, ки дар бойгонии академик А. А. Семёнов ду асари ҳаҷман хурд маҳфуз аст, яке – «К вопросу о значении понятия «иранская культура», дигаре – «О понятиях «иранство» и «иранский» в свете современной советской науки», ки онҳоро муаллиф дар иртибот бо мувоҳида дар ин мавзӯ, ки охириҳои солҳои ҷилуми асри бистум ҷараён дошт, таълиф намуда, бо далелҳои бозғитомод ва истинод ба сарчашмаҳои аслии шарқӣ таҳаввулотӣ дар баъзе мафҳумҳои таърихӣ ва ҷуғрофиёӣ сурат гирифта ро нишон додааст.¹ Дар маҷмӯъ аз он маводе, ки замони шӯравӣ тавсиф ва ба номгӯйҳои сегонии дар боло номбурда ҷудо карда шудааст, тақрибан 50 парванда (делопайка) аз байн рафтааст, ё дар қадом гӯшае аз бойгонӣ берун афтадааст. Ба ҳамин далели ва низ ба сабаби он ки дастрасӣ ба тавсифи замони шӯравии бойгонии академик А.А. Семёновбароямон муяссар нест, мо дигар наметавонем аз тавсифи собиқ истифода намоем ва ночор онро сарфи назар карда ва он чиро, ки имрӯз дар ихтиёрамон ҳаст, аз нав тавсиф ва ба тартиби дигар ҷобаҷо кардем. Тартиби нав албатта аз стандартҳои бойгонии шӯравӣ тафовути кулӣ дорад ва барои муҳаққиқоне, ки бо тарзи коргузори дар бойгонии замони шӯравӣ хӯ гирифтаанд, шояд писандида набошад, вале дастрасӣ ба маводи бойгонии мо хеле осон карда шудааст.

¹ Н. А. Кузнецова. Обзор архива академика АН Таджикской ССР А.А. Семенова. – Иран. Сборник статей. Москва, 1971, стр 36.

Дар ҳоли ҳозир дар бойгонии А.А.Семёнов, кидар Шубаи таърихи асрҳои қадим, миёна ва нави Пажӯҳишгоҳи таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониш аст, ҳамагӣ 251 парванда нигоҳдорӣ мешавад, кидар 17 қуттӣҷойгир қарда шудаанд. Микдори парвандаҳо дар қуттиҳо гуногун аст, шумораи камтарини парвандаҳо 4 ва бештарин 22 парванда мебошад, кикамиву зиёди парвандаҳо ба ҳаҷми ҳар парванда вобаста мебошад.

Тавсифи ҷузъиёти парвандаҳо бо нишон додани номи асар, дастнавис ё чопи мошинӣ ва микдори ҷарағ ё саҳифаҳои он ва баъзан соли навишта шудани он оварда мешавад. Барои намуна дар зер тавсифи муҳтасари се парванда/папка/-ро аз қуттии аввал – ААС1 меорем.

Папка 1. Стая о Шейхе Якуба Чархи, рукопись на русском языке на 1,5 листе и машинописная копия на 3-х стр.

Папка 2. Таджикские ученые 11 века о булгарах, хазарах, русских, славянах и варягах. Рукопись на русс языке на трех листах и машинописная копия на 9 стр.

Папка 3. Шейх Муслахаддин Худжанди. Рукопись на русс. языке на 2-х стр. и разрозненные страницы из других работ Семёнова А.А.(про Махдуми Аъзам и Нуха Саманида). В этой папке хранится рукопись «Манакиби Шейх Муслахаддина Худжанди», выполненной арабским шрифтом в Худжанде в 1952 году. Рукопись в четырех ученических тетрадях, кол-во страниц 91.

Дар ҳар қуттӣ дар баробари рақамгузориҳои нави мо суроғаи нишондодаизамони шӯравӣ барои ҳар парванда (папка) қарор дода шудааст, ки бароимуҳаққиқоне, кидар он замон аз бойгонӣ истифода бурдаанд, роҳнамой шаванд. Барои намуна таносуби ифодаҳои наву кӯҳнаро дар қуттии ААС 3 нишон медиҳем:

ААС 3пап. 1	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 4
ААС3пап. 2	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 5
ААС3пап. 3	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 6

ААС3пап. 4	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 7
ААС3пап. 5	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 1
ААС3пап. 6	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 2
ААС3пап. 7	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 10
ААС3пап. 8	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 11
ААС3пап. 9	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 20
ААС3пап. 10	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 22
ААС3пап. 11	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 23
ААС3пап. 12	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 14
ААС3пап. 13	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 8
ААС3пап. 14	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 12
ААС3пап. 15	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 21
ААС3пап. 16	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 19
ААС3пап. 17	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 18
ААС3пап. 18	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 9
ААС3пап. 19	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 17
ААС3пап. 20	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 16
ААС3пап. 21	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 15
ААС3пап. 22	Оп.1 связка № 1Ед. хр № 3

Бояд қайд кард, кидар бойгонии академик А.А.Семёнов маводи зиёде мавҷуд аст, ки шоистаи баррасӣ ва таҳқиқи махсус мебошанд, вале чун мақсади мо дар ин мақола гузориши кӯтоҳе дар бораи вазъи кунунии он буд, суҳанро ба поён оварда танҳо ба чанд асари муҳим ва чопнашудае ишора мекунем, кибарои муҳаққиқони таърихи аз аҳамият ҳоли нестанд. Аз аз ҷумлаи онҳо асари Муҳаммадвафои Карминағӣ«Тӯҳфаи хонӣ» мебошад, киакадемик А.А.Семёнов ҳамчун асари муҳим дар бораи таърихи ҳокимони охиринаи аштархонӣ ва аввалин намояндагони хонадони манғитӣ онро тарҷума кардааст. Ин асар дар шакли дастнавис дар ҳаҷми 8 дафтари мактабӣ маҳфуз аст, киаз он дар ҳудуди 80 саҳифа дар мошинка чоп шудааст.

Дигаре дар бораи охиринаи муаррихи аморати Бухоро

Мирзо Муҳаммад Салимбеки парвоначӣ, кидастнависи он дар 23 варақи ҳаҷми калон ва чопи мошинка бо таҳрири иловаҳои А.А.Семёнов нигоҳдорӣ мешавад.

Ба омӯзишу таҳқиқи ҳаёт ва ҷаҳолияти илмии академик А.А.Семёнов муҳаққиқони аврупоӣ таваҷҷуҳ зоҳир меку- нанд. Тайи чанд соли охир муҳаққиқи олмонӣ Матиас Пат- тис ба омӯзиши зиндагӣ ва ҷаҳолияти А.А.Семёновпардохта, аз дидгоҳи иштироки ӯ дар раванди давлатсозии тоҷикон дар қарни бистум таҳқиқот анҷом медиҳад. Ин муҳаққиқ дар мавзӯи мазкур ишораҳои ҷолибе дорад ва аз ҷумла дар бораи пофишориҳои А.А.Семёнов ва дифоҳи ӯ аз манфиатҳои тоҷикон ва фарҳанги онон дар ин давраи таърихии барои мардуми мо душвор сухан меронад. Воқеъан, академик А.А.Семёнов ба- рои илму фарҳанги мо хидматҳои шоиста адо намудааст ва дар ин бора агар соҳибони фарҳанг ба далелҳои гуногун камтар навиштаанд, вале баъзе нишонаҳоро мо мебинем, ки аз кадрдонӣ ба ин олими бузург дарак медиҳад. Манзури мо масалан, дар Куллиёти устод Садриддин Айнӣҷой додани акси академик А.А.Семёнов мебошад, кизоҳиран бояд ҳеҷ иртиботе ба чопи осори Айнӣ надошта бошад. Дар асл бо- шад ин нишонгари он аст, ки А.А.Семёнов дар ин даврони пуршебу фарози таърихи мардуми тоҷик дар паҳлу ва такагоҳи бузургтарин намояндаи фарҳанги ин миллат – Садриддин Айнӣ будааст.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА: СТЕРЕОТИПЫ ПРОШЛОГО ИЛИ НОВОЕ ВИДЕНИЕ

Предметом изучения исторической науки является, прежде всего, социальное в истории человечества. При этом историческая наука изучает не только отдельные социальные явления, сколько социокультурные феномены, каждое явление в их собственной разительной значимости как неповторимое и уникальное во времени пространстве. Одним из таких «феноменов» стало так называемое «вхождение» Казахской степи в состав Российской империи (либо принятие Российского протектората), а затем превращение ее на долгие годы, в сырьевой придаток метрополии.

С начала данного процесса в российской исторической науке начинается систематическое изучение казахского народа. В казахскую степь были посланы Академические экспедиции, несколько позднее выходит целая серия исторических, этнографических трудов, этюдов И.Г. Андреева, Н.А. Аристова, И. Завалишина, Н. Зеланда, М. Красовского, А.И. Левшина, Г.Н. Потанина, В. Радлова, Н.М. Ядринцева др.

В большинстве трудов российских авторов четко прослеживается политика России XVIII–XIX вв., вызванная этатистскими целями. Русская колонизация окраин «со сплошным инородческим населением» признавалась «важной с точки зрения общих интересов государства», как содействующая «культурному сближению с остальными частями империи»¹. Авторы выводили доказательства исторической миссии русской государственности в борьбе со «степными варварами», высказывая высокомерное, пренеб-

¹ Национальная политика России: история и современность. – М.: Информ. изд. агентство «Русский мир», 1997. – 680 с.

режительное отношение к казахам. Так, автор первого обобщающего труда по истории казахов А. Левшин писал, что «русское правительство совсем не желало терять образованное войско для преследования по безводным степям кочевых разбойников..., сделавшись подданными (России), они не перестали быть хищниками..., непостоянство и ветреность киргизского народа, оединенные корыстолюбием, делают все связи непрочными...» и т.д.¹.

Но уже в тот период были исследователи, которые составили оппозицию принципам государственного подхода по отношению к «инородцам» и дали объективную оценку событиям, происходившим в степи. Среди них можно назвать Н.М. Ядринцева, предлагавшего увидеть в номадизме сложное социально-экономическое явление, которое невозможно рассматривать, исходя из концепции однолинейности общественной эволюции, Г.Н. Потанина, уделявшего большое внимание этническим процессам среди казахов. Прогрессивные, демократические тенденции «восточной гипотезы» Г.Н. Потанина состояли в стремлении преодолеть «арийское высокомерие европейской филологии», признание абсолютной ценности духовной культуры кочевников².

В XX в., с приходом к власти большевиков, объявивших всеобщее равенство народов, русские исследователи практически так и не преодолели это «арийское высокомерие». Более того, важнейшей аксиомой, господствовавшей в российской историографии в период сталинизма, было утвер-

¹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы, 1996. – С. 222, 260, 324, 351.

² Ядринцев Н.М. Значение кочевого быта в истории человеческой культуры // Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891. – С. 243-264.; Ядринцев Н.М. Кочевой быт и исследования в степях // Восточное обозрение. – 1886. – март 20. – С. 10-12.; Потанин Г.Н. Заметки о Западной Сибири // Русское слово, 1860. – № 9. – Отд. 1. – С. 189-214.; Потанин Г.Н. Инородческий вопрос в Сибири // Восточное обозрение. – 1884. – июнь 28. – С. 9-11.

ждение о прогрессивном значении русской колонизации края, что свидетельствует о сохранении позиций великодержавной, великорусской идеологии. Естественно, что история казахского народа писалась с позиции господствующей тогда «ждановдской» школы, а отдельные исследователи, которые выступали против Системы, попадали под ее пресс. Ярким примером данного отношения является судьба казахского историка Е. Бекмаханова.

Современный исследователь В.В. Трепавлов показывает объективный подход к российской истории и справедливо утверждает, что: «До 1917 г. «Святая Русь» изначально избражалась как крепость, осажденная разномастными врагами – «погаными», «басурманами», «псами-рыцарями» и т.п... Различные теории «освоения Сибири» (в действительности освоенной местным населением за тысячи лет до Ермака (в том числе и предками казахов – С.Р.), присоединение к России как «наименьшее зло» и т.п. оправдывали итоги подобного территориального расширения и завоеваний. ...Эта традиция в несколько модифицированном виде была продолжена затем и советской историографией»¹.

Новое время накладывает новые штампы. Обретение Казахстаном независимости поставило сложные задачи оформления политической, социально-экономической, правовой и культурной основы государственности. Следствием всех преобразований явилось стремление казахстанских ториков переосмыслить свою историю. Распад Советского Союза способствовал практически полному разрушению научных связей между республиками, породил вакуум в изучении отдельных аспектов их истории. Особенно очевидна данная тенденция в отношениях Российской Федерации и Республики Казахстан. Она способствовала снижению активности российских исследователей в изучении проблем исторических связей империи с кочевым сообще-

¹ Отечественная история. – М., 2003. – № 1. – С.114.

ством, в том числе и колониальной политики царского правительства. Работы казахстанских ученых в современной российской историографии еще не получили специального исследования и всестороннего обобщения.

Кроме того, в российской исторической науке продолжает иметь место концепция, согласно которой Москва заняла лидирующее положение в разложившейся монгольской империи, став центром «объединения» земель, и распространение ее влияния в Сибири для коренных этносов, означало всего лишь смену сюзеренов. В свете данной концепции наивно полагать, а ргіогі, что подходы и трактовки, предлагаемые по вопросам добровольности принятия российского протектората, борьбы казахов за свои исконные территории в XVIII – XIX вв., учеными Казахстана и России, будут тождественны. Так попытки восстановления исторической справедливости по вопросам хронологии заселения казахами южной части Сибири, признания казахов одним из коренных народов вызывает со стороны некоторой части российских коллег возмущение, обвинение в «казахском этнонационализме и мелкодержавии».

Поэтому мы отмечаем некоторое противостояние в освещении затрагиваемых проблем в российской и в казахстанской историографии, что, в свою очередь, привело к появлению ряда популистских изданий, как среди российских, так и некоторых казахстанских авторов¹.

Кроме того, многие из современных казахстанских историков к вопросам земельной политики, экономики подходят однобоко, видя в присоединении Казахстана к России только негативную сторону, не замечая давние экономические и культурные связи, которые сложились между казахским и русским народами. Возможно, это объясняется тем, что для исторической науки Казахстана характерно сохранение ре-

¹ Кузембайулы А., Абель Е. Казахская Сибирь. – Костанай, 1997. – 52 с.; Феоктистов А. Русские, казахи и Алтай. – Москва-Усть-Каменогорск, 1992.

гиональной или же территориальной замкнутости, что стало результатом того, что долгие годы историки республики были «оторваны» от всемирной истории: и тематика исследований, и публикации ограничивались казахстанской, даже издательства были «профильными» – республиканскими. Искусственная замкнутость на региональных проблемах – при всей их важности – не могла не привести к определенной узости историко-философского мышления, а противопоставление современности прошлому привело практически к отрицанию преемственности истории, к изоляции казахстанской исторической науки от мировой и, как следствие, к ее отставанию. Вот почему важнейшей задачей гуманитарных наук в Казахстане становится необходимость выхода из ставшей привычкой изоляции на мировой простор и уровень. Территориальный аспект нельзя рассматривать односторонне, в разрыве от всемирной истории, потому что искусственная замкнутость на региональных проблемах – при всей их важности – может привести к определенной узости историко-философского мышления, а противопоставление современности прошлому приведет к отрицанию преемственности в истории, к изоляции казахстанской исторической науки от мировой, т.к. только «в наши дни, существует реальное единство человечества, которое заключается в том, что нигде не может произойти ничего существенного без того, чтобы не затронуло всех»¹.

Еще одной «болезнью» казахстанской исторической науки является все еще сохранение некоторой идеализации исторических деятелей, преобладают элементы стандартизации, героизация, стереотипные определения и оценки их деятельности, отсутствуют раскрытие и научный анализ индивидуальных психологических черт личности тех или иных выдающихся людей. Как отмечают современные исследователи: «Соблазн дешевой сенсационности, эффективно-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1994. – С.213.

сти парадоксов и следование «моде» ..., мощная волна псевдо и лжеисторий, шельмование нашего прошлого – огромная опасность и для науки, и для общества. Это опасность потери иммунитета историзма, утраты обществом исторической памяти и культуры. Если это произойдет, мы обречены на утрату собственной идентичности и можем стать легкой жертвой любого бездумного или злонамеренного реформаторства».¹

На наш взгляд, указанные проблемы имеют не только научное, но и большое общественное значение. При изучении данных вопросов, необходим объективный подход, свободный от конъюнктурного или эмоционального влияния, правдиво отражающий как негативные, так и позитивные последствия колониальной политики царизма. Сегодня от объективного отражения истории, принципиальной оценки исторических событий, зависят современные взаимоотношения между казахским и русским народами. И в этом плане проблема обретает новые стимулы к своей постановке.

Распад СССР и образование суверенного Казахстана, изменения в идеологии потребовали формирования более широкого, объективного и полноценного представления об исторических процессах и явлениях. Историческая наука Казахстана стала развиваться в новом измерении – самостоятельном казахстанском историко-научном и историографическом пространстве, перейдя из плоскости чисто политического интереса в плоскость научного осмысления. Сегодня, по сравнению с начальным периодом Независимости, политическая конъюнктура и несколько эмоциональное освоение сюжетов национальной истории уступили место более осмысленному и теоретически выверенному процессу.

Приоритетными направлениями в развитии казахстанской исторической науки становятся: актуальные проблемы

¹ Новая и новейшая история. – М., 2000. №2. – С.26.

исторической науки; историография, источниковедение, методы исторического исследования; материалы, посвященные жизнедеятельности выдающихся общественно-политических деятелей и ученых и др. Результаты научной деятельности ученых республики отражены в фундаментальных исследованиях, монографических трудах. Принципиально новым и актуальным для казахстанской исторической науки представляется подход к человеческому измерению истории российско-казахских связей. Ученые едины во мнении о том, что важным фактором исторического прогресса является фактор личности, а исследования в этом направлении есть составной компонент национальной идеи.

МАРОСИМИ ТЀЙ ВА УНСУРҲОИ ОН ДАР АФСОНАҲОИ СЕҲРОМЕЗИ БАДАХШОН

Дар раванди инкишофи ҳаёти моддӣ-ичтимоӣ, маънавӣ-фарҳангии чомеа бисёр расму оин ва урфу одат марбут ба маросимҳои мардумӣ аз байн рафтаанд, вале бархе аз онҳо то имрӯз ҳам бо ҳамон тарзе ки аҷдодони мо онҳоро ба чо меоварданд, байни мардум роичҳастанд.

Яке аз маросимҳои қадимаи мардумӣ тӯй буда, он, дар ҳар манотиқу кишвар, вобаста ба ҳаёти моддӣ – маишӣ хусусиятимиллӣ ва маҳаллӣ, расму одат ва оинҳои хоси ҳамон мардум гузаронида мешавад.

Тадқиқу омӯзиши расму оин ва урфу одатҳои мардуми Бадахшон, ба вижа маросими тӯй, аз нимаи дуоми асри XIX сурат гирифтааст. Дар ин чода хизмати мардумшиносону эроншиносон ва фолклоршиносон А.Г.Серебренников, А.Е.Снесарёв, И.И.Зарубин, А.А.Семёнов, М.С. Андреев, А.А. Бобринской, А.Ф. Моногарова, А.З. Розенфелд, Н.А.Кисляков, Н.Шакармамадов, З.Юсуфбекова, Л. Додихудоева, Т.Қаландарова дигар олимони варзида ниҳоят бузург аст. Муҳаққиқони номбурда дар баробари омӯзиши паҳлӯҳои соири ҳаёти мардуми Кӯҳистони Бадахшон, маросимҳои мардумии ин мавзёро низ мавриди пажӯҳиш қарор дода, роҷеъ ба мавқеи онҳо дар байни соқинони навоҳии Бадахшон маълумоти пурқиммате додаанд.

Капитани штаби генералии Россияи подшоҳӣ, А.Г.Серебренников ба расму оини мардуми Шугнон мароқ зоҳир намуда, дар бораи тарзи гузаронидани маросими тӯй дар водии номбурда маълумот додааст. Ӯ зимни мушоҳидаҳои дар атрофи баъзе унсурҳои ин маросим нуктаи назар иброз намудааст (9).

Мардумшиноси рус А.А.Семёнов дар баробари нишон додани тарзи рӯзгордорӣ, машғулият, касбу ҳунар ва дину мазҳаби мардуми кӯҳистон (Дарвоз) инчунин, роҷеъ ба маросими тӯӣ низ маълумоти пурқимат додаст.(9)

Дертар, дар ибтидои садаи ХХ аз тарафи граф А.А.Бобринской дар бораи маросими тӯӣ мардуми водии Ишкошим, Вахон, Ғунд ва Шуғнон баъзе маълумотҳо дастрас гардидаанд (3).

Бояд тазаккур дод, ки анъанайи омӯхтани фарҳанги моддӣ ва маънавӣ, расму оин, урфу одат ва нуқтаҳои дигари ҳаёти сокинони Бадахшон минбаъд ҳам аз тарафи мардумшиносони рус идома меёбад. Мардумшиноси рус М.С.Андреев зимни пажӯҳиши худ дар водии Хуф, паҳлӯҳои гуногуни ҳаёти мардуми ин водиро омӯхта, роҷеъ ба он дар асари ду ҷилдаи худ «Гаджикӣ долины Хуф» («Тоҷикони водии Хуф») иттилоъ додааст. Дар асари номбурда дар бораи расму одати мардумӣ, маросимҳо, бозиҳои бачагона ва тарзи рӯзгордорию машғулияти аҳолии водии Хуф сухан меравад. Маълумотеро, ки муаллиф дар бораи тарзи гузаронидани маросими тӯӣ арӯсӣ, иҷрои сурудҳои тӯӣ ва иҷрои бархе аз расму одатҳои марбутиин маросим, гирдоварӣ намуздааст, хеле ҷолиб ҳастанд. Дар ҳамин боб суруди хоси маросими тӯӣ «Сартарошон» дар шакли мукамал дарҷ шудааст. Умуман, тадқиқоти мазкур барои омӯхтани муносибати асарҳои фолклорӣ ба маросими тӯӣ арӯсӣ сарчашмаи пурқимат ҳисоб меёбад (2).

Аз байни муҳаққиқони муосири ватанӣ З. Юсуфбекова дар рисолаи тадқиқотияш «Семья и семейный быт шугнанцев» роҷеъ ба мақоми тӯӣ, тарзи иҷрои унсурҳои он дар ҳаёти иҷтимоии мардуми Шуғнон, хусусиятҳои фарқкунанда ва ҳамрангии он дар муқоиса бо навоҳии дигари манотиқи Кӯҳистони Бадахшон маълумот додааст (18).

Таърихнигор Т.С.Қаландаров дар китоби хеш мусаммо ба «Шугнанцы» («Шуғнониҳо») аз рӯи сарчашмаи маъхазҳои инчунин, маводи ҷамъовардааш оид ба таърих, фарҳанги

моддӣ ва маънавии шуғнониҳо, манзил ва чоӣ сукунати онҳо, тарзи хочагидорӣ, либос ва таом, расму таомули оилавӣ, этиқодоти динӣ ва ҳамчунин, дар бораи чиҳатҳои антропологии мардуми ин мавзеъ маълумот додааст. Муҳаққиқ дар боби алоҳида роҷеъ ба гузаронидани маросими тӯӣ арӯсӣ дар водии Шуғнон маълумот додааст. Вай дар тақвияти мулоҳизаҳои нуктаи назари пажӯҳишгарони дигарро ҷонибдорӣ намуда, дар бораи баъзе лаҳзаҳо ва унсурҳои тӯӣ чанд ақидаи навро иброз доштааст (4).

Агарчӣ маросими тӯӣ арӯсӣ бо ҳамаи унсурҳои аз тарафи мардумшиносон аз лиҳози этникӣ мавриди баррасӣ қарор гирифта бошад ҳам, аз нуктаи назари фолклорӣ ниҳоят кам пажӯҳишшудааст.

«Рубоиёт ва сурудҳои халқии Бадахшон» нахустин маҷмӯае буд, ки дар он 15 номгӯӣ сурудҳои мансуби маросими тӯӣ дарҷ гардида буданд. Мураттиби маҷмӯа, фолклоршинос Н.Шакармамадов ин сурудҳоро тибқи иҷрояшон тасниф намудааст. (8, 81-100).

Дертар соли 1970 А.З.Розенфельд дар асоси сурудҳои рубоиёти ҳамин маҷмӯа мақолаи илмиро ба унвони «Свадебный фолклор припамирских таджиков» таълиф намуд. (7)

Н. Шакармамадов зимни тадқиқи тафсири назми халқии Бадахшон дар рисолааш «Назми халқии Бадахшон», ки аввалин тадқиқоти нисбатан мукаммал доир ба фолклори Бадахшон маҳсуб меёбад, як боби маҳсусро ба «Сурудҳои маросими тӯӣ» бахшидааст (17). Муаллиф тавассути тадқиқот муҳимтарин хусусияти назми лафзии Бадахшон ва ҳиссаи мардумро дар офаридани ин навъи асарҳо нишон дода, қайд намудааст, ки: «...маросими тӯӣ арӯсии мардуми Бадахшон як навъ намоиши сахнавии драмаи мусикиро мемунад» (17, 26).

Соли 1993 маҷмӯаи илмӣ-оммавии «Сурудҳои тӯии Помир» (Мураттиб ва ҳозиркунандаи ҷоп Н.Шакармамадов) ба таъби расид. Ҷамъ дар маҷмӯа 86 номгӯӣ суруд гирдоварӣ шудааст, ки 16-тоаш ба забонҳои маҳаллӣ гуфта шудаанд.

(13)

Аз ин маҷмӯа бори дигар ба таври барҷаста аён мешавад, ки маросими тӯи арӯсии мардуми Бадахшонбо эҷодиёти бадеии лафзӣ дар алокаи зич қарор дошта, мардум бесабаб «сур-ат соз», яъне «тӯй ва суруд тавъаманд» намегӯянд.(17,30)

Туй маросими ниҳоят мураккаб буда, унсурҳои зиёдро дар бар мегирад. Бо гузашти айём ва пешравии тараққиёти ҷамъияти инсонӣ ба маросими тӯй ва унсурҳои он таъсири амиқ расида истодааст. Ба қавли Н. Шакармамадов «...ба мурури замон дар натиҷаи тағйир ёфтани ҳаёти иҷтимоӣ, моддӣ ва маънавии мардум қисме аз расму оинҳои мансуби тӯй ё тамоман ва ё дар шакли дигар амалӣ мегарданд» (13,3).

Бояд тазаккур дод, ки новобаста аз ин тағйиротҳои унсурҳои асосии тӯй ба монанди хостгорӣ, хешӣ, никоҳ, тӯйи арӯсӣ ва саршӯён имрӯз ҳам ботарзу усули аҷдодӣ гузаронида мешаванд. Тӯй «дар ҳар як халқ аз ибтидо то интиҳо бо асарҳои фолклорӣ фаро гирифта мешавад»(16,88) ва ҳамин вижагӣ ба тӯйи арӯсии мардуми Кӯҳистони Бадахшон низ хос аст. Далели исботи ин гуфтаҳо, истифодаи сурудҳои мансуби тӯй, ки ба як шакли муайян даромадаанд, мебошанд.

Афсона дар эҷодиёти бадеии лафзии мардуми КӯҳистониБадахшон мақоми хосса дорад. Дар афсонаҳо, аз ҷумла афсонаҳои сеҳромез, дар баробари ҳодисаҳои пурпечу тоби аҷоибу ғароиб, сеҳру ҷоду, қувваҳои хорикуллода ва ашӯҳои сеҳрнок инчунин, бисёр унсурҳои ҳаёти воқеӣ низ ба тасвир омадаанд ва ин вижагиҳо дар мундариҷаи ғоявӣ ва амалиёти персонажҳо ба зӯҳур меоянд. Яке аз ҷунин унсурҳои ҳаёти воқеӣ тӯйи арӯсӣ буда, дар афсонаҳои сеҳромез доир ба тарзи гузаронидани он ва унсурҳояш хеле зиёд ишора рафтааст.

Пайдост, ки афсонаҳо тасвири васею доманадори

ходисаро намеписанданд, аз ҳамин лиҳоз дар онҳо маросими тӯй ва унсуриҳои он ба таври умумӣ ва дар шакли чамъбастинӣ ёфтааст.

Дар афсонаҳо дар бораи никоҳи барвақтӣ ягон ишорае наарафтааст. Асосан, ишора ба он меравад, ки персонажи асосӣ баъди ба балоғат расиданаш мақсади ҳамхона шуданро дар пеши худ мегузорад. Аммо муҳаққиқон дар бораи вучуд доштани никоҳи барвақтӣ дар Бадахшондар осору таълифоташон сухан рондаанд. (2;9;17).

Дар маъхазҳои сарчашмаҳо ҳам дар ин бора таъкид ва ишора ба он меравад, ки дар Бадахшон дар замонҳои гузашта издивоҷ барои писарон аз синни 14 то 20 солагӣ ва барои духтарон аз 12 то 16солагӣ муқаррар шуда будааст. (1-55-56; 2-120; 9-79-80)

Аз ҷумла А.Г.Серебреников дар ин бора чунин нигоштааст: «Баъзан ҳамин хел мешуд, ки зану шавҳари ҷавон то ба балоғат расиданашон ҳар яке дар алоҳидагӣ, дар хонаи волидонашон зиндагӣ мекарданд. Танҳо баъди ба балоғат расидан, ҳуқуқи ҳаёти мустақилонаро пайдо мекарданд» (18,89).

Дар гузашта гаҳворабахш намудани кӯдакони навзод дар Бадахшон хеле маъмул будааст. Дар рӯзи нахустини таваллуди тифлон волидонашон рӯмолчаи рӯйпӯши онҳоро (писару духтарро) иваз мекарданд ва ба ҳамин васила волидонашон аҳд баста, кӯдакони номзад менамуданд. Аслан гаҳворабахш намудани ду тифл дар байни ду бародар, хешу табори наздик ва ё дӯстони қарин ба миён меомад.

Муҳаққиқ Н. Э. Тошматов дар бораи мавҷуд будани ин расм дар байни мардуми Ўротеппа сухан ронда, аз ҷумла нигоштааст: «Сокинони ин маҳал чунин шарҳ медиҳанд, ки гӯё тавассути гаҳворабахш намудани тифлони навзод, одамон риштаи хешу табордориро боз ҳам мустаҳкамтар мекунанд. Бо ин амали худ онҳо рӯҳи аҷдодони гузаштаро шод намуда, дили онҳоро нисбат ба тифлон нарм мекунанд ва гӯё аз ояндаи кӯдакони дилашон пур мешавад (15,136).

Баъзан ба хотири бо ягон одами бою бадавлат муносибати хешу таборӣ доштан ва ё ба хонаи худ овардани арӯс аз оилаи ҳунарманд ҳам падару модар кӯдаконро гаҳворабахш менамуданд.

Дар Ҷротеппа вақте ки кӯдаконро гаҳворабахш мекунанд, ҳар гуна русум иҷро мешавад. Масалан, вақте ки бори нахуст кӯдаки гаҳворабахшро, хусусан, духтарчаро, дар гаҳвора хобонданӣ мешаванд, ҳангоми синамаконӣ, ягон зани солхӯрда нонро дар равшан тар карда, дар даҳани модараш мемонад ва кӯдакони дигари дар ҳамон ҷо ҳузур дошта, нонро аз даҳони модари тифл кашида мегиранду онро реза карда ба ҳама тақсим мекунанд ва онро меҳӯранд.

О.А.Сухарева ин русумро чунин шарҳ додааст: «Ин нон маънои рамзӣ дорад, ин гӯё ҳамон нони тӯёнае ҳаст, ки минбаъд онро дар тӯйи кӯдакони гаҳворабахш мешикананд»(14,144-149).

Дар байни сокинони навоҳии Тоҷикистон боз чанд расму таомули дигаре вучуд доранд, ки тавассути онҳо ҳам кӯдаконро гаҳворабахш мекунанд.

Дар байни тоҷикони шимол ҳамин хел одате вучуд дошт ва ҳозир ҳамроич аст, ки агар кӯдакро гаҳворабахш карданӣ шаванд, модари писарча дар муддати се рӯз остони дар, ё сари оташдонро мерӯбад ва бо ҳамин амалаш ба ҳамон оила мефаҳмонад, ки ман духтарчаатонро барои писарам гаҳворабахш карданӣҳастам. Ё ин ки модари писарча барои духтарча курта дӯхта бурда, ба ӯ мепӯшонад ва ё дар гӯши духтарча гӯшвор мекунад. Волидайнӣ духтарча агар розӣ бошанд, бо ҳамин аҳду паймон баста, кӯдаконро гаҳворабахш мекунанд.

Бояд тазакурр дод, ки дар Бадахшон на ҳама вақт кӯдакони гаҳворабахш ба ҳамигар мерасиданд ва дар афсонаҳо низ чунин тарз ранг гирифтани ҳодисаи ҳаётӣ таҷассум гардидааст.

Дар афсонаҳо аксаран подшоҳ ва вазир кӯдаконашонро гаҳворабахш мекунанд. Масалан, дар афсонаи

«Шохзодалаъл ва Дурбону» дар ин бора омадааст:

Подшоҳ гуфт:

– Вазир, хело хуб шуд, ки дар як рӯз ман писардору ту духтардор шудӣ. Вақте ки онҳо ба балоғат мерасанд, ман духтаратро ба писарам медиҳам.

Онҳо ба якдигар қавл дода, савганд ёд карданд ва дуо хонданд» (11, 27).

Дар афсонаи дигар омадааст:

«Мо ва вазир қавлу қасам карда будем, ки ҳар дуи онҳоро гаҳворабахш кунем»(VI: 1418-1440).

Персонажҳое, ки дар афсона гаҳворабахш мешаванд, якчоя ба воя расида, дӯстияшон ба ишқи ҳақиқӣ табдил меёбад ва ҳангоме ки оила барпо карданӣ мешаванд, дар аксари афсонаҳо волидони духтар аҳдшиканӣ намуда, ошиқонро ҷудо карданӣ мешаванд. Ҳамин дилсахтию беилтифотии онҳо сабаб шуда, қаҳрамонва дӯстдоштааш барои муҳофизати ишқи покашон аз бемуруватию нофаҳмии падару модар фирори ватан менамоянд. Пасон, воқеа ва ҳодисаҳои зиёди фавқуллода ва пурхатарро аз сар гузаронда, ба василаи қувваҳои хайрхоҳ ва ашӯҳои сеҳрнок ба муроду мақсад мерасанд.

Ҳодисаи номзад намудани фарзандони ду бародар низ дар афсонаҳо акс ёфтааст. Дар афсонаҳои «Варқа ва Гулшо», «Гул ва Ноз» ва «Ду бародар» дар қудакӣ номзад кардану дар синни балоғат бадахдӣ намудани падару модари духтарзикр шудааст.

Чунончи, дар афсонаи «Гул ва Ноз» дар ин бора омадааст: «Чун Ноз ба синни балоғат расид ва модараш аз сирри дилаш бохабар шуд, ба хонаи амакаш рафт ва Гулро барои вай хостгорӣ намуд. Зани подшоҳ мақсади ӯро фамида, шавҳарашро ба хонаи дигар бурда гуфт, ки агар бародарат зинда мебуд, майлаш, мо духтарамонро ба ҷиянат меодем, аммо ҳозир ман қатъӣ муқобили ин издивоҷҳастам. Подшоҳ гуфт: «Охир Гул ва Ноз гаҳворабахш ҳастанд-ку? Ман аз арвоҳи бародарам метарсам». Занаш қаҳр карда, бо ситеза-

гуфт: «Ту аз арвоҳи бародарат битарсӣ агар, ман аз ояндаи номаълуми духтарам метарсам, не, ман тамоман розӣ нестам». Ва ӯ пеши модари Ноз рафта ба вай ҷавоби рад дод». Норозигии модари Гул боиси аз ватан гурехтани ду дилдода шуда, дар мамлакати ғайр онҳо ба чандин хорию залилӣ дучор мешаванд ва дар охир бо кӯмаки пиразани хайрхоҳ ва ашӯҳои мӯъҷизаноки бахшидаи вай Гул ва Ноз ба муроду мақсад мерасанд.

Аз баррасиҳои фавқ чунин **хулоса** баровардан мумкин аст:

1. Тибқи мазмуни афсонаҳо тахмин намудан мумкин аст, ки ханӯз аз гузашта ин ҷониб тӯйи арӯсӣ бо ҳамаи унсурҳои то замони мо расидааш, аз он ҷумла; хостгорӣ, хешӣ, никоҳ ва саршӯён гузаронида мешудааст ва дар натиҷаи инкишофи ҷомеа то ханӯз низ ба ҷуз баъзе тағйиротҳо бо ҳамон тарзу усул мегузарад.

2). Новобаста аз он, ки дар афсонаҳо роҷеъ ба маросими тӯй ишора рафта бошад ҳам, лекин формулаи издивоҷ нишон дод, ки ин унсур дар афсонаҳо аз ҳаёти воқеӣ фарқ карда меистад.

3). На ҳамаи ҳақиқати воқеӣ оид ба издивоҷ дар афсонаҳо таҷассум ёфтааст.

4). Аз гуфтаҳои боло бар меояд, ки аз таҳлили афсонаҳои сеҳромези Бадахшон барои хонанда ва шунаванда дастрас намудани маълумоти пурра оид ба маросими тӯйи арӯсӣ ва унсурҳои он душвор аст.

АДАБИЁТ

1. Акрамов Н.М. Вопросы истории, археологии народов Памира и Припамирья в трудах В.Л.Громбчевского. – Душанбе, 1974.
2. Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму Дарьи) – вып.1. Труды АН Тадж. ССР. Институт истории, археологии и этнографии. Материалы к изучению куль-

- туры и быта таджиков. – Сталинабад, 1953.
3. Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. (ваханцы и ишкашимцы). М., 1908.
 4. Каландаров Т.С. Шугнанцы (историко-этнографическое исследование). – М., 2004.
 5. Намунаҳои фольклори Дарвоз. Чамъкунанда ва тартибдиҳанда А.З. Розенфельд. – Нашр. Дав. Тоъ., 1955.
 6. Никифоров А.И. Мотив, функция, стиль и классовый рефлекс в сказке. Сборник статей, посвящённых академику А.С. Орлову. – Ленинград, 1933.
 7. Розенфельд А.З. Свадебный фольклор припамирских таджиков // Фольклор и этнография. – Ленинград, отд., Л.: Наука, 1970.
 8. Рубоӣёт ва сурудҳои халқии Бадахшон. Чамъкунанда ва тартибдиҳанда Н. Шакармамадов. – Душанбе: Ирфон, 1965.
 9. Семёнов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.
 10. Серебренников А.Г. Очерк Шугнана // Военный сборник. – № 12, 1895.
 11. Сказки народов Памира. Составление и комментарии И. М. Стеблин – Каменский и А.Л. Грюнберг. – М.: Наука, 1976.
 12. Сказки и легенды горных таджиков. Составление, перевод с таджикского и комментарий А.З. Розенфельд и Н. П. Ричковой. – Душанбе, 1990.
 13. Сурудҳои тӯии Помир. Мураттиб ва ҳозиркунандаи чоп Н. Шакармамадов. – Хоруғ, 1993.
 14. Сухарева О.А. Мать и ребенок у таджиков. – В кн.: Иран, (сборник статей). – Л.: Изд-во АН СССР, 1929.
 15. Тошматов Н.Э. Сватовство и сговор у населения Уратюбинского района. Этнография в Таджикистане Отв. ред. – канд. истор. Наук А.С. Давыдов. – Душанбе: Дониш, 1989.
 16. Шакармамадов Н. Назми халқии Бадахшон. – Душанбе: Дониш, 1975.
 17. Шакармамадов Н. Бадахшондар масири тамаддуни

- умумибашарӣ. – Душанбе: Дониш, 2006.
18. Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX – начало XX вв). – Душанбе: Шарши озода, 2001.

МАНБАЪҲОИ ФОНДИ ДАСТХАТҲО

1. V1: 1418 – 1440 Тл. 12, қ. Ванқалъа, н. Шугнон, 1961, М. Давлатшоев < Саидакбар Саидисрибов, 17 сола, талабаи синфи 10.
2. ФШ11: 3790 – 3796 қ. Тусён, н. Роштқалъа, 1990, Манзура Раҷаббекова < Майно Шобекова, 91 сола.
3. ФШ11: ш. Хоруғ, 2002, Х. Фозилбекова (кори курсӣ), донишчӯи курси 3.
4. ФШ I: 4284 – 4303 қ. Бачув, 1961, Д. Карамшоев < Ҳавобек Шодмонбеков, нафақахӯр.
5. ФШ11: қ. Пашор, н. Шугнон, 2004, Гулнисо Ризвоншоева < Кимёбегим Ақдодова, нафақахӯр.
6. ФШ11: н. Роштқалъа, Шодихон Юсуфбеков, корманди илмӣ.
7. ФШ11: қ. Бароҷ, н. Роштқалъа, Шодихон Юсуфбеков < Мавлоназар Мавлоназаров, нафақахӯр.

*Давлатали АЛИМОВ,
Махмадулло ДЖАЛИЛОВ,
Файзиддин НАБОТОВ
Курган-Тюбе*

**ВКЛАД ТРУДЯЩИХСЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В ВОССТАНОВЛЕНИЕ
ОРОСИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ И РАЗВИТИЕ
ИРРИГАЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В ХАТЛОНСКОЙ ОБЛАСТИ
(1924-1930 гг.)**

Таджикистан представляет собой горную страну, где 93% территории республики занимают горные системы Алая и Памира. Долинные земли составляют 9,9 тыс. кв. км или 7% территории. Поэтому основную часть своей народнохозяйственной жизни, особенно орошаемого земледелия, республика сосредоточила на имеющихся незначительных равнинных пространствах, представляющих в большинстве случаев расширенные участки речных долин. По данным 1929 года, годными к орошению и сельскохозяйственному использованию земель числилось свыше одного миллиона гектаров. А в 1968 году таких земель определялось до 1070 тыс.¹ Приведенные данные почти совпадают, хотя они относятся к разным, значительно отдаленным друг от друга, периодам. Таким образом, возможный прирост орошаемой площади был и есть немалым. Из общей площади, пригодных для полива земель, примерно на 600 тыс. гектарах возможно возделывание хлопчатника.²

Благоприятные климатические условия Таджикистана в долинных землях позволяют возделывать все основные

¹ Ходжибаев А. Таджикистан. Краткий политико-экономический очерк Таджикской ССР. – М., 1929. – С.31.

² Рязанцев С. Н. Таджикская ССР./ В кн.: «Средняя Азия». – М., 1968. – С.417.

сельскохозяйственные культуры. Во времена Советского Союза здесь впервые в Средней Азии получили постоянную прописку длинноволокнистые сорта хлопчатника. Продолжительность активной вегетации здесь составлял от 200 до 240 дней.¹

Вся территория Таджикистана густо покрыта как крупными, так и мелкими реками, ручьями, саями и родниками.

По данным литературы, общее протяжение рек республики составляет более 28,5 тыс. км, а их годовой сток равняется 80,5 млрд. куб. м.² Основные источники питания поливного земледелия здесь находятся в бассейнах двух великих рек Средней Азии – Амударьи и Сырдарьи.

По характеру источников питания все оросительные системы Таджикистана делятся на речные и родниковые, а по характеру использования источников орошения – на самоотечное и машинное.

В период образования Таджикской Советской автономной республики и последующие годы началось восстановление оросительной сети некоторых районов республики.³

В начале 1925 года было организовано Управление водного хозяйства (УВХ) при Совнаркомом Таджикской АССР. С 1925 года оно в течение пяти лет вело работу на правах Народного Комиссариата. Его водно-административное деление почти совпадало с областным территориальным делением, что имело положительное значение для организации работ. Вахшский водный округ соответствовал Курган-Тюбинскому, Кизилсуйский – Кулябскому, Кафирниганский-Гиссарскому, Сурхобский-Гармскому, Истравшанский –

¹ Касимов А., Хамраев М. Развитие орошения земель Советского Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 1985. – С.10.

² Шредер В. В. Реки, используемые для орошения в Таджикской ССР./ Изд.отд.еств. наук АН Тадж. ССР. Вып.1(28). – Сталинабад,1959. – С.103-105.

³ Касимов А., Хамраев М. Развитие орошения земель Советского Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 1985. – С.11.

Ура-Тюбинскому и Пенджикентскому, Горно-Бадахшанский – ГБАО. В свою очередь водные округа делились на водные районы, а они на водные участки и мирабства.

Под непосредственным влиянием революции в Бухаре 30 сентября 1920 г. был принят «Декрет о землеустройстве и землепользовании в БСНР».¹ Все земли, принадлежавшие эмиру, баям, казиям и крупным чиновникам, становились всенародным достоянием и передавались безземельным и малоземельным дехканам. В Хатлонской области (бывшие Курган-Тюбинский и Кулябские области) простые дехканы также получали небольшие участки земли.

После свержения эмира острая классовая борьба переросла в гражданскую войну, которая привела к запущению орошаемых земель и ирригационных систем. В 1924 году на территории Таджикской АССР орошаемая площадь сократилась в три раза (с 328 тыс. десятин до 102 тыс.).² В годы гражданской войны сильно пострадала ирригационная сеть хлопковых полей. В автономной республике она сократилась с 35 тыс. (1915 г.) до 400 десятин (1925 г.).³

Гражданская война в Таджикистане продолжалась дольше. Поэтому к капитальному ремонту каналов и сооружений здесь приступили значительно позже и вели его с 1925 по 1930 годы. Всего за годы гражданской войны и басмачества в южных районах республики, в том числе в районах Хатлонской, области было разрушено 80% всех ирригационных сооружений. Были совершенно выведены из строя такие магистрали, как Джуйбор, Катта, Сангова, Янги, Каланчи и десятки других.⁴

¹ История таджикского народа. Т. III, кн. 1. – М., 1964. – С. 96.

² Рыкунов М. В. Ближайшие задачи ирригации Средней Азии // Вестник ирригации. – № 4. – 1925. – С. 5.

³ Тромбачев С. П. Предварительные материалы к «Вопросу о развитии ирригационного строительства в Средней Азии» / Вестник ирригации. – № 12. – 1925. – С. 20.

⁴ ЦГА РТ. – Ф. 20. – Оп. 2. – Д. 978. – Л. 1.

Важнейшим условием подъема хлопководства и развития сельского хозяйства было не только восстановление старой ирригационной сети, но и строительство новой. В этих целях была организована Таджикская изыскательная партия. В Арал-Тугае и Кулябе она работала под усиленной охранной военных. Здесь свирепствовали басмаческие банды.

Благодаря специалистам Российской Федерации в Республике Таджикистан в годы первой пятилетки начались планомерные работы по изучению водно-земельных ресурсов, что дало возможность в дальнейшем перейти к осуществлению крупных проектов водохозяйственного строительства¹.

Трудящиеся Российской Федерации совместно с таджикскими рабочими к 1929 году восстановили существовавшие ирригационные системы и довели площадь орошаемых земель до 226 тысяч гектаров.²

Годы гражданской войны привели в запустение даже те небольшие участки поливной земли, которыми пользовались дехкане. В 1924 году в Вахшской долине орошалось всего около 7 тысяч гектаров земли, а на всей территории бывшей Курган-Тюбинской области насчитывалось лишь 14 тысяч гектаров используемых площадей.³

На многих ирригационных строительствах области руководящую роль играл рабочий класс, прибывший из Российской Федерации. Трудящиеся Российской Федерации являлись передовиками производства, увлекали за собой широкие массы рабочих, боролись с недостатками, способствовали выполнению и перевыполнению производственных планов.⁴

¹ Ахмедов А. Ирригация в Таджикистане. – Сталинабад, 1957. – С.6-7.

² Там же. – С.8.

³ Золотая долина. (под общ. ред. Набиева Р. Н.) – Душанбе: Ирфон, 1984. – С.4.

⁴ Хамраев М. Деятельность Компартии по развитию ирригации в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1972. – С.205.

Несмотря на первые мероприятия советской власти по подъему поливного земледелия, оно еще медленно развивалось. К осени 1924 г. на территории Таджикистана орошалось 113 тыс. гектаров земель, в том числе: по Вахшскому водному округу – 6,7 тыс. и Кизилсуйскому водному округу – 6,6 тыс.¹

В результате проведенных массовых водохозяйственных строительно-восстановительных работ за 1924-1925 годы в Автономной республике было восстановлено более 20 тыс. гектаров заброшенных земель. Учитывая благоприятные естественные и климатические условия для развития хлопководства, правительство (Ревком) Таджикской АССР уделяли главное внимание Курган-Тюбинскому области, где обследование узбекского хлопкового комитета и правительственной комиссии установили достаточное количество годной к орошению и использованию под хлопчатник земли. Здесь к осени 1925 года количество поливных земель достигло почти 12 тыс. гектаров.²

Особое внимание правительство республики в 1925 году уделяло развитию хлопководства. Оно являлось важным источником подъема благосостояния дехканских масс и обеспечения текстильной промышленности республики сырьем. Для посева этой культуры в 1926 году республика отводила 10 тыс. гектаров, в том числе по Курган-Тюбинскому области 5 тыс. и Кулябскому области 2,5 тыс гектаров.³

На заседание Исполнительной комиссии Оргбюро ТАССР (16 апреля 1926 г.) отмечалось, что как в целом в народное хозяйство, так и в ирригацию в частности, затрачены крупные капитальные вложения. Отмечая удовлетво-

¹ ЦГА РТ. – Ф.26. – Оп.1. – Д.815. – Л.1.

² Касимов А., Хамраев М. Развитие орошения земель Советского Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 1985. – С.14.

³ ЦПИ КП РТ. – Ф.1. – Оп. 1. – Д.176. – Л.102.

рительные темпы по восстановлению оросительных систем, на этом заседании отмечалась необходимость и в дальнейшем продолжить интенсивное восстановление систем с тем, чтобы затем их перестроить на инженерной основе и проводить новые оросительные работы.¹

Выполняя решения правительства республики УВХ ТАССР, направляло все усилия на увеличение поливных площадей в хлопковых районах. Проводились крупные работы по восстановлению каналов Джуйбор, системы Арала. Несмотря на недостаток рабочей силы, и технического персонала средней квалификации, был обеспечен нужный темп работы. Люди работали с полной отдачей силы.²

В 1928 году планировалось довести площадь посева хлопчатника до 32 тыс. гектаров. Это явилось замечательной победой по восстановлению почти дореволюционного уровня хлопководства.

На заседании исполнительного бюро обкома Таджикистана было принято специальное постановление «О ходе ирригационного строительства», в котором, подвергая критике, недостатки в этом деле, определялись задачи с целью обеспечения водохозяйственных мероприятий необходимыми силами и средствами.³

В результате осуществления этого решения уже в конце 1928 года на многих оросительных объектах произошли положительные сдвиги. Так, в Вахшском водном округе были закончены работы в головной части канала Ходжакала (Арал) и по отводам канала Джуйбор.⁴

В приросте поливных земель значительное место занимало трудовое участие населения в восстановлении ороси-

¹ Там же. – Л.132.

² Касимов А., Хамраев М. Развитие орошения земель Советского Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 1985. – С.16.

³ ЦПИ КП РТ. – Ф.1. – Оп.2. – Д.223. – Л.14.

⁴ Там же. – Л.57.

тельных систем. Оно делом отвечало на призыв правительства, – скорее оросить пустующие земли, засеять их ценными сельскохозяйственными культурами, и прежде всего хлопчатником.

Трудности и успехи восстановительных работ на ирригационных системах можно проследить на примере водных округов – Вахшского и Кизилсуйского.

Вахшский водный округ (соответствовал Курган-Тюбинскому области), делился на Курган-Тюбинский, Кабодианский, Саройкамарский и Аральский водные участки.

Курган-Тюбинский участок обслуживал канал Джуйбор, который был заилен и во многих местах разрушен. В декабре 1925 года началось его восстановление. Трудность работы заключалась в том, что в его головной части у реки Вахш, образовалось несколько островков, которые мешали проходу воды в сооружение. Специалисты решили построить головное сооружение на новом месте – в 1,5 км ниже прежнего.

Работа на Джуйборе велась энергично. С декабря 1925 по май 1926 года было выполнено, по тому времени, огромное количество работ. От Вахша до Джуйбора проложен канал со средней глубиной 6 метров, длиной 104 метра, расширено старое русло Джуйбора на протяжении 750 метров и проведено каменное укрепление. Кроме того, произведена очистка арыков Джиликуль, Узун, Каунтюбе, Таирмали, Хатиги и др. из них было вынута 150 тыс. кубометров грунта. На это мероприятие израсходовано 56,5 тыс. рублей. В результате всех этих работ в Курган-Тюбинском водном участке получено 7 тыс. гектаров новых поливных земель, а здесь имелось 22,4 тыс. гектаров годных к орошению земель.¹

Аральский участок подчинялся непосредственно Вахшскому водному округу, в административно-террито-

¹ ЦГА РТ. – Ф.26. – Оп.1. – Д.315. – Л.2-4.

риальном – Гиссарской области. Площадь равнинной части участка 185 кв. км. Весь земельный массив подразделялся на две части: центральный, так называемый «остров Арал» – площадью 118 кв. км. Другая часть территории, расположенная между Вахшем и отходящим от него полукругом на север, рукавом Ходжакала, окаймляющим «остров» с северо-востока на юго-запад до кишлака Кизилкала включительно. Площадь этой части составляет 67 кв. км.

Годы гражданской войны и борьбы с басмачеством пагубно сказались на хозяйстве острова Арал. Лишь с конца 1924 и начала 1925 гг. началось его возрождение к жизни: эмигрировавшее население возвращалось и приступало к восстановлению разрушенного хозяйства. Уже к концу 1925 года были частично отремонтированы и эксплуатировались три арыка: Катаган, Яримбек и Кум.

С 1926 года на Аральском участке начались крупные строительно-восстановительные работы. При участии дехкан были построены каменно-хворостные дамбы в головной части канала Ходжакала, восстанавливался арык Кум, ремонтировались другие арыки. Это позволило на три тысячи гектаров увеличить площадь орошенных земель. И уже к 1927 году было восстановлено орошение на 4428 гектарах, т.е. третья часть годных для этих целей земель.¹ Но здесь еще много староорошенных площадей оставалось заболоченными, заросшими камышом и кустарником. К этому времени в районе находились 1279 хозяйств, из них 165 были переселенцы из Гармского области. Благодаря реэмиграции и переселению росло число хозяйств. Это позволило ускорить восстановление каналов, расширить посевы. Но и тогда еще трудно было своими силами очищать каналы от наносов.²

¹ ЦГА РТ. – Ф.26. – Оп.2. – Д.137. – Л.15-16.

² Касимов А., Хамраев М. Развитие орошения земель Советского Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 1985. – С.19.

В 1927-1928 гг. развитие орошения в Вахшском водном округе велось тремя строительными участками Главного управления водного хозяйства республики. Однако они в полной мере не справлялись с делом. Масштабы работ были огромными. Очистка каналов здесь велась на протяжении 836 км с объемом земляных работ почти в четверть миллиона кубометров.

Анализ состояния оросительных систем двух водных участков Вахшского водного округа – Курган-Тюбинского и Аральского показывает, что, несмотря на восстановительные работы, ирригационные системы оставались примитивными. Для полного их восстановления и переустройства на основе современных гидротехнических знаний потребовалось много времени, сил и средств. Под руководством правительства эти задачи решались ускоренными темпами.

В Кулябской области долино-равнинная часть занимала сравнительно небольшое пространство. Здесь можно было оросить только 52 тыс. гектаров. Вследствие неправильной эксплуатации каналов, Кулябская долина была сильно заболочена и в значительной мере покрыта камышами и другими зарослями.¹

Состояние ирригационной системы Кизилсуйского водного округа (Кулябская область) можно было определить по двум его водным участкам: Фархарскому и Чубекскому. Первый из них – южный долинный район Кулябского области. Здесь состояние ирригационной сети оставалось крайне неудовлетворительным. Головные части каналов и дамбы были примитивными. Полуразрушенные арыки не имели регулировочных сооружений. Приведение всего этого хозяйства в порядок, требовало громадных средств и рабочей силы. Особенно в неудовлетворительном состоянии находился самый мощный канал Зулум, протяженностью до

¹ ЦГА РТ. – Ф.Р-27. – Оп.4. – Д.63. – Л.1-3; Оп.1. – Д.218. – Л.1.

35 км. Он должен был подавать воду на 20 тыс. гектаров, а фактически – на 600. В Фархарском водном участке в 1927 году площадь орошаемой земли составляла всего 5,4 тыс. гектаров, из них засевалось немногим более трети.¹

Состояние ирригационной сети Чубекского водного участка также считалось неудовлетворительным. Головные части каналов и дамбы были разрушены, вся сеть заилена.

Правительство республики особое внимание обращали на восстановление орошаемых площадей Кизилсуйского водного округа. 15 августа 1927 года на заседании Исполкомиссии Оргбюро ЦК КП (б) Узбекистана в ТАССР, отмечалось халатное отношение Водхоза республики к нуждам Кулябской области. Крупные расходы на ирригацию здесь не давали ощутимых результатов. Некоторое улучшение оросительных систем было достигнуто самим населением. Предлагалось УВХ республики немедленно приступить к укреплению водного аппарата в Кулябской области с тем, чтобы в 1928 году обеспечить рост орошаемых земель и довести хлопковые посевы до 8 тыс. гектаров.²

Осуществляя это задание правительства, УВХ республики развернуло большую ирригационно-восстановительную работу. В результате устройства головного сооружения на канале Зулум и насыпки дамб и других работ прирост орошенных земель достиг 3750 гектаров.³ И все же, несмотря на серьезные недостатки в изысканиях, восстановление оросительных систем обеспечило рост орошаемых земель этой области.

Важное место в развитии ирригационного строительства занимали научно-исследовательская и изыскательская работы. Ярким проявлением заботы правительства о развитии мелиорации явилось создание научных учреждений. В 1926

¹ Там же. – Ф.26. – Оп.2. – Д.137. – Л.40,44.

² ЦПИ КП РТ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.387. – Л.71.

³ ЦПИ КП РТ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.566. – Л.267.

году в Ташкенте открылся Среднеазиатский научно-исследовательский институт ирригации (САНИИРИ).

Исследования велись с целью научного обоснования нового орошения и переустройства существующей сети каналов. Такие работы в 1925 г. развернулись и на территории Хатлонской области. Оно показало, что в бассейнах Вахша можно оросить 68 тыс. гектаров, на Кизилсу и Яхсу – 50 тыс., в верховьях Пянджа – 5 тыс. гектаров.¹

В январе 1925 г. Средазводхоз снарядил экспедиционный отряд из нескольких партий для обследования ирригационных систем Явана, Даганакиика, урочище Арала, Курган-Тюбе, Джиликуля, Сарайкамара, Чубека, Пархара, Куляба с площадью 25 тыс. квадратных верст. Эти партии находили широкую поддержку у населения, которое было кровно заинтересовано в восстановлении каналов и сооружений.

В 1927 году в Вахшском водном округе в зоне крупного канала Джуйбор были закончены топографические и нивелировочные работы с целью выявления способов увеличения воды на орошение 16 тыс. гектаров. Успешно завершилось обследование острова Арала. Материалы изыскания дали возможность составить проект переустройства сети, обеспечивающий увеличение посевов на 7 тыс. гектарах. Значительный объем изысканий был выполнен на Фархоро-Чубекском участке. В результате этих работ посевная площадь здесь увеличивалась на 5,7 тыс. гектарах.² На всех этих объектах за изысканиями и составлением проектов приступали к строительным работам.

В результате героического труда и помощи представителей братских народов страны, в особенности трудящиеся Российской Федерации, большой организационно-руководящей деятельности партийных, общественных орга-

¹ Виноградов Г. Водные изыскания в Восточной Бухаре и перспективы / Вестник ирригации. – №3. – 1925. – С.49.

² ЦПИ КП РТ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.428. – Л.79; Д.436. – Л.71, 119.

низаций в начале второй пятилетки успешно завершилось строительство Вахшской ирригационной системы.¹

Первая мелиоративная кооперация в Таджикистане была организована в начале 1925 года под названием «Джилликульское мелиоративное товарищество». А в 1930 году количество мелиоративных коопераций увеличилось до 55.² Если в 1925 году им было выдано более 10 тыс. рублей кредита, то в 1930 году – почти 180 тыс.³

В восстановлении и улучшении водного хозяйства республики большое значение имели и другие мероприятия правительства Таджикистана. 1 августа 1927 года на заседании Исполкомиссии Оргбюро КП (б) Узбекистана в ТАССР был заслушан вопрос «О работе с водопользователями» и было принято постановление о съездах водопользователей. Исходя из этого, 17 января 1928 года были приняты «Положение о мирабах» и «Положение о водных обществах и съездах водопользователей».⁴

В «Положении о мирабах» говорилось, что мираб заведует отдельным арыком, избирается водопользователями данного арыка и утверждается окружным отделом водного хозяйства. Мираб охранял воду от хищения и небрежного обращения, участвовал в организации и проведении натуральной повинности, учета произведенных работ, чистка канала водопользователями и др.

В «Положении о водных обществах и съездах водопользователей» определено значение этих съездов в деле привлечения дехкан к активному участию в строительстве и эксплуатации ирригационных систем.⁵

¹ Абулхаев Р. А. Развитие ирригации и освоение новых земель в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1988. – С. 21.

² ЦПИ КП РТ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.876. – Л.38.

³ Там же. – Д.130. – Л.22; Д.267. – Л.46.

⁴ Там же. – Д.696. – Л.7.

⁵ Касимов А., Хамраев М. Развитие орошения земель Советского Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 1985. – С. 28.

В 30-е годы по количеству и качеству механизмов, применявшихся на строительстве, Вахшская оросительная система стояла на одном из первых мест среди других всесоюзных ударных строек. Грузы (строительные материалы и оборудование) для Вахшстроя шли со всех концов Советского Союза – из Центральной России, Сибири, Украины и других союзных республик. Для их перевозки с пристани Нижнего Пянджа на строительные объекты использовалось более 350 автомашин – большое количество по тому времени.¹

Таким образом, все эти меры в восстановительный период способствовали развитию ирригационного строительства и расширению орошаемых земель, оказали огромное влияние на подъем народного хозяйства, а также улучшению материального благосостояния и культурного уровня таджикского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абулхаев Р. А. Развитие ирригации и освоение новых земель в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1988. – С.21.
2. Ахмедов А. Ирригация в Таджикистане. – Сталинабад, 1957. – 50 С.
3. Виноградов Г. Водные изыскания в Восточной Бухаре и перспективы // Вестник ирригации. – №3. – 1925. – С.49.
4. Касимов А., Хамраев М. Развитие орошения земель Советского Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 192 с.
5. Тромбачев С. П. Предварительные материалы к «Вопросу о развитии ирригационного строительства в Средней Азии» // Вестник ирригации. – №12. – 1925. – С.20.
6. Рязанцев С. Н. Таджикиская ССР // В кн.: «Средняя

¹ История таджикского народа. Том 5. – Душанбе: Империял-груп, 2004. – С. 576.

- Азия». – М., 1968. – С. 417.
7. Рыкунов М. В. Ближайшие задачи ирригации Средней Азии/Вестник ирригации. – №4. – 1925. – С.5.
 8. Шредер В. В. Реки, используемые для орошения в Таджикской ССР // Изд.отд.естеств. наук АН Тадж. ССР. Вып.1(28). – Сталинабад,1959. – С.103-105.
 9. Ходжибаев А. Таджикистан. Краткий политико-экономический очерк Таджикской ССР. – М., 1929. – С.31.
 10. Хамраев М. Деятельность Компартии по развитию ирригации в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1972. – 330 С.
 11. История таджикского народа, т.111, кн.1. – М., 1964. – С.96.
 12. История таджикского народа. Том 5. – Душанбе: Империл-групп, 2004. – С.576.
 13. ЦГА РТ. – Ф.20. – Оп.2. – Д.978. – Л.1.
 14. ЦПИ КП РТ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.387. – Л.71.

**ВКЛАД АКАДЕМИКА А.А. СЕМЕНОВА
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ТАДЖИКСКОГО НАРОДА**

**Материалы международной
научно-теоретической конференции
Душанбе, 13 декабря 2014 г.**

Художественный редактор Ромиш Шерали
Технический редактор _____

Сдано в производство 11.08.2014.
Подписано к печати 18.08.2014. 17,5 печ.л.
Формат 60x84 1/16. Тираж ____ экз.

Отпечатано в _____